

С.В.Цветков

КНЯЗЬ РЮРИК И ЕГО ВРЕМЯ

Annotation

Книга С. В. Цветкова «Князь Рюрик и его время» — одно из первых в исторической литературе подробных исследований на эту тему. В этой работе проанализированы все существующие версии происхождения Рюрика и варягов, убедительно доказаны его южно-балтийские славянские корни, показаны не только его завоевания и достижения, но и освещены многие бытовые стороны жизни того времени, становление и развитие городов, международной торговли и образование русской нации.

Богатейший иллюстрированный материал, представленный в книге и основанный на археологических данных, помогает лучше ощутить атмосферу того времени.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

-
- [С.В. Цветков](#)
 -
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Заключение](#)
 - [Приложение 1.](#)
 - [Приложение 2.](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)

- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)

- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)

- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)

- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)

- [292](#)
 - [293](#)
 - [294](#)
 - [295](#)
 - [296](#)
 - [297](#)
 - [298](#)
 - [299](#)
 - [300](#)
 - [301](#)
 - [302](#)
 - [303](#)
 - [304](#)
 - [305](#)
 - [306](#)
 - [307](#)
 - [308](#)
 - [309](#)
-

С.В. Цветков
Князь Рюрик и его время

«БЛИЦ» — «Русская панорама», 2012

Глава 1.

Происхождение Рюрика

Вопрос образования Древнерусского государства и сегодня является одним из самых спорных вопросов исторической науки^[1]. В 1862 году Россия отмечала тысячелетие русской государственности, в честь чего был установлен памятник в Новгороде, где Рюрик занял место основателя нашего государства. Сейчас мы хорошо себе представляем, что и в доваряжский период существовало государство, известное нам как Русский каганат. Прошедшая в Санкт-Петербурге в конце октября 2010 года Международная конференция «Начала Русского мира» предложила вести отсчет начала Древнерусской государственности с похода русов на Константинополь в 860 году, произошедшего за два года до призвания Рюрика. Резолюция этой конференции дана в приложении к данной книге. Рюрик, призванный на княжение союзом или конфедерацией племен Северной Руси, лишь начал процесс объединения племен Северной Руси, и только князь Олег, совершив, по сути, династический переворот в Киеве, объединил Северную и Южную Русь в 882 году.

По справедливому замечанию А.А. Шайкина: «Как-то молчаливо полагается, что если о Рюрике говорится как о князе, пришедшем из чужой земли и давшем начало династии, то, стало быть, летописец должен был видеть в его фигуре нечто значительное. Однако, рассказывая о Рюрике, летописец ни разу ни от себя, ни через посредство какого-либо персонажа не говорит о том, что с Рюрика начинается новый этап в жизни Русской земли». Он также подчеркивает, что «имени Рюрика нет даже в перечне русских князей в хронологической таблице 852 года, первым русским князем здесь назван

Олег». Нет также Рюрика и в других источниках, в частности в «Слове о полку Игореве». «Он был для летописца фигурой местного, областного значения: киевским князем он не стал»^[2]. С другой стороны, то, что первым князем назван Олег, это естественно, поскольку он действительно был первым киевским князем новой династии Рюриковичей.

Сам князь Рюрик, который многими учеными до сих пор считается основателем, как древнерусской государственности, так и родоначальником княжеской династии, правившей Русью почти семьсот лет, является вместе с тем одной из самых загадочных фигур нашей истории. До сих пор ведутся споры о том, откуда он родом, кто по национальности и почему именно его призвал на княжение в эпоху первой в нашей истории смуты племенной союз словен, кривичей, мери, веси и чуди. Вопрос призвания Рюрика теснейшим образом связан и с этнической принадлежностью варягов-руси.

Можно смело сказать, что началом нашей письменной истории была именно смута, а она, если проследить нашу дальнейшую историю, начинается, как правило, тогда, когда пресекается царствующая династия. Следует отметить, что среди этих пяти северных племен, призвавших Рюрика, только три достоверно славянские — это словене, кривичи и меря, да и то предпоследние с явной примесью балтской крови, а последние — с угро-финской. Два же других племени — чисто угро-финские. И это далеко не случайно, что этот союз состоял из разных этнических групп.

Славяне, пришедшие на северные территории Восточной Европы, застали там угро-финские племена, с которыми вошли в союзнические отношения, что говорит, в основном, о мирном характере миграции славян — это подтверждается и тем, что призвание Рюрика с варягами они осуществили совместно. То есть

и до призвания Рюрика союз племен, ставший ядром северной части Древнерусского государства, уже существовал как предгосударственное образование. К описанию этих племен и территорий их проживания мы еще вернемся, а сейчас обратимся непосредственно к Рюрику.

Существует несколько версий происхождения Рюрика, главные из которых — скандинавская и славянская (южнобалтийская). Бытуют также легенды о его финском или прусском происхождении. Вопрос — откуда пришел Рюрик и кто он был по национальности крайне важен для понимания нашей истории и даже сегодняшнего национального менталитета. Не следует забывать, что в XX веке Гитлер обосновывал свое право на владение Россией именно исходя из того, что считал Рюрика и его варяжскую дружину скандинавами, т. е. представителями германских племен. Благодаря беспрецедентной изначальной политизации этого вопроса, очень трудно и сегодня многим исследователям отделить плевелы от пшеницы.

Вместе с тем не существует никаких исторических источников, которые подтверждали бы скандинавскую версию происхождения Рюрика и варягов. В исландских сагах упоминание русских князей начинается с князя Владимира, который первым в русской истории стал брать викингов на службу. Их тоже называли варягами, как и другие народы и племена, жившие «за морем». Археологические находки скандинавских предметов, за которые зачастую принимают предметы общеевропейские, в самых древних слоях столь единичны, что скорее можно говорить либо об импорте этих предметов (особенно женских), либо о самом незначительном, локальном присутствии скандинавов на территории Древней Руси в IX в. То, что присутствие могло быть, никто не отрицает — весь вопрос когда, в

каком количестве и какую социальную нишу в древнерусском обществе они занимали.

В книге Е. В. Пчелова «Рюрик», изданной в 2010 году в серии «Жизнь замечательных людей», сделана основанная на источниках о Рорике Ютландском попытка обосновать его идентичность с Рюриком древнерусских летописей. Оказывается, что Рорик Ютландский был крещен в 826 году^[3]. Но где ж в таком случае раннехристианские следы в Старой Ладоге и на Рюриковом городище? В качестве их идентификации он считает «синхронность деятельности обоих героев» и приводит хронологию деятельности Рорика Ютландского, которая «упоминается в анналах в связи с событиями:

850 года, когда он получил в лен от Лотаря I Дорестада и другие земли (хотя еще при жизни Людовика Немецкого, то есть до 840 года, он держал Дорестада в качестве бенефиция, а потом служил Лотарю I и Людовику Немецкому);

855 года, когда он предпринял неудачную попытку закрепиться в Дании и вернулся в Дорестада;

857 года, когда, будучи вассалом Лотаря II, ему удалось отвоевать некоторую часть Ютландии у Хорика II;

863 года, когда он стал вассалом Карла Лысого и получил от него владения во Фрисландии;

867 года, когда он, будучи изгнанным из Фрисландии, угрожал войной Лотарю II;

870 года, когда он заключил "союз" с Карлом Лысым в Нимвегене;

872 года, когда он дважды встречался с Карлом Лысым и стал его вассалом;

873 года, когда он стал вассалом Людовика Немецкого.

В 882 году бенефиций Рорика во Фрисландии был отдан Карлом Толстым другому конунгу — Готфриду.

Следовательно, Рорика, вероятно, уже не было в живых»^[4].

Если сопоставить данные русских летописей о деятельности Рюрика, то никакой «синхронности» не наблюдается. Его призывают на княжение в Северную Русь в 862 году, и как после этого он в 863 году становится вассалом Карла Лысого да еще получает во владение Фрисландию? Бросив Русь, сразу после вокняжения? Получается, что все время своего правления на Руси он постоянно взаимодействует (то воюет, то заключает договора с франкскими королями, то получает от них ленные владения). Стали бы призывать столь озабоченного делами на западе датского конунга на княжение в Северную Русь, где царил смута? Маловероятно. К тому же и летопись молчит о его деяниях на западе, как молчат анналы о его правлении на Руси.

Да и сам автор этой гипотезы в ней не слишком уверен: «Другое дело, что летописная хронология плохо соотносится с хронологией анналов. Это, впрочем, неудивительно, ведь хронология летописи за ранний период высчитывалась задним числом. Исследователи признают, что за "языческий период" русской истории он носит условный характер. Поэтому и 862, и 879 годы могли не соответствовать тем событиям, которые описаны в летописи под этими датами. Тем не менее появление этих летописных датировок требует своего объяснения. Пока не ясно, каким образом летописец определил их. Поэтому вопрос о тождестве Рорика Ютландского и Рюрика Новгородского следует признать открытым, но однозначных оснований для отрицания такой возможности все же нет. То, что в анналах ничего не говорится о связях Рорика с Русью, как и в летописях — о связях Рюрика с Европой, конечно, ничего не доказывает»^[5]. Если следовать подобной логике, тогда зачем вообще опираться на Повесть временных лет

даже в языческий период ее хронологии? Двойные стандарты хороши в политике, но никак не в исторической науке.

Одним из главных аргументов в пользу того, что русы — это шведы нам предлагают так называемые «Вертинские анналы», сообщающие о посольстве русов, прибывшее в Ингельхайме вместе с послами византийского императора Феофила к германскому императору Людовику Благочестивому: «С ними (послами. — С.Ц.) он прислал еще неких (людей), утверждавших, что они, то есть народ (gens) их, называется рос (Rhos) и что король (rex) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он (Феофил. — Сост.) просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь (Constantinopolis) пролегал по землям варварских (barbarus) и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав (цель) их прибытия, император (Людовик. — Сост.) узнал, что они из народа свеев (Sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет. Об этом он через упомянутых послов, а также через (собственное) послание не замедлил сообщить Феофилу, равно как и о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить»^[6].

Во-первых, свей и свеоны два разных народа и непонятно, почему переводчик их упорно называет свеями, то есть шведами, а не свеонами (sueones), известным еще по Тациту племени мореходов, проживающими на островах Балтийского моря. Во-вторых, сами себя они называли византийскому императору послами народа рос, а германский император вдруг выясняет, что они свеоны. Каким образом он это выясняет, не сказано, как и неизвестна их дальнейшая судьба.

Встает вопрос, а выгодно ли императору франков было сказать своему главному политическому сопернику императору Византии правду о послах «народа рос»? Русский каганат никак не соприкасался с франками, зато был набирающим силу соседом Византии. Выгодна была дружба и союз между Византией и русами (росами) Людовику Благочестивому? Конечно же нет. Тем более они могли вернуться в Русский каганат только через земли своих сородичей и торговых партнеров балтийских славян — то есть врагов франков! Вот он и решил представить их византийскому императору как шпионов, но никак не послов. Ему так было выгодно.

То, что Людовик решил (в тексте нигде не сказано, что они об этом сказали императору сами), что они свеоны, тоже можно понять. Свеоны (принадлежащие к древним свевам, свебам) были ему хорошо известны, поскольку жили тогда в соседней Испании, где основали свое королевство. А сама Свевия (Свебия) по Тациту занимала огромную территорию (рис. 1), а Балтийское море в его времена называлось Свевским (Свебским) морем. Свеоны же жили на островах, в том числе и на Балтике. Тацит считал его частью Океана. «За ними (ругиями и лемовиями. — С. Ц.), среди самого Океана, обитают общины свионов; помимо воинов и оружия, они сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любой из своих

оконечностей, так как та и другая имеет у них форму носа. Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них, как принято на некоторых реках, съёмные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону. Им свойственно почитание власти, и поэтому ими единолично, и не на основании временного и условного права господствовать, безо всяких ограничений повелевает царь. Да и оружие, в отличие от прочих германцев, не дозволяется у них иметь каждому: оно всегда на запоре и охраняется стражем, и притом рабом: ведь от внезапных набегов врага они ограждены Океаном, а руки прибывающих в праздности вооруженных людей сами собой поднимаются на бесчинства; да и царям не на пользу вверять попечение об оружии знатному, свободному и даже вольноотпущеннику»^[7].

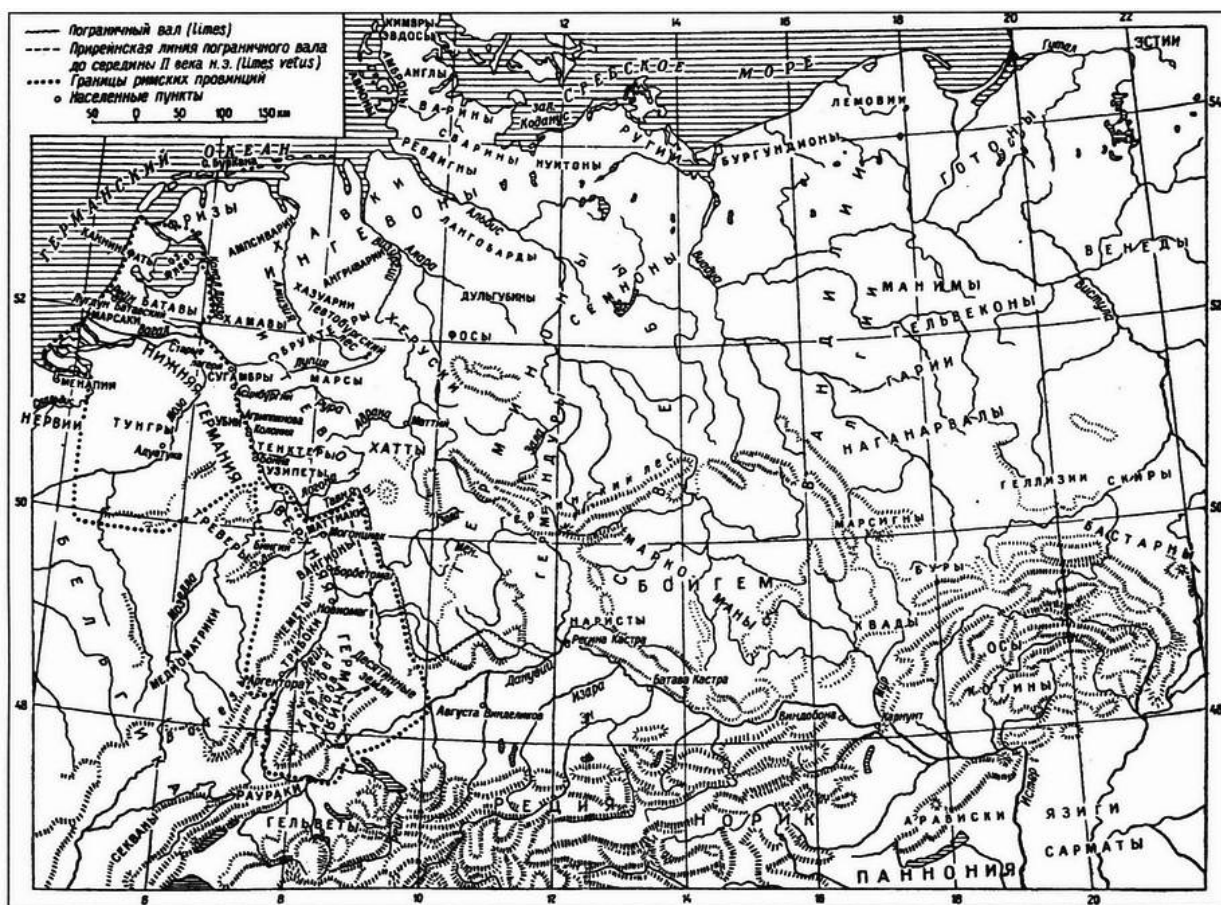

Рис. 1. Карта к «Германии» Тацита

Соседями свеонов были ругии (руги), давшие название острову Рюгену, где в описываемое время жили балтийские славяне, современники Людовика и хорошо знакомые ему. Не исключено, что на этом острове проживали вместе со славянами и остатки свеонов. Рутов в те времена, как это будет видно из дальнейшего, часто называли и русами. Так что не удивительно, что Людовик посчитал их свеонами или решил выдать их таковыми из политических соображений императору Феофилу.

Интересная параллель напрашивается со свеонами Тацита и славянами, описанными у Ибн Русте, арабского географа X века, опирающегося частично на сведения IX

века: «Глава их (страны славян. — С.Ц.) коронуется. Местопребывание его в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они зовут "главой глав" (Раис ар-руаса), зовется у них свиет-малик, и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем (наместником). Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет иной пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги»^[8]. Посмотрите, как согласуется это с жесткой верховной властью у свеонов и хранение оружия царем. Не исключено, что потомки свеонов вместе с балтийскими славянами и через их посредство оказались в Русском каганате. Совершенно непонятно, причем здесь шведы, и налицо искусственная привязка русов Русского каганата к шведам. При этом эти пресловутые шведы якобы приходят на Русь почему-то во главе с датским конунгом.

Важнейшим аргументом в пользу норманнской теории происхождения варягов-руси и Рюрика часть специалистов считает якобы скандинавские названия днепровских порогов, названия которых по-русски и по-славянски приведены в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей». М. Ю. Брайчевский проанализировал «русские названия» порогов, доказал, что они гораздо лучше расшифровываются с применением иранских языков, в частности осетинского, из чего он делает вполне обоснованный вывод: «Очевидно, было бы ошибкой относить возникновение приведенной Константином Багрянородным "русской" номенклатуры днепровских порогов к середине X в. Она, несомненно, намного старше, и, скорее всего, восходит к последним векам нашей эры, когда сарматские полчища затопили южнорусские степи. Именно эта номенклатура была исходной и приобрела международное значение; славянская представляет собой переводы или кальки

сарматских названий. Она сложилась не ранее III—IV вв. (а скорее — после разгрома гуннов), когда наши предки начали активную колонизацию Степного Причерноморья и освоение Днепровского водного пути». Он также показал, что русские названия порогов транскрибированы значительно лучше славянских, из чего следует, «что "русская" терминология была известна в Константинополе лучше "славянской" и применялась более часто для практических целей. Традиция имела глубокие хронологические корни, что делало "русские" названия более привычными и знакомыми»^[9]. Таким образом, можно констатировать, что основные аргументы в пользу норманнского происхождения Рюрика не выдерживают критики. Аргументы второстепенные будут проанализированы ниже.

Вся историческая логика подсказывает, что князь, призванный на правление в Северную Русь, мог быть только славянином. «Теперь, чего искали словене в своих новых князьях, куда должны были обратиться для избрания новой династии? — писал С. А. Гедеонов: Требования призвания определяются его причинами. Притязания прежних княжеских родов прекращается только передачей прав их в иной, высший по своему значению в Славянщине род славянских князей; потребности народа могло удовлетворить только призвание князя, который владел бы Словенской землей и судил по праву, разумеется, словенскому». А таковым мог быть только князь славянский^[10].

В качестве примера призвания иностранцев очень любят вспоминать приглашение англов и саксов в Британию, забывая о том, что британцы призвали эти германские племена отнюдь не на княжение, а лишь на военную службу для защиты романизированной к тому времени Британии от пиктов. Призвание иностранцев в качестве правителей случалось на практике, как

правило, лишь при прекращении собственной правящей династии и в том случае, если они были в близком родстве с этой династией.

Необходимо также понимать, что славянский князь не являлся полновластным монархом. Его права были существенным образом ограничены, и главной обязанностью князя была защита своих подданных от внешних врагов. Особенно его права были ограничены в Новгородской земле. В. Л. Янин отмечает: «Князь связан по рукам и ногам не только традиционными условиями договора, но и гордой формулой "вольности в князьях": новгородцы вольны как пригласить князя, так и изгнать его, если его действия не заслужат их одобрения»^[11]. Эти слова в полной мере относятся и ко времени Рюрика, если вспомнить, что его призванию предшествовало изгнание варягов. В отличие от источников относительно Рюрика Ютландского, которые никак не отмечают его присутствие на Руси, существует большое количество как древнерусских, так и западных источников, пускай и более позднего времени, чем Повесть временных лет, но говорящие о южнобалтийском происхождении Рюрика. Их сравнительная «молодость» не есть свидетельство позднейших домыслов — скорее всего эти летописи опирались на более древние, не дошедшие до нас хроники.

Первый источник, который напрямую указал на Южную Балтику как на родину Рюрика, это «Сказание о князьях Владимирских», возникшее во второй половине XV века. В нем говорится, что новгородский воевода Гостомысл перед своей кончиной созвал сограждан и сказал им:

«Съвет даю вам, да поедете в Прусскую землю мудра мужа и призовите князя от тамо сущих родов римска царя Августа».

Необходимо отметить, что эта «прусская» версия возникла на определенном историческом фоне. Поскольку пруссы и литовцы считались выходцами из Рима, то их князья вели свои легендарные родословные от самого императора Августа. Появление этой «августинианской» легенды, по мнению В. В. Фомина, «было продиктовано притязаниями России на равное место среди европейских держав. Но равенство их вытекала из равенности исторического начала, поэтому родословная московских великих князей была возведена, согласно распространенной тогда практике, к Августу "кесарю", наиболее почитаемому европейскими монархами из всех правителей древности». Такое особое отношение к нему было вызвано тем простым обстоятельством, что именно в годы его правления родился Иисус Христос. Вместе с тем в «Сказании» ничего не говорится о национальности Рюрика^[12].

Известно также «Послание о Мономаховом венце» митрополита Спиридона, написанное им в начале XVI века, где эта тема повторяется:

«И в то же время некий воевода новгородский именем Гостомысль скончавает житие и съзвва владальца сущая с ним Новагородау и рече: "Совет даю вам, да поедете в Прусскую землю мудра мужа и призовите князя от тамо сущих родов римска царя Августа рода". Они же шедшее в Прусскую землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суща от рода римска царя Августа, и молиша его с посланми всех новгородцев. Князь же Рюрик прииде к ним в Новгород и име с собою два брата; имя единому Трувор, другому Синеус, а третий племянник именем Олег. И оттоле наречен бысть Новъгород Великий; и княжай в нем князь велики Рюрик»^[13].

Коснемся немного ранней истории Южной Балтики. Известный археолог М. Б. Щукин установил, что уже в

середине I в. н. э. вовсе не балтские племена составляли большинство на Самбии, т. е. в Пруссии — их потеснили пришельцы из Подунавья — так называемые «блуждающие венеды», которых очень интересовала янтарная торговля. Он относил их к кельтам [\[14\]](#).

Рис. 2. Изображение Рюрика в московской Грановитой палате

Другие исследователи видят в венедах славян, которых впервые описал римский историк Корнелиус Тацит. Во всяком случае, балтийские славяне издавна сотрудничали с пруссами, пришедшими в Янтарный край в V в. н. э., и имели с ними родственные связи и близкую культуру. И в самой Пруссии были славянские поселения.

Известный историк А. Г. Кузьмин показал, что в среде балтийских славян существовали многочисленные легенды, связанные с основанием императором Августом многих городов, в том числе знаменитого города Волина^[15]. Не следует забывать и о том, что балты, к числу которых относились и пруссы, ближе всех среди индоевропейцев стоят к славянам, и имели очень близкий к славянам не только язык, но и мифологические представления и имена главных языческих богов. Похожим было и теократическое правление с главенством жреческой власти над княжеской.

Интересно, что и сегодня на одной из стен Грановитой палаты Московского Кремля есть изображение Рюрика с надписью: «В Руси самодержавное царское жезлоправление начасия от Рюрика, иже приде из варяг со двумя братами своими и с роды своими, иже бе от племени Прусова. Прус же брат бысть единоначальствующего на земли Римского кесаря Августа, и великий же князь Рюрик в Великом Новгороде царствуя, остави сына своего Игоря» (рис. 2).

Иоакимовская летопись, чей известный нам поздний список, по предположению ряда исследователей, восходит к первоначальному тексту новгородского епископа Иоакима (ум. в 1030 г.), представляет Рюрика славянином, сыном средней дочери Гостомысла Умилы и

правнуком Буриvoja. Все три последних имени, как считают многие ученые, встречаются только у балтийских славян.

Эта летопись, которая была переписана В. Н. Татищевым и включена в его труд по истории России, содержит древнюю и весьма легендарную историю образования Руси.

«О князьях русских стародавних Нестор-монах не слишком был осведомлен — о том, что делалось у словен в Новгороде, а святитель Иоакиму весьма осведомленный, написал о том, что сыновья и внуки Иафета разделились и один из них князь Славян с братом Скифом, много воюя на востоке, ушли на запад и покорили себе многие земли по Черному морю и по Дунаю, а по имени старшего брата, прозвались славянами, а греки в похвалу их называли алазонами, а ругательно — амазонами, так как есть женщины. Так называвшиеся, без титок, как об этом свидетельствует один древний и великий стихотворец.

Славян-князь, оставив во Фракии и Иллирии, на берегах моря и в землях по Дунаю сына Бастарна, сам пошел на север и основал великий город, названный в его честь Славянск, а Скиф остался обитать в пустынных местностях у Понта и Меотиса, добывая пропитание скотоводством и грабительством, и прозывалась та страна Скифия Великая.

После построения Великого города умер Славян-князь, а после него княжили сыновья и внуки в течение сотен лет, и был князь Ванда, владевший славянами и ходивший повсюду походами: на север, восток и на запад, морем и сушею, завоевал многие земли по берегам моря и покорял себе многие народы, и возвратился наконец в город Великий.

Потом Ванда послал на запад подвластных ему князей, родственников Гардорики и Гунигара, с большим войском из славян, руси и чуди. И они пошли и покорили

многие страны. Но не возвратились, и Ванда́л разгневался на них, все земли от моря до моря себе подчинил и сыновьям своим раздал. Он имел трех сыновей — Избора, Владимира и Столпосвята, каждому из которых построил по одному городу и назвал их именами. Отдав им всю землю, сам Ванда́л жил в Великом городе много лет, пока не умер в глубокой старости, а после себя оставил Избору город Великий и братьев его ему подчинил.

Потом померли Избор и Столпосвят, а Владимир завладел всеми их землями. Он имел жену из варягов Адвинду, весьма прекрасную и мудрую, о которой многое рассказывают старые люди и слагают о ней песни. После смерти Владимира и жены его Адвинды княжили сыновья его и внуки до Бури́вой, который был девятое колено после Владимира, а имен этих восьми мы не знаем, ни о делах не осведомлены, разве что в песнях древних о них слыхали. Бури́вой имел тяжелую войну с варягами, много раз побеждал их и завладел всею Биармией до Кумени. Потом возле этой реки он был побежден, потеряв всех своих воинов, а сам едва спасся, пришел в город Биармию, который был построен на острове как крепость, и там правил с помощью подвластных ему князей, пока не умер. Варяги потом пришли и взяли город Великий и прочие города, и возложили тяжелую дань на славян, русь и чудь»^[16].

Следует отметить, что имя Бури́вой, созвучно имени новгородского князя Бравлина, известного нам по Житию святого Стефана Сурожского.

Этот князь со своей дружиной напал на многие крымские города в конце VIII — начале IX века. «По смерти же святого пришла рать великая русская из Новгорода, князь Бравлин весьма силен и, попленив от Корсуни до Корчева, со многою силой пришел к Сурожу. Десять дней продолжалась злая битва, и через десять дней Бравлин, силою взломав железные ворота, вошел в

город и, взяв меч свой, подошел к церкви святой Софии». В. В. Фомин обратил внимание на то, что имя князя Бравлина ассоциируется с битвой при Бравалле, где в 787 году, то есть незадолго до описываемых событий, даны и их союзники балтийские славяне дали бой шведам^[17].

Не есть ли это указанием на то, что князь Бравлин был выходцем с берегов Южной Балтики? Не исключено также, что имя Бравлин — искаженное имя князя Буриной, отца небезызвестного Гостомысла, который, согласно Иоакимовской летописи, известной нам по трудам В.Н. Татищева, призвал на княжение Рюрика с Синеусом и Трувором. Если князь Буриной действительно существовал, то по времени своей жизни он мог напасть на Сугдею. Это может свидетельствовать о том, что балтийские славяне уже во время описываемых событий имели свои торговые поселения в Восточной Европе.

М.И. Артамонов считает, что это нападение вызвало серьезные политические решения в Византии и Хазарии: «Если учесть, что нападение Руси во главе с князем Бравлином на южное и восточное побережье Крыма, "от Корсуни до Корча", произошло до построения Саркела, то одного этого было бы вполне достаточно, чтобы привлечь внимание и Византии, и Хазарии к новой грозной силе, появившейся в Восточной Европе. Это нападение охватило не только сравнительно ограниченные греческие владения в Крыму, но и области этого полуострова, находившиеся во власти хазар. Известно, что в Суроже (Сугдее) в это время сидел хазарский наместник Юрий Тархан. У хазар и Византии были все основания опасаться, что на этом роль Руси не кончится, и озаботиться организацией эффективной защиты от новых нападений этого врага»^[18]. Необходимо отметить, что Хазария, как это будет видно

из дальнейшего, столкнулась с русами много раньше Византии (по крайней мере, с середины VIII в.).

Б. А. Рыбаков предполагает: «блокирование Византией устья Днепра и того побережья Черного моря, которое было необходимо русам для каботажного плавания к Керченскому проливу или в Царьград, и послужило причиной русского похода на византийские владения в Крыму, отраженного в "Житии Стефана Сурожского"»^[19].

А. Н. Сахаров считает, что в результате этого нападения был заключен один из первых договоров с Византией. Русы «вернули все, что награбили, вывели рать из города, ничего не взяв с собой, и отпустили пленных. Перед нами характерные черты мирного соглашения времен не только "дорюриковой", но и "додоговорной" Руси». А. Н. Сахаров подчеркивает, что это было «типичное соглашение с местными византийскими властями, которое было заключено, возможно, в трудных для русов обстоятельствах. Важно отметить и факт участия в событиях архиепископа Филарета. В делах государственных, в том числе внешнеполитических, византийские церковные иерархи имели большое влияние». Поскольку архиепископ Филарет крестил князя Бравлина, А. Н. Сахаров не исключает, что он участвовал в переговорах с русами, «настояв на вышеупомянутых условиях соглашения, где на первом месте стояло возвращение церковных ценностей.

Обращает на себя внимание условие о возвращении пленных — одно из древнейших в дипломатической практике всех народов, в том числе и антов»^[20].

Необходимо отметить: это нападение, судя по всему, не было обычным грабительским походом, а имело вполне ясные политические причины — все, что мешало развитию международной торговли, а это было основным занятием русов, по возможности, устранялось

с помощью военной силы — об этом говорит вся дальнейшая история развития Древней Руси.

Данные факты являются важнейшим свидетельством того, что задолго до призвания Рюрика и варягов русы уже представляли из себя серьезную военную и политическую силу и показали свою мощь Византии.

Далее в Никоновской летописи рассказывается об изгнании варягов:

«Народ, будучи не в силах терпеть тяжелый гнет варягов, послал к Буривою просить у сына его Гостомыслау чтобы тот пришел и княжил в Великом городе. И когда Гостомysl принял власть, то он убил тамошних варягов, а других прогнал, от дани варягам отказался и пошел на них войною и победил, и построил город на берегу моря, назвав его в честь старшего сына Выбором, заключил с варягами мир, и наступила тишина во всей земле.

Этот Гостомysl был мужем очень храбрым, а также и мудрым, для всех соседей своих был страшен, а людьми своими — любим, так как судил справедливо. Поэтому и соседние народы его уважали и давали ему дары и дани, живя с ним в мире, и многие князья из далеких стран приходили морем и сушею насладиться его премудростью»^[21].

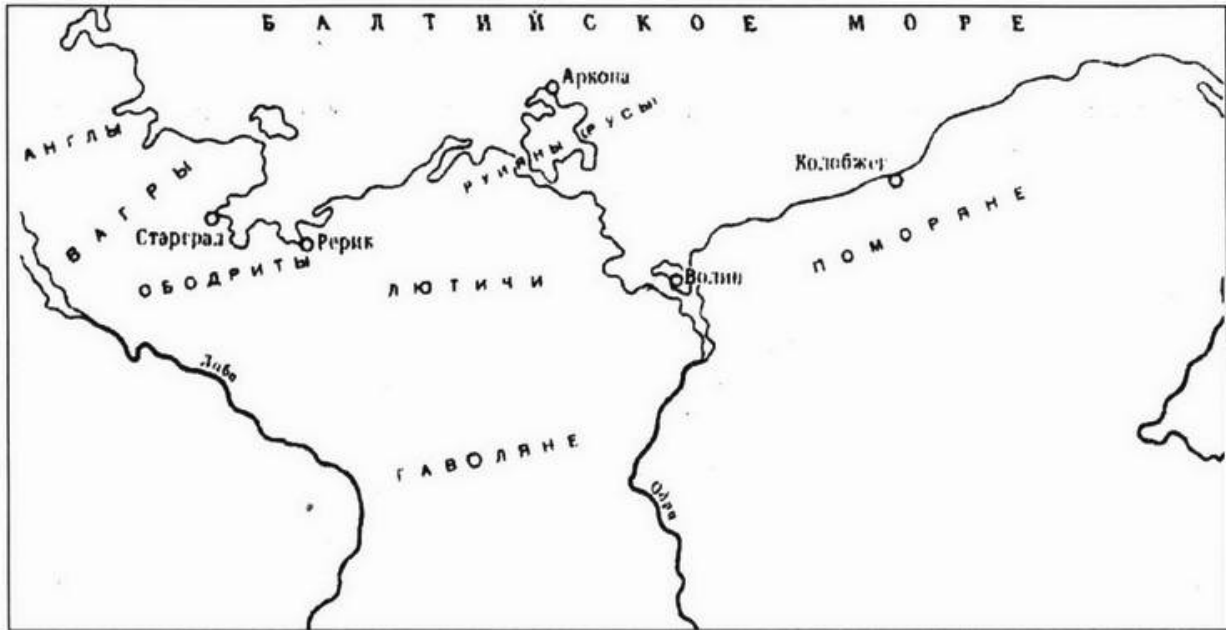

Рис. 3. Балтийские славяне в IX-X вв.

События Никоновской летописи перекликаются с летописью Иоакимовской. Великий город историки обычно идентифицируют с Новгородом, которого, как показывают археологические данные, в те времена еще не было. Считалось, что речь идет в этих летописях о событиях на севере Древней Руси. А что, если летописи описывают вовсе не Новгородские земли, а земли балтийских славян? Может быть, говоря о Великом городе, летописцы имеют в виду Велиград (Рерик), древнюю резиденцию ободритских князей, а вовсе не Новгород? (Рис. 3). Кстати, ободриты часто воевали с ваграми, что и нашло отражение в летописях, в которых говорится, что народ терпел гнет варягов, если летописные варяги и вагры одно и то же. Если это так, то эти летописи фиксируют события, происходящие на южном побережье Балтики. К этому важному вопросу мы еще вернемся при анализе истории балтийских славян.

Несмотря на эту внешнюю идиллию, наступившую после изгнания варягов, именно Гостомысл позднее выступил инициатором нового призвания варягов. По летописи известно, что у Гостомысла было три дочери, которые были замужем за соседними князьями, а четыре сына умерли при его жизни. Не имея мужского потомства и скорбя об этом, Гостомысл однажды увидел пророческий сон: в котором из чрева средней его дочери Умилы произросло гигантское дерево, покрывшее своими ветвями огромный город. Вещуны растолковали этот сон так — один из сыновей Умилы будет его наследником и «земля удобрится княжением его».

Перед своей смертью Гостомысл, собрав старейшин и рассказав им свой вещий сон, посоветовал отправить посольство к варягам просить князя. На этот зов явились, уже после смерти Гостомысла, Рюрик с двумя братьями. То есть все три брата: Рюрик, Трувор и Синеус были внуками Гостомысла^[22].

Вот эта версия выглядит наиболее логичной — пресекался род прежних правителей по мужской линии и пригласили потомка по женской. Это вполне в духе династических перипетий. Не таким ли образом был приглашен нашей императрицей Елизаветой внук Петра I Петр III из Гольштинии? Встает опять вопрос о месте действия этих событий — Велиград (Рерик) или Новгород?

Иоакимовская летопись сообщает также сведения о двух других дочерях Гостомысла: от старшей — произошла будущая знаменитая княгиня Ольга, а младшая была матерью воеводы Вадима, убитого впоследствии Рюриком. Причина очевидна — новому властителю не нужны были соперники. Сын Рюрика Игорь, женившись на Ольге, соединил таким образом новую династию Рюриковичей с прежней, местной династией потомков Буриvoja.

Несмотря на легендарный характер этой летописи, известной только из труда Татищева, «немало современных ученых считают, что у легендарного Гостомысла был вполне реальный исторический прототип. Его именем открывается список новгородских посадников, помещенный в Новгородской Первой летописи младшего извода под 989 годом. По мнению В.Л. Янина, несмотря на легендарный характер событий, связанный с именем Гостомысла, само по себе включение этого имени в список является исторически значительным фактом. Тем самым составитель списка как бы утверждает, что посадничество является исконной формой новгородской государственности и, следовательно, оно старше княжеской власти. Гостомysl не был посадником в позднем смысле этого слова, но вполне вероятно, что он был старейшиной союза племен словен, кривичей и финно-угров»^[23].

Может быть, все дело в том, что сам институт посадничества предшествовал княжеской власти, что сам князь в те времена жил на землях балтийских славян и управлял колонизированными балтийскими славянскими территориями с помощью своего доверенного лица — посадника. Впоследствии, при появлении княжеской власти на территории Северной Руси, роль посадника могла измениться, и он превратился в представителя местного боярского управления.

Интересно, что по западноевропейским хроникам нам известен король бодричей, одного из племен балтийских славян, по имени Гостомysl, и правил он как раз в середине IX века. Может быть, он и был тем самым Гостомыслом Иоакимовской летописи и одновременно правил Северной Русью, которая в те времена могла быть колонией балтийских славян. Расстояние не могло быть помехой — ведь морской путь от самых западных земель балтийских славян до древней Ладоги, куда

пришел изначально Рюрик, занимал не больше десяти дней. И лишь потом князь бодричей направил туда своих сыновей или внуков Рюрика, Трувора и Синеуса на княжение. Имя его посадника могло забыться, а вот имя самого князя Гостомысла как новгородского правителя вошло в хроники. Кстати сказать, именно ободритский князь Гостомysl связан тесно с Велиградом-Рериком — там была его княжеская резиденция. Так что Великий город Иоакимовской летописи скорее всего Велиград-Рерик, а не Новгород, которого в те времена попросту не существовало.

А. Н. Азбелев, исследовавший деяния Гостомысла балтийских славян на основе западноевропейских хроник, пишет: «Фульдские анналы, соответствующая часть которых писалась современником события, были в тот период официозной хроникой руководившего вторжением короля Людовика Немецкого. Здесь говорится о победе его над ободритами и подчинении князей после убийства их короля Гостомысла. В трудах историков довольно обычны основанные именно на этом известии упоминания, что Людовик умертвил короля ободритов. Однако другие хронисты подобного не сообщают.

Вертинские анналы, соответствующая часть которых принадлежит тоже современнику, но независимому от Людовика, дают об этой войне, пожалуй, наиболее содержательное известие, в котором среди ее жертв Гостомysl вообще не назван. Третья современная событиям хроника — Ксантенские анналы — сохранилась в тексте, который после 870 г. был обработан сторонником Людовика Немецкого: но здесь лишь глухо упомянуто, что король Гостомysl погиб или исчез (interiit). Об его убийстве однозначно написал только фульдский анналист. Но доверять этому нет достаточных оснований.

Продолживший изучение истории западных славян, начатое у нас известными трудами А.Ф. Гильфердинга, и внимательно сопоставлявший хроники А.И. Павинский отмечал, что «фульдский анналист, находившийся в личных отношениях с королем», существенно искажил результат следующей войны Людовика Немецкого с ободритами, которых возглавил князь Добромysl: сообщая о ней коротко, анналист представил ее как победу Людовика над Добромyslom. Между тем независимая от этого короля хроника Гинкмара (соответствующая часть Вертинских анналов) подробно повествует, в сущности, о поражении войск Людовика, единственным успехом которого оказалось добывание заложников. В данной связи А.И. Павинский писал: «Это служит новым указанием на то, как неверно записывались события анналистами, находившимися в зависимости от королевского двора» (ранее, по сходному поводу, исследователь заметил, что «осторожно следует относиться к известиям, сообщаемым придворною анналистикою о победах над славянами»). «Уже тот факт, что через сравнительно короткое время после первой войны с ободритами Людовику потребовалась вторая, победы ему не принеся, свидетельствует, что и результаты первой войны были преувеличены писавшим Фульдскую хронику духовником этого короля Рудольфом. Даже Ксантенские анналы сообщали под тем же 844 г., что сразу после ухода войск Людовика славянские князья отпали от его власти.

Сведения русских летописей позволяют оспорить основанное на односторонней информации мнение, что Гостомysl был убит в 844 г. Если бы действительно во время интервенции Людовика Немецкого он находился на берегах Лабы и если бы, только убив славянского короля, Людовик сумел добиться подчинения местных князей, то весьма осведомленный труаский епископ

Пруденций, писавший тогда хронику, дошедшую в составе Вертинских анналов, не умолчал бы о столь существенном факте, ибо он уделил специальное внимание этим событиям 844 г.

По всей видимости, Людовик воспользовался отсутствием Гостомысла, которое и позволило хотя бы ненадолго привести к покорности славянских князей. Так как среди них Гостомысла не оказалось, это открывало возможность признать его погибшим. В то время возраст Гостомысла вряд ли позволял ему лично участвовать в боях. Если его внук Рюрик от средней дочери родился в начале IX в., то в 844 г. Гостомыслу было немало лет. К тому же он был, очевидно, поглощен делами своих владений у славян приильменских, как позволяет заключить Ипатьевская летопись.

Дату кончины Гостомысла она не сообщает. Но под 862 г. в анналах упомянуто о главенстве у бодричей Добромысла, следовательно, Гостомысл скончался ранее. В "Повести временных лет" 862 г. датировано приглашение Рюрика, которому предшествовало изгнание "варягов" и внутренние раздоры. Это заставляет отнести смерть Гостомысла к самому началу 860-х или концу 850-х годов. Если же принимать разделяемую многими историками поправку хронологии "Повести" на шесть лет, которую обосновал в свое время В. Г. Васильевский, то следует считать, что Гостомысл скончался около середины 850-х годов.

Фульдская хроника писалась Рудольфом до 863 г. Узнав, что Гостомысла действительно уже нет в живых, тенденциозный хронист, не смущаясь, мог трактовать смерть вражеского короля как впечатляющий успех своего повелителя во время малорезультативного на самом деле похода против славян в 844 г. В действительности смерть Гостомысла наступила от естественных причин и не в Западной Прибалтике, а на новгородской земле. Об этом свидетельствуют данные

ряда русских источников — фольклорных и летописных»^[24].

Далее Азбелев заключает: «Общественный статус Гостомысла у прибалтийских славян был настолько значителен, что побуждал даже враждебного хрониста называть его королем (rex). Прибытие этого лица в пределы будущей Новгородской земли естественно связывать с усилением немецкого натиска на земли славян, в частности — на государство ободритов. Переселялся оттуда на берега Ильменя, очевидно, далеко не один Гостомysl. Причины же такой миграции не уменьшались, а возрастали. Начавшись, вероятно, еще при Карле Великом, она подсказывала путь и Гостомыслу. Биография этого деятеля, хотя и доступная гипотетическому выяснению лишь фрагментарно, может служить иллюстрацией того, какова могла быть вообще этническая предыстория значительной части населения Новгородской земли»^[25].

Известна даже легендарная могила Гостомысла на Волотовом поле, расположенном в нескольких километрах от Новгорода. Название этого поля может иметь двоякое происхождение: с одной стороны — волотами (или велетами) в древности называли великанов и богатырей, а с другой — одно из самых грозных племен балтийских славян называлось велетами.

В летописи Николо-Дворищенского собора есть прямое указание именно на это место: «Когда умер Гостомysl, сын Буриvoja, когда проводили его достойно всем великим Новым городом до места, называемого Волотово, и тут погребли его». Похоронив своего вождя, новгородцы пригоршнями насыпали на его могиле холм. В начале XIX века археолог Ходаковский раскопал здесь большую сопку, которую называли могилой Гостомысла, а в 1821 году этнограф Черноцкий произвел раскопки на небольшой сопке недалеко от церкви Успения

Богородицы и обнаружил костные останки животных и угли, которые могли быть остатками погребальной тризны»^[26] (рис. 4).

Нельзя, конечно, достоверно утверждать, что речь действительно идет о реальной могиле Гостомысла, но мы не раз убеждались, что часто легенды подтверждаются историческими данными, как это случилось с находкой легендарной Трои, благодаря скрупулезному анализу гомеровской «Илиады».

***Рис. 4. Великий Новгород. Церковь Успения Богородицы на
Волотовом поле***

В «Космографии» С. Мюнстера и «Записках о Московии» С. Герберштейна, вышедших в середине XVI века и отражавших древние европейские традиции и представления, сказано, что родиной варягов является южнобалтийская Вагрия. Что касается Рюрика, то первый считал его вагром, а второй вандалом (германские источники часто называют балтийских славян «венедами» и «вандалами»). Герберштейн вполне логично заключает по этому поводу: «Вандалы не только отличались могуществом, но и имели общий с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком». Эту бы логику да в уста современных российских исследователей, продолжающих упорно называть Рюрика и его варяжскую дружину скандинавами. Необходимо отметить, что славяне вообще, а русы в частности, необыкновенно сакрализировали княжескую власть, поэтому представить себе чужака в качестве русского князя крайне сложно. Князей могли изгонять, приглашать других князей, как это часто бывало в Новгороде, но это всегда были Рюриковичи, которые сами были из рода Гостомысла.

Известный российский историк В.В.Фомин считает, что: «Мюнстер и Герберштейн, выводя варяжских князей из числа южнобалтийских славян, отразили мнение, имевшее широкое хождение в западноевропейском мире. Во-первых, одним из вдохновителей сочинения Мюнстера был, поясняет финский историк А. Латвакангас, шведский король Густав I Ваза, призывавший его воспеть величие и славу древних готских королей. Мюнстер, выполняя этот заказ, тщательно проследил историю шведских правителей и посвятил свою работу Густаву Вазе, но при этом, что

важно отметить, не связал варягов русских летописей со шведами, да и сам король не выразил каких-либо претензий на связь истории своего народа с историей Руси в столь раннюю эпоху. И это тогда, когда он буквально вымаливал у Ивана Грозного как милость, чтобы тот признал его равным собою и сносился бы с ним напрямую, а не через новгородских посадников»^[27].

Второй важный аргумент в пользу связи происхождения Рюрика от балтийских славян, считает Фомин, — это непосредственное ознакомление с этой версией Герберштейном напрямую от вагров. «В январе —апреле 1516 г. Герберштейн, посетив в качестве посла Священной Римской империи германской нации Данию, значительную часть пути проделал по Вагрии, с 1460 г. входившей в состав датского королевства. Как следует из его рассказа, он беседовал с ваграми, которых затем сблизил с русскими, отметил общность их языка и обычаев. От них же Герберштейн почерпнул сведения о прошлом их земли. Так, он привел чье-то мнение, «"что, как полагают, Балтийское море и получило название от этой Вагрии" (т. е. Варяжское море). Под таким именем оно выступает, как известно, и в наших летописях. Тогда же прозвучал какой-то материал, увязывающий древнюю историю южной Балтики и Руси. Полученную информацию Герберштейн, специально задавшись еще в России (а в ней он был в 1517 и 1526 гг.) проблемой этноса варягов, соотнес с русскими известиями и поставил знак равенства между варягами и южнобалтийскими ваграми, а не варягами и скандинавами (германцами)»^[28].

Необходимо отметить, что немецкие историки, как никто лучше, должны были знать историю, а также легенды и сказания балтийских славян, так как большинство их территорий после многочисленных крестовых походов, организованных против славян, отошли именно к Германии. Понятно, что информаторам

с именно этих территорий должны больше доверять сегодняшние специалисты.

Этой версии, как показал Фомин, придерживались многие немецкие историки. Так, Б.Блат (1560—1613 гг.) и вслед за ним Ф.Хемниц (1611 — 1687 гг.), констатировали, что Рюрик, родоначальник династии Рюриковичей на Руси, жил около 840 года и был сыном ободритского князя Годлиба, который был убит датчанами в 808 году при взятии главного города соседей вагров ободритов Рарога (датчане именовали его Рериком). В 1708 году был издан первый том знаменитых «Генеалогических таблиц» И. Хюбнера, где династию русских князей историк начинает с Рюрика, считавшего его потомком вендо-ободритских королей и пришедшего около 840 года с братьями Синеусом и Трувором в Северо-Западную Русь. В «Зерцале историческом государей Российских», написанном проживавшем в России с 1722 года датчанином А. Селлием, который, как ни парадоксально, работал у основателя норманизма Г.З. Байера, Рюрик с братьями также выводился из Вагрии («три княжие, Рурик, Трувор и Синав все братья родные из Вагрии в Русскую вышли землю званы»). А ведь в отличие от Байера, Селлий хорошо знал предания Южной Балтики, которые сохранились по крайней мере до середины XIX века. Француз К. Мармье (его «Северные письма» были изданы в 1840 г.) посетил Мекленбург, расположенный на землях славян ободритов и граничащий на западе с Вагрией, и записал там легенду, согласно которой у короля ободритов-реригов Годлава было три сына — Рюрик Миротлюбивый, Сивар Победоносный и Трувор Верный, которые ушли на восток и освободили народ России от тирании. Собравшись затем вернуться, они уступили просьбе народа занять место их прежних королей и сели княжить в Новгороде, Пскове и на Белозере. После смерти братьев Рюрик стал править

единовластно. Так что эта версия держалась долго, пока ее стали не очень умело опровергать жившие в России немецкие историки Г.З. Байер и Г.Ф.Миллер, причем, именно тогда, как подчеркивает Фомин, «когда их вышеназванные соплеменники на конкретном историческом материале не только показали наличие этих связей в далеком прошлом, но и в деталях выяснили родословную Рюрика, не имевшую никакого отношения ни к скандинавам вообще, ни к шведам в частности»^[29].

Исходя из этого, мы можем констатировать, что существуют южнобалтийские предания о том, что Рюрик по происхождению балтийский славянин, в то время как никаких скандинавских преданий и источников на эту тему не существует. Представить себе, что будучи скандинавом, Рюрик не оставил никаких следов на своей родине - крайне сложно.

Но у этих историков-норманистов были и предшественники. «Первым, кто вообще озвучил мысль, — пишет В. В. Фомин, — что летописные варяги есть шведы, был П.Петрей (ок. 1570-1622 гг.), в 1601-1605 гг. выполнявший в России роль политического агента Швеции и осуществлявший сбор информации об отношении русского правительства к его стране, а также всевозможных сведений о прошлом и настоящем Российского государства (религии, правлении, гражданском устройстве, быте, нравах, обычаях, занятиях русских, ремеслах, торговле, географии, военной истории и пр.). Итогом столь пристального интереса этого шведа к нашему отечеству стала его «История о великом княжестве Московском», опубликованная в 1614—1615 гг. в Стокгольме на шведском языке и в 1620 г. с дополнениями и исправлениями переизданная на немецком языке в Лейпциге. И в ней он сказал, что «от того кажется ближе к правде, что варяги вышли из Швеции». Шведскими

Петрей считал также имена Рюрика, Трувора и Синеуса^[30].

При этом Петрей и его последователи «за основу своих рассуждений брали сфальсифицированную шведскими политиками, желавшими любой ценой удержать захваченные в годы Смуты русские земли (прежде всего Новгород), речь новгородских послов, произнесенную 28 августа 1613 г. в Выборге перед братом шведского короля Густава II герцогом Карлом-Филиппом, в которой те будто бы сказали, что "новгородцы по летописям могут доказать, что был у них великий князь из Швеции по имени Рюрик"».

Анализируя эту ситуацию, исследовательница из Швеции Л.П.Грот считает, что слова возглавлявшего новгородское посольство архимандрита Киприана были искажены. «Сличение протокола с неофициальными записями, которые также велись при встрече в Выборге и которые также сохранились в Государственном архиве Швеции, позволило восстановить подлинные слова Киприана: "...В старинных хрониках есть сведения о том, что у новгородцев исстари были свои собственные великие князья... так из вышеупомянутых был у них собственный великий князь по имени Родорикус, родом из Римской империи"». То есть, как подчеркивает Л.П. Грот: «архимандрит представил ту же самую "августинианскую" легенду, подчеркивая древность родословия новгородских князей»^[31]. Но на самом деле это искажение реального происхождения Рюрика новгородцам было на руку. Русское государство в это время раздиралось на части — этот период истории потом назовут Смутным временем. Династия Рюриковичей пресеклась. Шла борьба за русский престол, в котором участвовали и поляки, и шведы — главные соперники в этом регионе. Пользуясь ситуацией, новгородцы хотели отделиться от Московского царства. Они хорошо помнили тот кровавый

геноцид своего народа, который Иван Грозный учинил, борясь с новгородской вольницей. Вот и возникла идея призвать шведского принца, сына короля Густава II, править Новгородскими землями. Но ведь призвание чужеземца, к тому же представителя исконного врага — шведов, надо было обосновать юридически. Вот и возникла идея объявить, что Рюрик — это швед по происхождению, дабы доказать легитимность будущего шведского правителя Новгородской земли.

Однако Густаву II независимость Новгорода, даже во главе с его сыном, была не нужна — он и так считал себя хозяином Северной Руси. В 1613 году произошло избрание на царство Михаила Романова, и вопрос о призвании шведского принца отпал сам собой. И политика новгородцев изменилась — они признали Романова, а легенда-то осталась и легла в основу всех дальнейших норманистских измышлений.

Очень интересно свидетельство русского историка М.П.Погодина, на руках которого имелись списки русских монет, поднесенных Петру I, где в пояснении к указанию западноевропейского хрониста Гельмольда (XII в.) о проживании славян в южнобалтийской Вагрии добавлено «меж Мекленбургской и Голштинской земли... И из вышеозначенной Вагрии, из Старого града князь Рюрик прибыл в Новград»^[32].

А.Н. Сахаров подчеркивает: «При определенной этнической принадлежности Рюрика и варягов следует иметь в виду и постоянные миграционные процессы славянского элемента как из Южной Европы в Поднепровье, что также отмечено в наших летописях, так и из Южной Прибалтики на Восток, особенно под натиском немецкой агрессии. Не случайно лингвисты отмечают, что новгородский диалект древнерусского языка во многом сходен с наречиями прибалтийских славян. Не случайно Х. Ловмянский обратил внимание на то, что Рюрик взял с собой в земли восточных славян

"всю Русь", то есть не только дружинников, но и жителей того славянского района, откуда он вышел. Заметим, что по данным А.Гильфердинга в рамках государства ранов существовало несколько десятков знатных родов, возглавлявшихся родовыми вождями. Так что понятие "с роды своими" прямо накладывается на раннеполитическую систему южнобалтийских славян.

В рамках постоянных миграционных контактов, древних связей славян Восточно-Европейского региона, мирных, в том числе торговых, отношений и военных конфликтов и состоялся этот впечатляющий выход»^[33].

О связи балтийских славян с русами свидетельствуют и арабские источники, в частности Ал-Масуди (896—956 гг.), который писал: «Русы — многочисленные народы, имеющие отдельные виды. У них есть вид, называемый Лудаана. Они самые многочисленные, посещают для торговли страну Андалусию, Италию, Константинополь и хазар»^[34]. Исследователи по-разному интерпретируют этот этноним — норманисты, естественно, видят в нем норманнов или жителей древней Ладogi. Наиболее вероятной представляется версия Б. А. Рыбакова, что здесь речь идет о лютичах^[35].

Интересно, что Ал-Масуди знает и о Дире. «Первый из царей славянских — ад'Дир. У него обширные города и многочисленные земли. Купцы-мусульмане отправляются в его страну с товарами»^[36]. Большинство исследователей считает, что в данном случае речь идет о летописном Дире.

Восточные источники свидетельствуют и о варягах. Вот что писал на эту тему Ал-Бируни (973—1048 гг.): «Море, которое находится на западе обитаемой части Земли у берегов Танжера и Андалусии, называется Окружающим морем, которое греки называли Океаном. В него не углубляются, а плавают только около берега: от Андалусии оно простирается к северу от этих стран

вдоль страны славян. На севере страны славян от него отходит большой залив вблизи страны болгар-мусульман, этот залив известен под названием Варяжского моря, варяги — это народ, живущий на его берегу»^[37]. Из этого текста совершенно ясно, что автор идентифицирует варягов именно с балтийскими славянами. Он пишет, что Варяжское (Балтийское) море находится на севере страны славян и на его берегу живут варяги. Скандинавы никогда не жили на «севере страны славян». Соседство варягов с Волжской Булгарией не должно смущать — восточные географы считали, что Волга (Русская река) напрямую соединяет Океан, заливом которого они считали Варяжское (Балтийское) море с Каспийским и Черным морями. Эту прямую связь они отображали на своих картах.

Далее он пишет: «В середине обитаемой части Земли в стране славян и русов находится море, известное у греков под названием Понт»^[38]. Четко обозначая проживание балтийских славян (варягов) на берегах Балтийского моря, он также показывает их проживание на территории Древней Руси между весью и югрой. «За этим климатом обитают немногие народы — ису, варанки, йура и подобные им»^[39]. Под этнонимом ису Заходер понимает белозерскую весь, а под йура — народ югра, который упоминается в русских летописях, и живший до XI века на территории от р. Печора до северо-западных склонов Урала. Он был известен своими торговыми связями с весью, русами и булгарами как поставщик ценных пород пушнины^[40]. Вполне логично, что между этими финно-угорскими племенами жили варяги, собиравшие пушную дань для отправки ее в Новгород и потом на Арабский Восток.

Так что Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора, так же как и варягов следует считать однозначно славянами, выходцами с берегов Балтики. Есть, правда, одно кажущееся «но». Это их неславянские имена,

попавшие в тексты договоров с Византией. Но об этом немного ниже.

Какая же ситуация была в это время на севере Древней Руси перед самым призванием Рюрика с его братьями и варягами?

Первые сведения о взаимоотношениях племен Северной Руси с варягами нам дает Повесть временных лет, которые датируются 859 г.

«Имаху дань варязи, приходяще из замория на Чуди и на Словенех и на Мери и на Веси и на Кривиних»^[41].

Необходимо отметить, что этому конкретному 859 году в Повести временных лет предшествуют только два имеющих конкретную дату события — это 852 год, когда начал царствовать император Михаил III и при котором произошло нападение флота русов на Константинополь 18 июня 860 года. Именно с этого события летописец ведет начало Руси — «отселе почнем и числа положимъ»^[42]. Второй датой, предшествующей упоминанию о варягах — это 858 год, когда крещены были болгары.

Союз или конфедерация славянских и угро-финских племен дал отпор южнобалтийским варягам, которые, видимо, имели своих представителей и правителей, собирающих эту дань (т. е. налоги). Видимо, все материальные блага от международной торговли жители севера Древней Руси решили оставлять себе, а не отдавать южнобалтийским славянам. А доходы от нее были немалые, что показывают клады арабского серебра на южном побережье Балтики.

«В лето 862. Изгнаша варягы за море и не дата им дани и почата сами себе владети...»^[43].

Из этого текста следует, что союз пяти племен Руси не просто платил дань балтийским славянам, причем платил не как завоеванная прежде сторона, а как конфедерат метрополии, освободившись от власти которой попытался перейти на самоуправление.

Проследим далее хронику событий, вызванных призывом Рюрика. То есть пять северных племен платят дань неким «варягам». Потом это надоедает жителям Северной Руси и они изгоняют варягов туда, откуда они и пришли, «за море», то есть в Южную Балтику. После изгнания варягов каждое из племен начинает жить самостоятельно. Но ни к чему хорошему, как будет видно из дальнейшего, это не привело. Потом они почему-то призывают их опять. Но призывают уже на княжение. Наиболее подробно это описывается в Остромировой летописи.

«Словене свою волость имяху. (И поставиша град и нарекоша и Новъгород и посадиша старейшину Гостомысла). А Кривичи — свою, а Меря свою, а Чудь — свою (волость) и вѣсташа сами на ся воевать и бысть межю ими рать велика и усобица и всташа град на град и не бета в них правды. Иреша к себе: "поищем собе кнѣзю иже бы владел нами и рядил по праву". Идоша за море к Варягам и реша: "Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нету. Да пойдите к нам княжить и владеть нами"»^[44].

Что это, неспособность союза племен самим управлять или что-то другое? И были ли владетельные князья до Рюрика или эти территории управлялись с помощью представителей варягов, их посадников? Скорее всего, именно варяги были объединяющим фактором федерации пяти племен, имеющих разное происхождение, во главе каждого из которых стоял свой племенной вождь. Тем более что словене ильменские и кривичи сами были, в основном, варяжского, южнобалтийского происхождения. Это типичная ситуация, когда колония претендует на самостоятельный путь развития и хочет отделиться от метрополии. Однако проюжнобалтийская партия побеждает, и варягов снова предложено вернуть, но уже не как представителей метрополии, а в качестве

полноправных правителей. Таким образом — и волки сыты, и овцы целы. Варягов приглашают в новом качестве — приглашают варяжского князя с его сородичами и дружиной на княжение. Это качественно новое отношение — вместо уплаты варягам дани, приглашается на княжение легитимный правитель из варягов. Колония стала претендовать на создание собственного государства. Процесс вполне естественный и хорошо знакомый историкам. Не исключено, что вместо племени ободритов, из которого происходил Гостомысл, приглашается племя русь.

Видимо, после изгнания варягов они начали воевать за главенство одного племени над другим, но ни к чему хорошему такая вражда не могла привести. К тому же она мешала, как будет видно из дальнейшего, их главному объединяющему занятию — международной торговле. Возможно, именно с ней и связано возникновение противоречий, мешающих мирному сосуществованию племен. Видимо, не поделили доходы от этой торговли.

Возможны и другие причины их изгнания. В свое время А.П.Новосильцев предположил, что призвание варягов-руси федерацией племен было вызвано хазарской угрозой. В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский предполагают другую причину: «Трудно сказать, насколько реальными были претензии Хазарского каганата на Север Восточной Европы: во всяком случае, царь Иосиф в своем письме, включающем в сферу влияния Хазарии в 960-е гг. народы Поволжья, уже выдавал желаемое за действительное.

Более очевидным были претензии Руси, чьи правители уже в IX в. именовались титулом каган. Призвание князей с дружиной-русью, по летописи, завершилось упрочением варяжской династии на Севере и, стало быть, распределением сфер влияния в Восточной Европе. Не случайным было и распределение

городов между мужами Рюрика...»^[45]. Но о распределении городов немного позже. К хазарской проблеме мы тоже еще вернемся. Важно отметить, что Северная Русь играла ключевую роль в меховой торговле с Арабским Востоком, и не считаться с ней Русский каганат не мог.

Почему же представители федерации северных племен не выбрали себе правителя из своей среды? Именно потому, что это не только бы не решило проблемы, а еще больше бы ее усугубило. Ведь если бы в качестве главы союза племен был бы выбран представитель одного племени, это вызвало бы, без сомнения, новую смуту, поскольку другие племена вряд ли бы его признали. Скорее всего, у них не было вообще до изгнания варягов общего правителя из варяжской среды, а был посадник, а если и был, то он умер, возможно, не имея легитимных наследников как в случае с Гостомыслом. Именно эта наиболее логичная версия и представлена в Иоакимовской летописи.

Янин считает, что «анализ совокупности археологических материалов позволяет утверждать, что даже в момент призвания Рюрика, несмотря на внутренние противоречия, союз пригласивших князя племен был достаточно властен, и само приглашение князя состоялось в виде договора, одним из главнейших пунктов которого стало решительное ограничение княжеской власти — запрещение князю самому собирать государственные доходы с подвластной союзу территории: ее собирали представители пригласивших князя племен, передавая князю лишь "дар", т. е. некое жалование. По существу это договорное условие стало краеугольным камнем всей последующей новгородской государственности. Но наличие такого краеугольного камня свидетельствует о том, что сама эта государственность возникла до призвания князя, и фигура, тождественная или адекватная Гостомыслу,

неизбежна во главе подобного раннегосударственного образования. Иное дело — та конкретная ситуация, которая стала причиной приглашения князя: не желая в ходе возникшей усобицы отдавать столь важный пост одному из членов существующей триады, союзное вече предпочло призвать нейтрального "третейского судью"»^[46].

Подобным политическим ходом решался еще один немаловажный вопрос — север Древней Руси получал независимость от Южной Балтики, но при этом соблюдался своеобразный протокол, поскольку сам приглашаемый князь, правда, с сильно ограниченными правами, был южнобалтийским князем. Подобная, уникальная для Европы система власти надолго определила дальнейшее развитие государства. Что касается реальной власти русского князя, то Е.В. Пчелов справедливо отмечает: «Князья приглашались "княжить" и "владеть", что выражалось, вероятно, в урегулировании межплеменных отношений и обеспечении безопасности международной торговли на севере Руси. Другая функция приглашенных князей заключалась в том, чтобы они "рядили по праву", "судили по праву", то есть творили суд в соответствии с местными обычаями и правовыми нормами. Выражение летописи "рядить по праву" раскрывает смысл выражения "а наряду у нас нету", то есть нет управления, управителя»^[47]. Трудно себе представить, чтобы таким князем мог быть скандинавский конунг. Ведь чтобы «рядить по праву», надо знать местные законы и обычаи, которые хорошо были знакомы балтийским славянам, поскольку их собственные законы мало отличались от местных.

Интересно также, что племен, пригласивших Рюрика, было пять — это сакральное число хорошо известно в кельтском мире, Древняя Ирландия, в частности делилась на пять королевств, как и Новгородская земля

на пять волостей — пятин. Древняя Ладога также имела пять концов.

Очень важна дальнейшая интерпретация происхождения Русской земли от варягов в Повести временных лет:

«И от тех варягов (пришедшими с Рюриком. — С.Ц.) прозвалась Русская земля. Новгородцы же, люди новгородские — от рода варяжского, прежде же были словене»^[48].

Важно отметить, что подобная информация может указывать на то, что Новгород был непосредственно основан варягами-ваграми. И загадки в том, что они «прежде же были словене», никакой нет. Вполне возможно, что одно из прежде лидирующих племен балтийских славян уступило первенство на русском севере другому — ваграм под предводительством Рюрика. Столь подробное объяснение ситуации с варягами русским летописцем во многом связана с тем, что в его времена (через 200 лет после призвания Рюрика) само понятие «варяг» несколько изменилось. Если в IX веке под варягами подразумевались выходцы с берегов Южной Балтики, то в XI веке оно скорее указывало на скандинавов. Поэтому летописец уточняет, что новгородцы от рода варяжского, который был славянским родом, а не скандинавским. Это очень важный момент в летописи, подтверждающий изначально южнобалтийское происхождение варягов.

Не следует забывать, что власть в те далекие языческие времена носила сакральный характер. Абы кого на княжение не призовешь. Все происходящее между 859 и 862 годами больше всего напоминает династические войны, которые, как правило, возникают тогда, когда умирает легитимный правитель, не оставивший наследника престола. Видимо, он был в среде варягов, которые владели этой территорией, но умер, после чего произошло изгнание варягов и

междоусобные войны, конец которым могло положить только призвание нового легитимного правителя именно из среды варягов. И таким почему-то стал Рюрик, пришедший на Северную Русь вместе со своими братьями Трувором и Синеусом. Привел Рюрик также свою варяжскую дружину и свой род, свое племя. Если следовать версии Иоакимовской летописи, то призвание именно Рюрика было запланированным, поскольку он был внуком самого Гостомысла.

Интересно, а как происходило само призвание? И знали ли они заранее о Рюрике или у них было несколько кандидатур? Бывал ли Рюрик в этих землях прежде, до его призвания? На эти вопросы можно ответить чисто гипотетически, хотя приведенные выше сведения, почерпнутые из легендарной Иоакимовской летописи, дают ответ — Рюрик ни кто иной, как внук Гостомысла, прежнего правителя конфедерации северных племен. Имея постоянные сношения со славянскими племенами с южных берегов Балтики, племена Северной Руси могли знать о существовании Рюрика, который у себя на родине не имел реальной власти, но имел княжеское происхождение и командовал лично преданной ему дружиной. Таким мог быть сын князя вагров, главным городом которых был Старград. Или сын или внук ободритского князя Гостомысла, его западноевропейские хроники величали королем, что говорит об обширности территории, которой он управлял, и большом войске, которое мог выставить. Если это так, то становится понятным, почему Рюрик, основав свой город, назвал его (первоначально это было Рюриково городище) Новгородом, поскольку сам происходил из Старграда.

Возможна и другая версия — Гостомысл Иоакимовской летописи и Гостомысл — король ободритов одно и то же лицо, что блестяще обосновал А.Н. Азбелев. Уж больно редки такие совпадения, чтобы

в двух отдаленных друг от друга, но теснейшим образом связанных регионах были властители с одинаковыми именами и правившими в одно время. После его смерти началась смута и его представитель (посадник), находящийся на русском Севере, вместе с варяжской дружиной изгоняются. В тот же год, и это не случайно, в земли балтийских племен прибывает посольство пресловутых пяти племен с просьбой назначить им нового князя для управления землями. То, что ободритский князь являлся одновременно и новгородским князем, дело не такое уж необычное, взять хотя бы времена Киевской Руси, когда управление отдаленными территориями было делом обычным. А ведь путь от южнобалтийского Старграда до Новгорода был короче, чем от последнего до Киева. И это не являлось тогда большой помехой для организации управления и координации.

Рис. 5. Маршруты морских походов южнобалтийских славян

Не следует забывать, что Никоновская и Иоакимовская летописи скорее всего говорят о Велиграде, где и управлял Гостомысл, оттуда и могло изначально идти управление будущей Новгородской землей. Характерно, что именно в новгородских летописях содержится рассказ о Гостомысле и Велиграде-Рерике. И это не случайно. В Приладожье и Приильменье были хорошо осведомлены о жизни своих сородичей в Южной Балтике.

В посольство, назначенное на приглашение Рюрика, скорее всего, входили представители всех пяти племен, словен, кривичей, мери, веси и чуди, избранных на вече каждого племени. На совместном совете племен была и выбрана кандидатура Рюрика. Подобным образом новгородское вече впоследствии избирало себе князя. Скорее всего, посольство отплыло не меньше, чем на пяти лодиях, везя богатые дары. Учитывая, что русская лодья несла от сорока до ста человек, посольство было пышным и многочисленным, куда входило от 200 до 500 человек. Это было вызвано еще и тем, что посольство нуждалось в охране — Балтика была далеко не мирным морем.

Интересно также проследить маршрут, которым двигались послы. По сути, он описан у Адама Бременского, только в обратном порядке (рис. 5).

«Из него (г. Волина. — С.Ц.) кратковременным плаваньем (на гребном судне...) сообщаются с одной стороны с Дымином (теперь Demmin), городом, лежащим недалеко от устья реки Пены, где живут и Руяне; с другой, — с областью Семландиею, принадлежащею Пруссам. Расстояние такое, что от Гамбурга или от реки Эльбы, на седьмой день достигнешь до Юмна (Волина. — С.Ц.), путешествуя сухим путем; чтобы ехать морем, надобно сесть в корабль в Шлезвиге или Альдинбурге (Старомграде вагров), и также можно прибыть к Юмне. Из Юмны же, пустившись на парусах, на четырнадцатый

день... выйдешь на берег в Острограде, на Русской земле... где столица Киев, соперница Константинопольского скипетра, краса и слава Греции»^[49].

Остроградом немцы называли Новгород. Самое важное, что дорога от Новгорода до Старграда занимала не более двух-трех недель. А до Ладоги, столицы Северной Руси времен, Рюрика и того меньше — не более десяти дней. Гораздо меньше, чем требовалось времени для путешествия из Новгорода до Киева, занимающего около месяца.

Так что больших проблем в общении друг с другом не должно было быть и в середине IX века между жителями берегов Южной Балтики и населением Северной Руси. А все города, описанные Адамом Бременским, были цветущими торговыми городами уже во времена Рюрика, что показывают не только источники, но, как это будет видно из дальнейшего, археологические данные.

Интересно также, шло ли посольство путем, описанным Адамом Бременским, или шли с заходом на Готланд, где во времена Рюрика были торговые поселения балтийских славян? Скорее всего, заходили на этот остров, игравший значительную роль в международной торговле. Вероятнее всего, маршрут был следующим. Из древней Ладоги (ныне поселок Старая Ладога), которая была в это время, видимо, столицей федерации племен, посольство спустилось по Волхову до Ладожского озера, носившее в то время название Нево. Потом ладьи шли вдоль берега озера до истока р. Невы и уже по реке достигли Финского залива и, видимо сделав остановку на острове Котлин, дальше шли его южным берегом.

Вторая остановка могла быть в современном городе Ридале или городе Палтиске, расположенном недалеко от Таллина на берегу Финского залива. Оба города

описаны у Саксона Грамматика как города русов, а Ротала (совр. Ридала) и вовсе как их столица^[50].

Интересно, что сведения о рутенах-русах в разных районах Прибалтики встречаются в документах X века и упоминаются в источниках вплоть до XVI столетия^[51]. Так что останавливались у своих.

Далее посольство пошло в Рижский залив мимо острова Сааремаа (по версии А.Г. Кузьмина именно этот остров и являлся загадочным «островом русов», описанным многими арабскими средневековыми источниками) и, возможно, заходило и туда. Следующим пунктом остановки могло быть интернациональное торгово-ремесленное поселение VII—IX веков, найденное шведскими археологами в 1929—1930 гг. около города Гробине в Западной Латвии^[52].

После этого посольство могло отбыть на о. Готланд, где были поселения балтийских славян, и он играл большую роль в международной торговле, а могло и следовать далее, до расположенного в дельте реки Висла прусского торгово-ремесленного поселения Трусо, включавшее в состав своего населения жителей западных и восточных славян^[53].

Я думаю, что остановка здесь, в главном центре янтарной торговли, была крайне важна, поскольку в самой Древней Ладогe, по мнению О.И. Давидян, с начала ее существования одним из основных видов хозяйственной деятельности была обработка балтийского янтаря и торговля изделиями из него^[54].

Следующим городом на пути следования посольства мог быть Колобжег, находящийся на территории племени поморян (современная Польша), и вслед за ним знаменитый Волин, расположенный на острове в дельте Одра, путь от которого до Новгорода, по словам Адама Бременского, занимал не более 14 дней. Следующей остановкой был о. Рюяна (Рюген по-немецки). Послы

наверняка посетили и знаменитый сакральный центр Аркону, где находился храм четырехголового бога Святовита, почитаемого всем славянским языческим миром, и принесли дары этому главному славянскому богу. Возможно, именно с этого острова, жителей которого в западноевропейских хрониках называли ругами-русами, происходил и сродственник Рюрика, знаменитый впоследствии Вещий Олег. Вероятно, он был языческим жрецом и был взят Рюриком на Русь в качестве своеобразного придворного священнослужителя.

После Арконы послы направились в столицу ободритов Рерик и уже потом, скорее всего, в главный город вагров Старград — возможный прародитель нашего Новгорода. Таким, скорее всего, был маршрут, которым следовали послы федерации пяти племен Северной Руси. Аналогичным путем в обратном направлении, видимо, следовал и Рюрик с братьями и родом своим. Это было довольно масштабное переселение. Необходимо отметить, что Рюрик прекрасно знал ситуацию на севере Руси, поэтому вполне логично, что он прибыл с двумя братьями, заранее зная, что одного нужно поставить в Изборск, а другого в Белозеро. А то что некоторые исследователи считают лишь на основании того, что число три является свидетельством легендарности существования братьев Рюрика, не является серьезным аргументом.

Главным сомнением в славянском происхождении Рюрика и его братьев всегда были их неславянские имена. Можно сказать однозначно — носи Рюрик и его братья чисто славянские имена, то и не возникло бы и вопроса об их происхождении — понятно, что славяне. Именно неславянские имена первого древнерусского князя и его братьев во многом дали повод для возникновения норманнской теории происхождения Рюрика, варягов и даже Руси! Норманисты нашли еще

одну зацепку в именах братьев Рюрика, сочтя их не историческими персонажами, а транскрипцией шведских слов, поскольку Синеус можно перевести как «свой род» (sine hus), а имя Трувор как «верная дружина» (thru varing).

Казалось бы, все очень логично — править пришел один Рюрик с родом своим и верной дружиной. К тому же слово «varing» отлично объясняло слово «варяги». Вроде бы на этом можно было бы поставить точку, тем более и легендарному Рюрику был подыскан вроде бы приемлемый исторический прототип — Рорик Ютландский. Но вот в чем проблема: имя Рюрик оказалось вовсе не скандинавским, а кельтским, так же как имена Трувор и Синеус, что блистательно доказал замечательный российский ученый профессор А.Г.Кузьмин в своей работе «Об этническом происхождении варягов».

Вполне закономерный вопрос — а причем тут кельты, мы пока оставим без ответа и посмотрим, как эти имена трактует сам Кузьмин. Он показал, что имя Рюрик было известно в Галлии с первых веков н. э., где жило племя руриков. «Руриками называли также выходцев с реки Рур в раннее средневековье»^[55]. В древних Ирландии и Шотландии было очень популярно имя Рори (Rory), что в переводе означает «красный король». Необходимо отметить, что у ирландцев, также как и у русских, слово «красный» было синонимом слову «прекрасный», и этот цвет был одинаково любим обоими народами. Удивительно, но и наряд древних ирландцев мало отличался от традиционного древнерусского — длинная, расшитая узорами подпоясанная льняная рубаха^[56].

«Имя Рюрик, — пишет А.Г.Кузьмин, — с непонятной легкостью было отдано норманизму, хотя германские языки не могли ни объяснить его значения, ни даже дать достаточно представительные параллели. Указание на скандинавское Hroerek... скорее свидетельствует

против сближения варягов со скандинавами, нежели в его пользу. Дело в том, что имя Рюрик (Rauric, Ruric, Roric) достаточно широко распространено в Европе с первых веков нашей эры. А. Хольдер приводит пять таких имен для времени до VII века. Одно из них относится ко времени Константина Августа (начало IV в.), другое — к концу IV столетия... Указывается также имя "Рюрика сына Фауста"... — епископа Лиможского (конец V — начало VI в.) и два "Рюрика" VI—VII веков. М.-Т. Морле приводит 12 "Рориков" с территории Франции IX — начала XII века. В литературе обращалось внимание на созвучные этому имени названия у славян-вендов сокола (Рарог, Ререг, Рурк)^[57]...»

Именно летящий вниз за добычей сокол скорее всего и стал прообразом знаменитого родового знака Рюриковичей — трезубца (рис. 6). Стоит вспомнить и упоминавшийся ранее город балтийских славян Рарог (Рерик), весьма созвучный имени первого русского князя. Может быть, его имя — намек на то, что он родом из этого города? Не исключено, что из Велиграда, города, игравшего важную роль в колонизации будущей Новгородской земли, и прибыл Рюрик с родом своим.

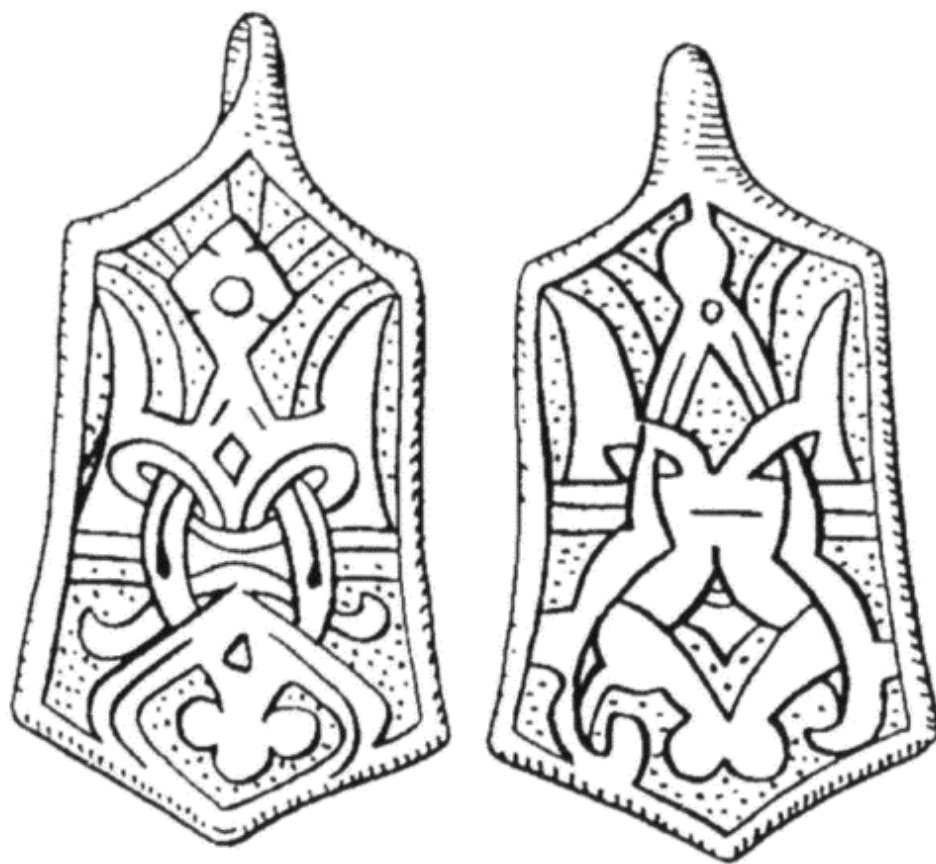

Рис.6

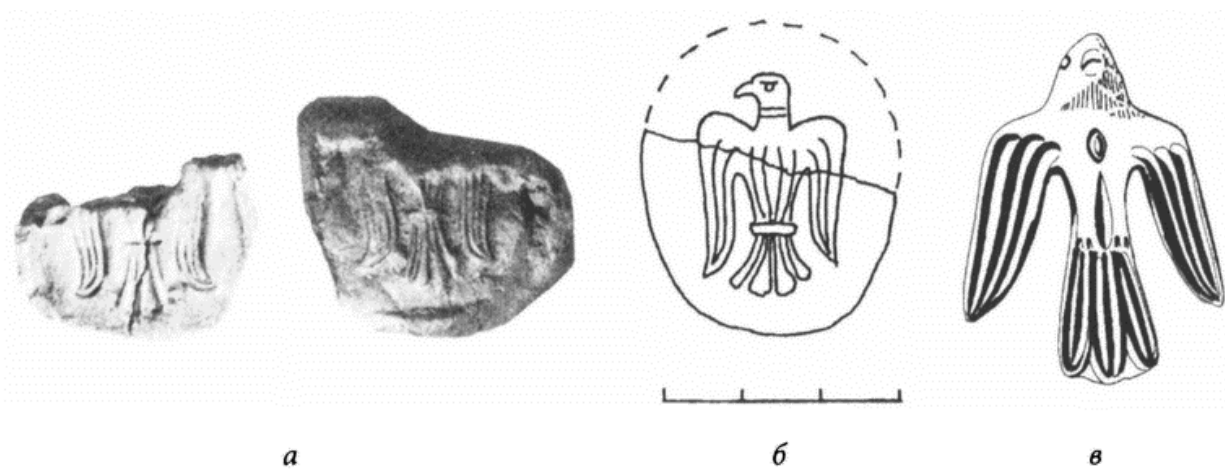

Рис.7

а — Форма с изображением сокола и ее оттиск. Середина X в. Из раскопок Земляного городища в 2008 г.; б — Оттиск с формы с изображением сокола. Реконструкция А. Ивановой и А. Кирпичникова; в — Бронзовая бляха с изображением птицы

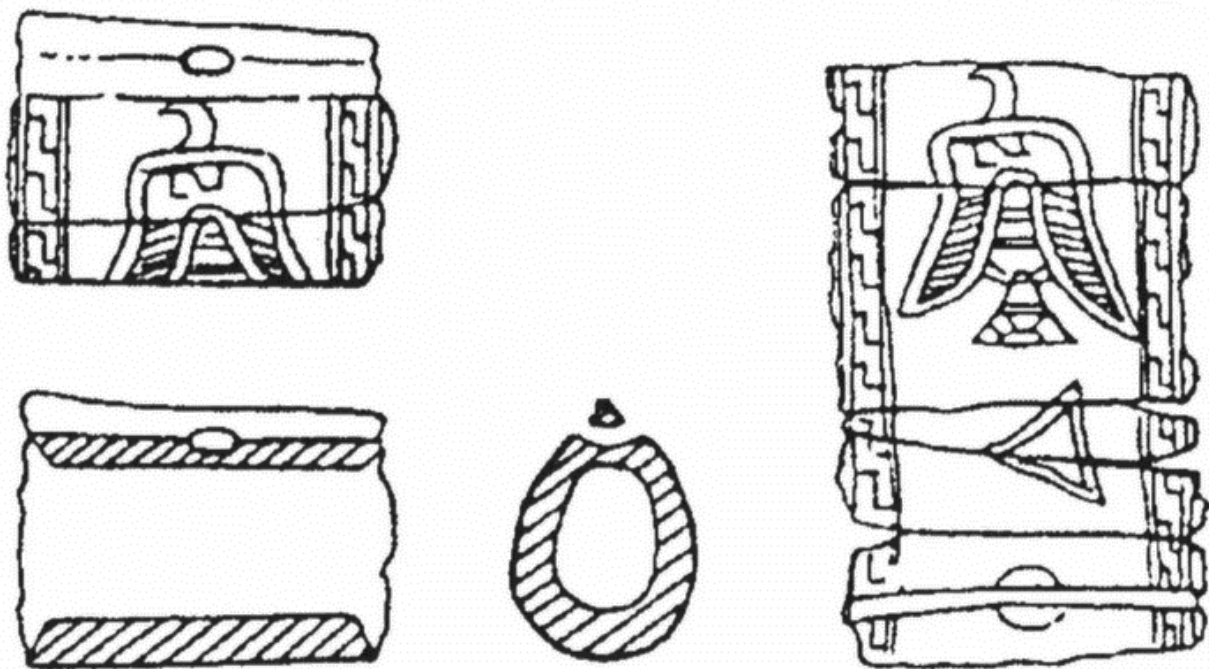

Рис. 8. Цилиндры из Волина и из Белозера

Рис. 9. Монета с изображением птицы из клада на о. Готланд

Совсем недавно при раскопках Земляного городища в Старой Ладоге была найдена А.Н. Кирпичниковым форма для отливки печати X в., изображающая летящего за добычей сокола, которую археолог интерпретировал как скандинавскую. Вместе с тем это изображение по форме очень похоже на изображение сокола с деревянного цилиндра из Волина, южнобалтийское происхождение которого не вызывает сомнения (рис. 7—8).

Интересны также изображения сокола на княжеской подвеске и найденные на о. Готланд арабские дирхемы с выбитыми на них изображениями сокола. На обоих изображениях голову птицы венчает крест, что позволило Т.Е. Ершовой предположить, что монеты и подвеска изготовлены во времена княгини Ольги ^[58]

(рис. 9—11). Не следует забывать и о том, что западно-славянский бог Радегаст изображался в шлеме, навершием которому служило изображение сокола ^[59] (рис. 12). Подобные шлемы были и у кельтов (рис. 13).

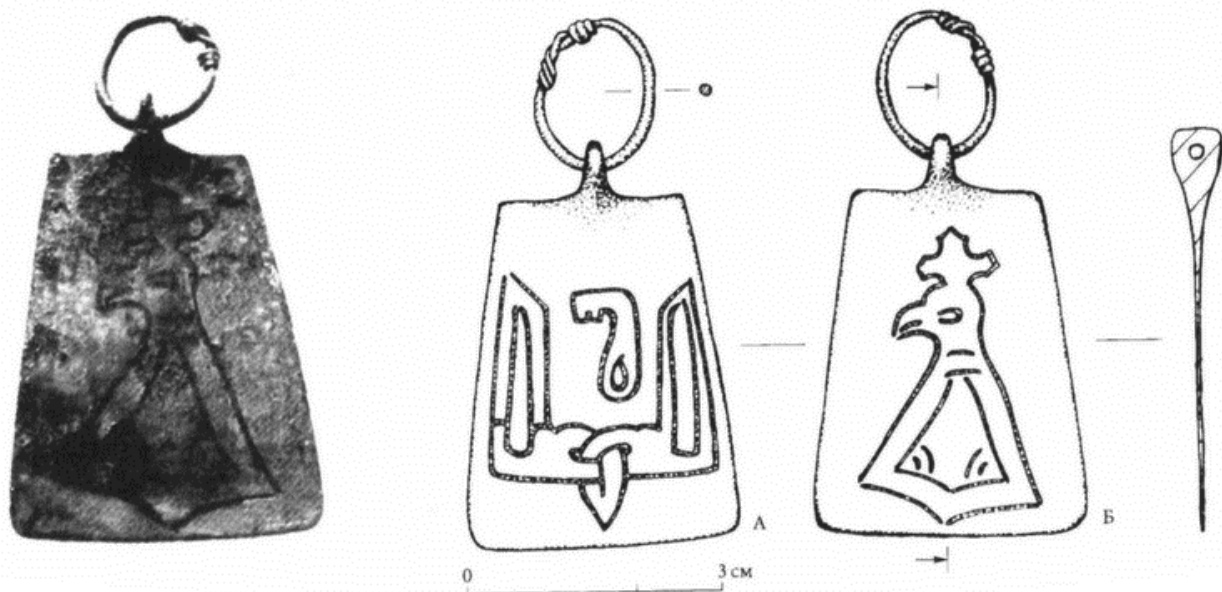

Рис. 10. Подвеска из погребения. Сторона Б

Рис. 11. Подвеска из погребения

Рис. 12. Изображение Радегаста

Исследовавший историю этого знака А.Г.Кузьмин пишет: «В плане взаимосвязи Причерноморской и Приднепровской Руси может представить интерес происхождение "знака Рюриковичей". Правда, вопрос этот может быть поставлен лишь в сослагательном наклонении: знак становится важным аргументом при условии его правильной интерпретации, а правильная

интерпретация во многом зависит от правильного воспроизведения хода событий. Знаку посвящена большая литература и предложены самые разные варианты его объяснения. В большинстве случаев указывается на близость знака киевских князей причерноморским, особенно боспорским знакам. Эти знаки сближаются по значению и по применению: это герб правителей, их именной знак и знак собственности. Собственно боспорский знак, видимо, правильно объясняется как триденс, что связано с генеалогическими преданиями боспорских царей, ведших свое происхождение от бога Посейдона. В последнем предании ясно проступает "морская" традиция не только греческого населения, но и их предшественников — "людей моря"».

Однако «двузубый» вариант знака он связывает с Южной Балтикой: «Должно, однако, заметить, что знаки Рюриковичей составлялись не только и не столько из триденсов (таковые имелись), сколько из двузубцев. Двузубцы также появляются в Причерноморье в раннесредневековое время (VII—VIII вв.). Но они ранее (II—I вв. до н. э.) были известны в Прибалтике, где могли связываться с венедскими племенами. Именно двузубцы дали основание считать знак Рюриковичей изображением сокола. Не исключено, что сосуществование двух основных форм тамги княжеской династии связывалось с разными осмыслениями самой тамги и, следовательно, разными представлениями князей о своем происхождении»^[60].

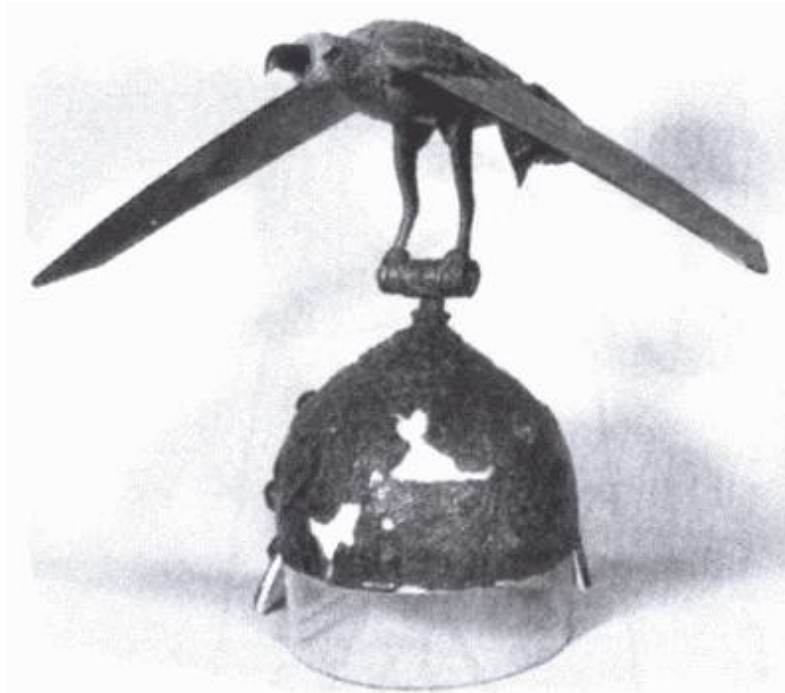

Рис. 13. Кельтский шлем эпохи Латен

Но вернемся к происхождению имени Рюрика. Далее А.Г. Кузьмин продолжает: «В современных этимологиях имя Рюрик часто рассматривают в качестве производного от "Родерик"... Оставляя в стороне вопрос о происхождении последнего имени (объяснение его из германских языков, как и во многих других случаях, не выглядит безупречным), заметим, что в кельтских языках оно звучит как "Пури" (Rjry — в ирландском и Rylie — в уэльском)... Такое образование, возможно, свидетельствует об определенной эволюции северных диалектов кельтских языков. Так, в ирландском "король" — ri (а не rig). Вместе с тем в этих диалектах широко распространены имена с окончанием на гласный звук (обычно "i" или "y"). Аналогии им находятся в группе имен договоров Олега и Игоря (Карлы, Кары, Моны, Куци, Бруни и т. д.)»^[61].

Не менее любопытен тот факт, что Родри Великий, король, объединивший в середине IX века практически весь Уэльс, на континенте назывался Рориком. Этот знаменитый победитель датчан, разгромивший войско датского короля Горма в 855 году, начал процесс объединения своей страны с двух королевств, носивших весьма похожие на славянские названия Рос и Гвинедд. Умер он в 879 году, что совпадает со смертью летописного Рюрика^[62].

Во всяком случае — это наиболее исторически засвидетельствованный вариант западноевропейского правителя с именем Рорик. Единственный пока на сегодняшний день вариант Рюрика, выдвигаемый норманистами, это полулегендарный Рорик Ютландский. О нем уже говорилось выше. Помимо всего прочего, в этот исторический промежуток времени датчанам, как, впрочем, и другим скандинавским викингам было не до Руси. Огромных усилий требовало завоевание Ирландии, пик которой как раз пришелся на это время, войны, которые они вели в Англии, Шотландии, Уэльсе и во Франции. А вот известный на всю Европу, прославленный в песнях победитель датчан именно та фигура, которая была нужна на востоке для спасения все от той же скандинавской экспансии. Именно к нему могли обратиться за помощью северные племена Древней Руси. Именно к ним он мог прийти с летописной русью, синонимом варягов. Тем более что прецедент подобного призвания уже был, если вспомнить образованное в VII веке в Карантии королевство Само, основатель которого был кельтом. Прийти Родри мог ненадолго (княжение Рюрика довольно бледно освещено в Повести временных лет, в отличие от действий Аскольда и Дира, а главное, Вещего Олега), оставив свою варяжскую дружину. Этот вариант ничем не хуже датско-шведского (рис. 14).

В кельтской топонимике очень много слов с корнем «рос». Вполне возможно, что росы-русы изначально были кельтами. Да и в среде балтийских славян было немало кельтов (к моменту прихода славян на Балтику там проживали остатки кельтских племен), и они занимали главенствующее положение и, скорее всего, составляли правящую верхушку, как гражданскую, так и религиозную. Кстати сказать, жителей острова Рюген (по-славянски — Руяна) европейские источники называли и ругами, и русами. Именно на этом острове долго сохранялось двуязычие. Когда туда пришли в VI веке славяне, они, скорее всего, застали там кельтское население. Если рассматривать города Северной Руси изначально как некие торговые колонии балтийских славян, то вполне очевидно, что во главе этих колоний стояли представители прибалтийской знати. Мы знаем из серьезных источников, какое большое значение происхождению отводили жители Южной Балтики. Они могли призвать в Новгородскую землю только родовитого, имеющего право на власть князя, коим мог быть представитель какой-либо правящей кельтской династии.

Рис. 14. Регионы, где в различные эпохи встречаются этнонимы, связанные с венетами, антами, ругами и русью

Само название страны — Уэльс (Weles) очень созвучно главному языческому богу Северной Руси — Велесу. К тому же если вспомнить Повест временных лет, то само имя «русь» имеет варяжское, то есть кельтское происхождение. Как тут не вспомнить, что Родри Великий был в том числе королем маленького Уэльского королевства Рос, а на севере Шотландии в это время также существовало королевство Росс. Так что, может быть, и не нужно искать шведских гребцов в

качестве названия народа, а посмотреть повнимательнее среди кельтских племен Британии, Ирландии и Бретани. Я привел эту версию, чтобы показать, что даже она больше имеет право на существование, чем скандинавская.

Очень странным кажется тот факт, что финское слово гребцы «роутси» настолько прилипло к шведам, что дошло даже до Византии и Арабского Востока и стало названием народа и даже государства, тем более что этноним «рус, рос» известен задолго до начала эпохи викингов. Во всяком случае, в мировой истории неизвестно, чтобы племя или государство получало название по профессии. Никто ведь не встречал государства с названием «сапожники», «плотники» или «солдаты».

Теперь обратимся к именам двух братьев Рюрика — Синеусу и Трувору. «Синеусу варяжской легенды обычно указывают скандинавскую параллель Signiut R... Но, не говоря уже об отдаленности параллели, это имя не находит в языках Скандинавии удовлетворительного объяснения. Поэтому с давних пор привлекало внимание предположение о былинном происхождении имен Синеус и Трувор; первого как кальки выражения легенды "с родом своим" (sine hus — свой род), а второго как кальки выражения "верная дружина" (thru varing)... Но это скорее остроумное, чем достоверное решение, свидетельствующее о безнадежности попыток дать удовлетворительное объяснение этих имен из германских языков. Эта гипотеза предполагает использование русским летописцем (XI в.) записанного на скандинавском языке норманнского сказания, что маловероятно как для древнерусской, так и для скандинавской литературы того времени. Зато в кельтских языках обнаруживаются достаточно ясные и естественные параллели. В них, в частности, встречается большое количество имен, восходящих к

sinu — "старший": Messenius Sinaeus, Sinus, Sinicus, Sincius. Первоначальное кельтское звучание этого важного для эпохи перехода от общественного строя к государству понятия — sinjos — практически совпадает с написанием имени брата Рюрика»^[63].

То, что Рюрик доверил управление различными регионами своим братьям, весьма характерно для кельтского и славянского общественного устройства, а не скандинавского. У кельтов и славян наследовал власть старший в роду, а не старший сын, как у скандинавов. В этом была своя логика: кельтский король, как и славянский князь, были, в первую очередь, воителями, полководцами, возглавлявшими личную дружину.

Если князь или король умирали или погибали, то их сыновья могли быть слишком юными для занятия военным делом. Власть переходила, как правило, к следующему по старшинству брату.

«Для имени Трувор указывается скандинавский аналог *porvard R...* Аналогия в сопоставлении имени с выражением "верная дружина"... Гораздо более высокие возможности открывают снова кельтские параллели. Так, имя может быть сопоставлено с многочисленными производными от племени треверов... В древнефранцузском языке имелось прямо совпадающее с именем слово *trouveur*, означавшее "поэт", "трубадур", а также, видимо, "предприимчивый человек", "находник"... *Trevor* — одно из наиболее распространенных имен в старой кельтской области Британии — Корнуэлле. Встречается оно также в Уэльсе и Бретани. В современных этимологиях его объясняют из сложения кельтских *tref* — "дом", "усадьба" и *vor* — "большой", "великий"»^[64].

В.В. Фомин совершенно обоснованно считает, что «отрицание исторического бытия Синеуса и Трувора объясняется довольно просто, и оно связано с двумя

фактами, противоречащими норманистским воззрениям. Так, А.Н. Кирпичников дополнительные доводы в пользу того, что «эпизод с двумя братьями вызывает сомнение в его достоверности и, возможно, основан на каком-то языковом недоразумении, порожденном не устной, а письменной традицией», видит в следующем: во-первых, поиски имен Синеус и Трувор «в древнескандинавской ономастике не привели к обнадеживающим результатам» (Н.Н.Гринев, надо заметить, сказал более точно: «имен Синеус и Трувор нет в Скандинавии»), во-вторых, «само присутствие скандинавов в Белозерской округе, судя по археологическим находкам, не только в IX, но и в X в. прослеживается слабо», «а в Изборске не обнаружено характерного комплекса скандинавских изделий — поэтому вряд ли там появлялся знатный скандинав»^[65].

Приверженец норманнской теории происхождения Рюрика Е.В.Пчелов вместе с тем считает их реальными персонажами и трактует их имена как скандинавские. При этом он высказывает весьма любопытное замечание: «Другое дело, что они могли быть не "братьями" Рюрика и даже не его родственниками, а независимо действующими князьями Белозера и Изборска, "соединенными" с Рюриком лишь легендарной традицией»^[66]. Но если они были действующими князьями скандинавского происхождения, то чем объяснить отсутствие скандинавских вещей в Изборске и Белозере?

«Эти доводы, очень рельефно демонстрирующие тенденциозность исследователей, придерживающихся норманнской теории, к науке не имеют никакого отношения, ибо метод подгона решения задачи под нужный кому-то ответ ей чужд»^[67].

Так что кандидатура, учитывая кельтские имена Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора, Родри Великого на роль нашего Рюрика ничем не хуже

кандидатуры Рорика Ютландского. Я привел этот пример больше для того, чтобы показать, насколько легко можно выдвигать гипотезы, основываясь на схожести имен. Конечно же, гораздо логичнее искать Рюрика среди славян, особенно балтийских. К этому подводит тот факт, что археологические раскопки последних десятилетий показали, что в самых древних слоях Изборска, Ладоги, Новгорода и Пскова большинство находок указывают на Южную Балтику как на некую «прародину» славянской части населения Северной Руси. Да и само слово «варяги», из среды которых абсолютно точно происходил и Рюрик, многие исследователи и даже источники указывают на Вагрию как на родину варягов. А славянское племя вагры было самым северо-западным славянским племенем и соседствовало с датчанами.^[68]

Кельтская версия на самом деле не слишком противоречит славянской, поскольку оба народа не только взаимодействовали друг с другом на протяжении многих столетий, но и оказали друг на друга большое культурное воздействие. Подробно об этом написано в моей книге «Кельты и славяне». Возможно, что среди дружинников Рюрика были отдельные представители скандинавов и, скорее всего, датчан (пресловутых йомсвикингов), с которыми балтийские славяне не только воевали, но и не раз ходили в совместные походы. Поэтому и существуют среди археологических находок вещи скандинавского круга, которые могли попасть на Русь, в том числе и через посредничество балтийских славян, а также отдельные погребения, близкие скандинавским, хотя наличие скандинавских вещей в захоронении еще не говорит о том, что там похоронены именно скандинавы.

Иногда просто поражает «логика» некоторых археологов и историков. Стоит среди артефактов найти скандинавскую вещь, сразу говорят об их присутствии

на Руси, в то время как другие иностранные находки объясняют импортом. Никому в голову при этом не приходит говорить об участии арабов или греков в образовании Древнерусского государства, хотя археологических артефактов этих народов несоизмеримо больше, чем скандинавских.

Очень интересна генеалогия Рюрика и его братьев в работе немецкого историка Самуэля Бухгольца «Опыт по истории герцогства Мекленбург», опубликованной в Росток в 1753 году. В приложении к этой работе приводятся генеалогические таблицы великокняжеских мекленбургских домов, имеющих славянское происхождение. В его генеалогической таблице № 2 дано происхождение Рюрика и его братьев, на которой мы и остановимся, используя комментарии А.Г. Кузьмина.

РАДЕГАСТ (последний король вандалов, основатель династии королей вендов и ободритов). Он имел нескольких сыновей, но известны имена только двух: РАДЕГАСТА, который был князем вендов и ободритов (бодричей) на острове Рюген, и ВИСЛАВА, который был королем вендов и ободритов и умер в 700 году. Имя последнего часто встречается в генеалогиях вандалов и вендов вплоть до 1325 года и является этимологическим прототипом известного западнославянского имени Вацлав. Сын Вислава АРИБЕРТ I был королем вендов и ободритов и умер в 724 году. Был женат на Вундане из Польши. Его сын АРИБЕРТ II был королем вендов и ободритов и умер в 747 году. Его жена была дочерью Ульфреда Английского. Брат Ариберта II БИЛЛУНГ I был одним из князей вендов и ободритов и был женат на Хильдегарде, возможно бургунского происхождения. Предположительно он был основателем династии князей вильцев, и его потомки соперничали с королями ободритов. Сын Ариберта II ВИТСЛАВ II был королем вендов и ободритов. Хроники франков упоминают его

как равноправного союзника Карла Великого и противника вильцев и саксов. Умер в 795 году. Его сын ТРАСКОН был королем вендов и ободритов и погиб в 809 году от руки датчан. Его брат и, видимо, младший сын Витслава II ГОДЛИБ был князем вендов и ободритов и повешен датским королем в 808 году после взятия датчанами города Рерика. По мнению ряда исследователей, он был князем племени вагров в составе союза ободритов. Именно сыновья этого князя РЮРИК, СИВАР и ТРУВАР стали основателями русских правящих домов. При этом немецкий исследователь И. Хюбнер считает более реальной датой призвания Рюрика 840 год^[69].

Здесь уместно вспомнить, что в священном граде редариев Ретре находился языческий храм, посвященный богу Радегасту, которого также называли Сварожичем, возводя, таким образом, родоначальника князей вендов и ободритов к языческому богу неба — Сварогу. Это обычное дело в среде язычников — так многие скандинавские конунги считали себя потомками бога Одина. Можно ли считать подобную генеалогию легендарной? Я думаю, что не более, чем другие исторические источники. К составлению подобных документов относились слишком серьезно, избегая любых возможностей для их оспаривания. Следует вспомнить также, что согласно Иоакимовской летописи легендарный князь Вандаг жил в Великом городе — Велиграде, который немцы называли Мекленбург, что в переводе также означает «Великий город».

Как известно, главным занятием племен, призвавших Рюрика, была международная торговля. Неужели они отдали бы свое главное занятие и доходы от него в руки чужаков-скандинавов, об алчности и агрессивности которых они были прекрасно осведомлены? На этот вопрос можно ответить однозначно — нет! Признать

норманнскую теорию означает и признание сумасшедшими жителей севера Древней Руси.

Многие вопросы, связанные с этнической природой варягов, связаны тем, что во времена создания Повести временных лет на Руси уже знали новых варягов скандинавского происхождения.

Конечно, скандинавы сыграли определенную роль в развитии международных торговых путей, однако не они были первопроходцами, тем более что само название «из варяг в греки» вовсе не говорит о скандинавском происхождении этого пути. Вместе с тем решение «варяжского» вопроса — это и традиционное решение вопроса происхождения Руси. Дело в том, что варяги, то есть наемные дружинники в армии византийского императора, изначально были кельтского происхождения, потом в их среде появились славяне и только к началу XI века, на что указывают исландские саги, в варяжском войске появляются первые скандинавы^[70]. «В 1056 году... произошло восстание со стороны одного вельможи... "Воины, содержавшие стражу во дворце, греки и варанги, вооружились..." У византийского писателя, который рассказывает все это, прибавлено совершенно неожиданно объяснение к слову варанги. "Варанги, по происхождению кельты, служащие по найму у греков"...»^[71]

А.Г.Кузьмин, комментируя данную работу В.Г.Василевского, замечает: «Сообщение Скилицы и Кедрина трудно переоценить: оно указывает на происхождение если не всех, то каких-то конкретных "варангов". Кельтское присутствие в Прибалтике неизменно отмечалось еще в прошлом столетии. А после раскопок 70-х годов археологов ГДР и публикации, хотя бы упомянутой статьи И. Херрманна, спорить можно лишь о том, как и когда кельты появились в Южной Прибалтике»^[72]. Вполне возможно, что их вторичное появление в этом регионе могло быть связано с их

миграцией на континент, вызванной нашествием англосаксов. Жители уэльского королевства Гвинедд могли переселяться не только в Бретань, но и на берега Балтийского моря, основывая свои колонии, в том числе на о. Рюген и о. Готланд, на побережье Южной Швеции и современной Прибалтики, оставляя характерные следы своего пребывания — художественный стиль эпохи вендель.

Далее А.Г. Кузьмин пишет: «С 80-х годов XI в., как отмечает Василевский, происходит резкая смена состава варяжских дружин: вместо ва-ряго-русских они становятся варяго-английскими. Связывает это он с волнениями среди варягов в 1079—1080 годах. К тому же "новая династия (Комниных), воцарившаяся в 1081 г., отличалась от предыдущих императоров особенной склонностью и любовью к западу".

В.Г.Василевский отмечает, что толчком к переселению англосаксов явилось норманнское завоевание Британии 1066 г. Но он говорит и о том, что до 1080-х годов заметной миграции еще не было. По ряду косвенных признаков он устанавливает, что "только после 1085 года англосаксы сделались варангами в смысле лейб-гвардии." Его аргументация может быть существенно усилена и дополнена фактами, которые, может быть, многое проясняют.

Резкое обострение ситуации в Британии вызывалось не только притязаниями норманнских феодалов, но в не меньшей и едва ли не в большей степени алчностью римской церкви. В 1073 г. папой римским стал Григорий VII Гильдебрант, известный своей религиозной нетерпимостью и стремлением решительно возвысить церковную власть над светской. В 1074 г. Григорий VII предал анафеме женатых священников. Это было выпадом и против греческой церкви, где celibата не придерживались. Но гораздо в большей степени анафема адресовалась особой британо-ирландской

церкви, где даже монахи могли жить семьями, а наследование епархиальных кафедр от отца к сыну было обычным явлением. Незадолго до своего падения и смерти (1085 г.) Григорий VII в ультимативной форме потребовал перевода всех монастырей на римский устав и фактической ликвидации самостоятельности британо-ирландской церкви, которая всегда была гораздо ближе к Константинополю, нежели к Риму. Поэтому массовая миграция коснулась в первую очередь не англосаксов, в большинстве своем давно подчинившихся Риму, а бриттов и других кельтов, придерживавшихся своего собственного варианта христианства. Это и объясняет, почему, скажем, Иоанн Киннам, в связи с успешными действиями варангов против печенегов в 1122 г., замечает, что "это британский народ, издревле служащий императорам греческим". Никита Хониат (XII в.) называет английского короля "властителем секироносных бриттов, которых теперь называют англичанами"»^[73]. Интересно, что Анна Комнина в своих мемуарах продолжает называть скандинавов и франков кельтами. Еще один пример сильной исторической памяти.

Необходимо отметить, что приглашать кельтов в качестве гвардейцев на службу византийскому императору — традиция очень давняя. Еще в V—VI веках это элитное воинское подразделение набиралось в том числе и из галатов — кельтов, поселившихся в Малой Азии еще в III веке до н. э. и не утративших к этому времени своего языка и национальной самобытности.

Если этноним «Русь» мы встречаем и на севере, и на юге, то название «варяги» известно только северу, но не скандинавскому (рис. 15). При этом как на Руси, так и в Византии они воспринимались как пришлый элемент. «Очевидно, имя "Русь" так или иначе означало понятие этническое, а "варяги" — лишь географическое. Название "варяги" обычно объясняют из германских

Рис. 15. Варяги и русь по русским и иностранным источникам (публ. по: Откуда есть пошла Русская земля. Века VI—XI Сост., предисл., введ., коммент. А. Г. Кузьмина. Кн. 2. М., 1986)

Слово *var* в санскрите означает "вода". По всем областям кельтского расселения этот корень встречается при обозначении названий рек. Таковы река "Вар" и ряд производных от этого наименования названий ее притоков в Южной Франции (в департаменте Вар),,, рек в Британии и Шотландии, а также в других районах кельтского расселения... Выше уже отмечалось, что море в некоторых диалектах кельтских языков называлось *vor*.

Известен также вариант *var*... В кельтских языках буквы *m*, *b*, *v*, *f* взаимозаменяемы... Поэтому на месте одной из этих букв постоянно встречаются другие. В донегальском диалекте ирландского языка море обозначается как *farraige*... Иными словами, названия народов и племен, имеющие в основе корень "вар", в кельтских языках естественно увязываются с водой, морем. Так, северогалльское племя "морины" и прибалтийские "варины" (позднее "варны"), жившие на морском побережье, своими названиями просто фиксируют этот факт. Название "варяги", следовательно, также может означать морских жителей, людей моря, выходцев "из сердца моря", как говорил Гельмольд. Примечательно, что грекам, помимо варианта "варанги", было известно и произношение "маранги"... Здесь мы снова имеем дело с типично кельтским чередованием звуков, а также с ясным указанием на "морское" происхождение этнонима. Этим, кстати, и объясняется и многозначение термина: как одного из приморских народов и как приморских народов вообще.

Суффикс "анг", как известно, характерен для прибалтийских славян. Здесь, в зоне славяно-кельтских контактов, и возникло название этнонима»^[74]. Этот блестящий анализ, сделанный А.Г.Кузьминым, можно дополнить только одним выводом: «варяги» — возможно, и есть обозначение славяно-кельтских морских дружин, принцип организации которой скопировали впоследствии норманны, заменив термин «варяги» термином «викинги». Еще при звучании этого слова вспоминается необыкновенно архаичное, имеющее индоевропейские корни, славянское божество Сварог (скорее даже верховное божество, одной из ипостасей которого мог быть арконский Святовит). Здесь тоже возможна какая-то связь, учитывая необыкновенный мистический настрой как кельтов, так и славян. К тому же вспоминается описанная Саксоном Грамматиком храмовая дружина Святовита, состоящая из 300 воинов, единственным занятием которой была война с целью захвата добычи для храма Святовита. Эти своеобразные языческие «рыцари Храма» и могли быть первыми варягами, которые находились под покровительством бога Сварога, который всегда был с варягами. Кстати сказать, исландские саги знают неких «детей Сваранга», но кто они этнически определить очень трудно.

Уже упоминавшаяся исследовательница Л.П. Грот, тщательно проанализировав историю варинов, опираясь в том числе на работу английского историка Томаса Шора «Происхождение англосаксонского народа»^[75], развивает идеи А.Г. Кузьмина: «Введя в научный оборот данные по истории варинов, мы получаем возможность дать простое и логичное объяснение многим сообщениям византийских и других иностранных источников о варягах/варангах, которые не могли найти разумное толкование в русле спора, ограниченного поисками либо славянского, либо скандинавского

происхождения варягов». Далее она продолжает: «Ларчик же открывался просто и естественно, если исходить из истории миграции народа варинов со своей древней родины на юго-западном берегу Балтии и прослеживания основных путей их миграций: в Восточную Европу, на Русь, а также вместе со своими древними соседями и союзниками англами — на запад, на Британские острова. Естественно, что в районах, куда мигрировали варины, они создавали свои поселения, но осваивали и язык, принятый в стране. Так в диаспоре появились и варины англоязычные, и варины — носители языков славянской семьи, в ходе ославянивания южнобалтийского побережья. Но понятно, что общее древнее прошлое, общая древняя идентичность служили объединяющим моментом для разноязычных групп варинов. Данный момент и определял то, что на службе у византийских императоров находились и варины/варяги, пришедшие туда из Руси, и варины/вэринги, прибывавшие с Британских островов, вкупе со своими традиционными союзниками англами, что давало самые законные основания относить их всех к британскому народу, иначе — к кельтам, или объединять варинов с англами, как мы это видим у Малатерры. У Шора мы находим и логичное объяснение тому, почему варины добились особого статуса в Византии: древние мореходы и торговцы — они издавна владели водными торговыми путями между Балтикой и Византией»^[76]. Эта концепция, наряду с концепцией идентификации варяги-вагры, требует самого пристального внимания. В любом случае все указывает на южный берег Балтики как на родину варягов.

В идее идентификации варягов и скандинавов много натяжек. Возможно, здесь сыграл роль принцип подобия: раз началась эпоха викингов и на Западную Европу обрушились полчища морских кочевников в лице датчан и норвежцев, то надо куда-то девать шведов —

вот и нашли им место, в России, причем почему-то во главе с датским конунгом. И это не единственное противоречие.

В свете вышесказанного становится понятно, почему так много кельтских имен среди послов и купцов в договорах Руси с Византией. «Тексты договоров записывались на славянском и греческом языках, но транскрипция имен практически полностью соответствует латинскому написанию их в трехтомной "Старой кельтской лексике" А. Хольдера и других подобных изданиях (в частности, о иллирийских и венетских именах). В большинстве, это именно кельтские и иллиро-венетские имена, широко распространенные в эпоху Великого переселения народов, когда, по замечанию Иордана, племена охотно перенимали имена друг у друга. Часть их до сих пор употребительна в кельтском именослове»^[77].

Рассмотрим критически основные факты, на базе которых Рюрика, Трувора, Синеуса и варягов считают скандинавами.

1. Послы русов в 838/839 г. назвали себя свеонами, что позволило норманистам считать их шведами, а следовательно, полагать, что и Русский каганат образован шведами. На это можно возразить, что свеоны — это не шведы, которых в средневековых источниках именовали свеями. Наличие в посольстве иностранцев, находящихся на службе у русов, не является доказательством того, что русы — это шведы. Свеоны, по свидетельству Тацита, населяли острова Балтийского моря. В дальнейшем они мигрировали в Испанию. Часть их вполне могла остаться на о. Рюген. К шведам они не имеют никакого отношения.

2. Норманисты считают имена Рюрика, Трувора, Синеуса, а также варяжские имена послов, известные нам по договорам Руси с Византией в X веке, однозначно скандинавскими. А.Г.Кузьмин блестяще доказал, что

большинство этих имен имеют кельтское происхождение, что характерно для балтийских славян. Влияние культуры кельтов на балтийских славян не вызывает сомнения у исследователей.

3. Опираясь на свидетельство Константина Багрянородного, в котором приводятся названия днепровских порогов по-русски и по-славянски, норманисты расшифровывают эти названия с применением скандинавских языков. Вместе с тем, более успешен перевод названия этих порогов с помощью иранских языков, что вполне естественно, поскольку в Северном Причерноморье в разные периоды времени проживали различные иранские племена — скифы, сарматы, аланы, принявшие участие в этногенезе русского народа. Скорее всего, двойное название порогов существовало задолго до призвания Рюрика.

4. Этноним «русы, росы» норманисты считают шведского происхождения. Их лингвистические построения выглядят искусственными и неубедительными. Необходимо отметить, что поиски племени «русь» на территории Швеции не дали никаких результатов. Кельтское происхождение этого этнонима видится наиболее реальным.

5. Археологические находки скандинавского происхождения норманисты считают свидетельством широкого скандинавского присутствия на территории Древней Руси. Вместе с тем их наличие (в основном украшений) может говорить об экспорте этих предметов. Не исключено также производство этих предметов на местах. К тому же не исключено, что среди варягов, южнобалтийское происхождение которых не вызывает сомнения, могли находиться датские йомсвикинги, с которыми тесно сотрудничали балтийские славяне. Единственные находки единичных культовых предметов (гривны с молоточками Тора, предметы с руническими надписями) не могут

свидетельствовать о широком присутствии скандинавов. Не следует также забывать, что основные скандинавские находки датируются X-XI веками, когда реально скандинавские дружины были на службе у князя Владимира и Ярослава Мудрого. Только этих русских князей знают и исландские саги.

Выводы

1. Происхождение Рюрика из среды балтийских славян видится наиболее реальным и достоверным. Из дальнейшего будет видно, что именно балтийские славяне сыграли ключевую роль в славянской миграции на территорию Новгородской и Псковской земель. Скандинавская версия его происхождения не опирается на письменные источники и является искусственной по своей сути.

2. Версия, что Рюрик был сыном князя вагров и ободритов Готлиба, видится наиболее вероятной.

Сейчас следует кратко коснуться истории балтийских славян, предками которых во многом могут считать себя славяне Северной Руси.

Глава 2.

Балтийские славяне — наши близкие предки

История балтийских славян является неотъемлемой от истории Древней Руси. Особенно это касается ее северной части, связанной с ней не только культурными корнями, но и основными миграционными потоками. Пора по-новому взглянуть на эту уникальную торговую цивилизацию, заложившую основы развития восточноевропейского славянства.

В начале VI века славяне начали активно осваивать районы польского Поморья и междуречья нижних течений Одера и Эльбы. В землях западнее Одера славяне появляются с середины VI века с последующим массовым заселением этих земель со второй половины VI — начала VII века. Низовья Эльбы и смежные приморские области были освоены славянами на рубеже VI—VII веков, в том числе знаменитый остров Рюген^[78] (рис. 16). Не следует забывать, что в прибалтийских землях еще оставались венецы, оставившие смешанную славяно-кельтскую пшеворскую археологическую культуру. Благодаря этому, современные польские археологи считают славян автохтонным населением Польши.

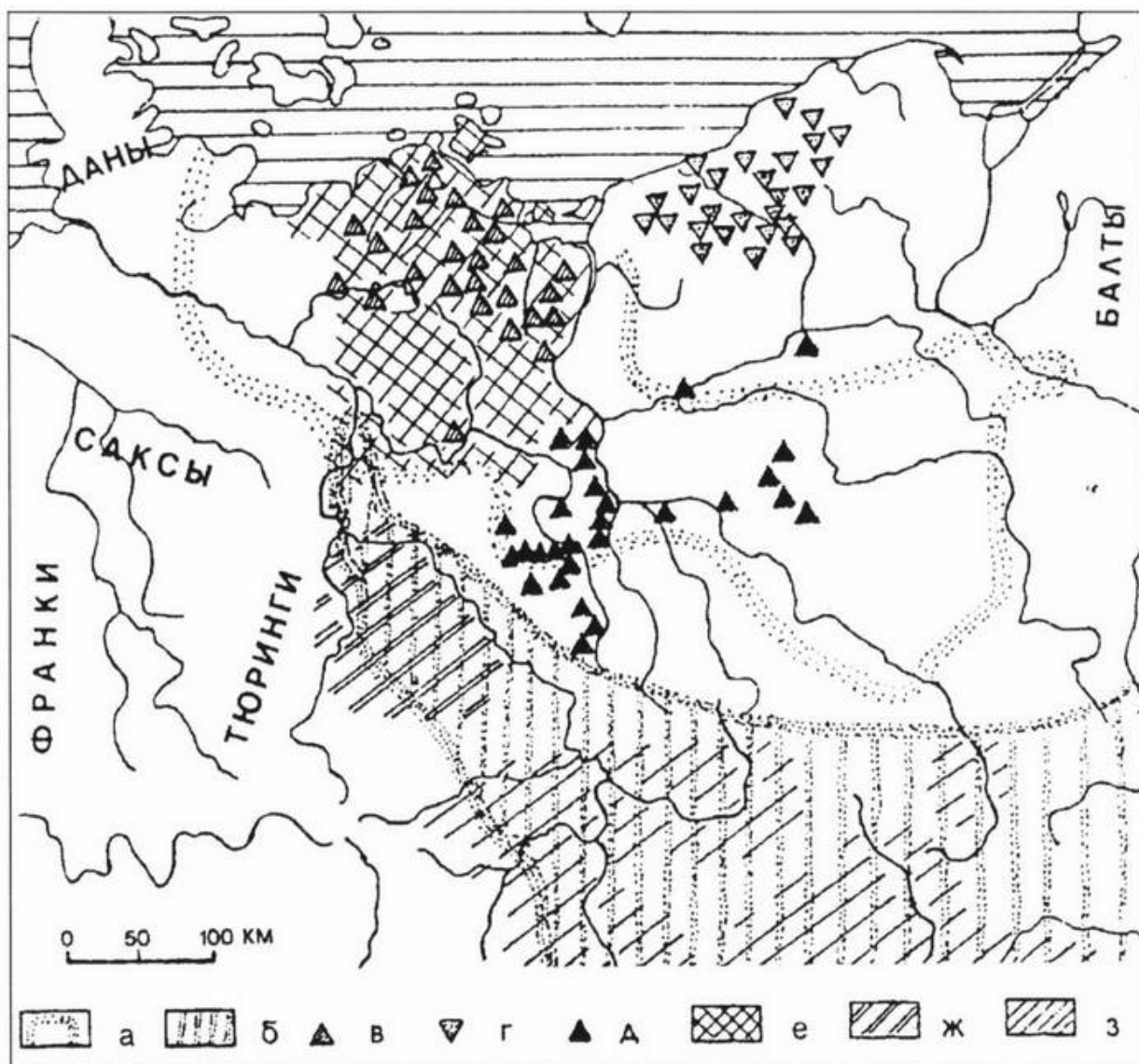

Рис. 16. Северо-Западный регион славянского мира в VI—VIII вв.: а — ареал суковско-дзедзицкой культуры; б— пражско-корчакской культуры. Основные памятники различных культур: в — фелдбергской; г — кендзинской; д — торновской. Ареалы культур: е — фелдбергской; ж — рюсенской; з — керамики дунайского типа (по В. В. Седову)

Первым письменным известием о славянах на Эльбе является свидетельство Вибия Секвестра (VI в.), где об

Эльбе сообщается как о сербском округе, который располагался на правом берегу между Магдебургом и Лужицами^[79].

Следующее сообщение о балтийских славянах мы получаем из византийских источников. Фиофилат Симокатта (начало VII в.) описывает интересную встречу послов балтийских славян с императором: «На следующий день телохранителями императора были захвачены три человека, не имевшие при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары, и ничего другого они не несли. Император принялся расспрашивать их, какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях. Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана (скорее всего речь идет о дельте Эльбы или Одера. — С.Ц.); что хаган (речь идет об аварском хане. — С.Ц.) отправил послов вплоть до тамошних племен, чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хакану их, захваченных императором, с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев. А хакан, забыв о законе, (защищающем) послов, начал-де чинить им препятствия к возвращению. Они же, наслышанные, что племя ромеев, если дозволено так сказать, очень славится богатством и человеколюбием, ушли во Фракию, обманув в подходящий момент (хагана). А кифары они, мол, несут потому, что не обучены носить на теле оружие; ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой; они играют на лирах, не знакомые с пением труб. Ведь тем, кто о войне и не слыхивал, естественно, как они говорили, заниматься безыскусными мусическими упражнениями. Автократор, (услышав) все сказанное, восхитился их племенем и,

удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и подивившись размерами их тел и огромности членов, переправил в Ираклию»^[80].

Этот необычайно интересный и информативный пассаж, несмотря на всю идилличность повествования, несет в себе бесценные сведения о возможных связях балтийских славян со славянами Восточной Европы. И его, конечно же, нельзя рассматривать в отрыве от тогдашней исторической обстановки.

Дату этой знаменательной встречи разные исследователи относят и к 591, и к 592, и к 596 году. Причем этой встрече предшествует начавшаяся война с аварами и славянами, переправившимися через Дунай на знаменитых моносилах. О том, что послами были именно балтийские славяне, свидетельствует тот факт, что они живут у оконечности Западного океана (так называли византийские источники Атлантический океан), с которым связано Балтийское море. Скорее всего, они прибыли из освоенного в середине VI века славянами региона междуречья Эльбы и Одера. Кстати сказать, устье Эльбы и есть юго-восточная «оконечность Западного океана». Возможно, что это были представители племени «вагры», которые соседствовали с датчанами. Тогда мы имеем первое историческое свидетельство о варягах. То, что к балтийским славянам прибыли послы от аваров, лишний раз подтверждает не только военную, но и политическую активность авар — с конца VI — начала VII в. они посылали послов и к франкам и к лангобардам, что привело к заключению с ними союза в 601 году. В это же время прибывает и франкское посольство в Византию^[81].

Сразу встает вопрос — а какова цель прибытия послов к императору Византии Маврикию? Неужели только препятствия, чинимые аварским хаганом? Как мне видится, нельзя исключать и торговые интересы

славян, тем более что посольство носит подчеркнуто мирный характер, у послов нет не только оружия, но даже и железных изделий. Вместе с тем известны многочисленные клады византийских монет этой эпохи, найденные в низовьях Одера^[82]. К тому времени относят и клады во Фризии. Не есть ли это свидетельство как раз вновь зарождающейся торговли с Византией Северным морским путем? Балтийские славяне тогда активно осваивали торговые пути, и, как это будет видно из дальнейшего, активно колонизировали север Восточной Европы.

Косвенным подтверждением вышесказанному является очень важный факт, что император отправляет послов в Ираклий, город, расположенный на берегу Мраморного моря недалеко от Константинополя, то есть в сторону, казалось бы, противоположную той, которая им была бы нужна для возвращения домой. А может быть, в этом тоже была своя логика. Они могли вернуться на Балтику путем из «грек в варяги», то есть через славянские Киев и Псков (далее будет показано, почему через Псков), через территории антов и кривичей. То есть тем путем, который был известен еще в античные времена. Путем, на котором балтийские славяне уже начали хозяйничать.

Кстати сказать, летописное свидетельство о путешествии апостола Андрея именно путем из «варяг в греки» приобретает уже далеко не легендарный характер. Тем более что в Северном Причерноморье в те времена проживали носители зарубинецкой культуры, которую многие исследователи относят к славянской. Так что это свидетельство косвенно подтверждает, что в VII веке этот путь всюду функционировал.

В цитируемом сообщении, помимо всего прочего, интересно, что послами западных славян, судя по наличию у них музыкальных инструментов и отсутствию оружия, были, скорее всего, языческие жрецы. Если эти

послы действительно пришли с берегов Балтики, то они несколько слукавили в отношении длительности дороги. Путь «из варяг в греки», которым, скорее всего, шли эти послы, занимает не более трех-четырех месяцев.

Время освоения славянами приморских и приречных территорий Южной Балтики и строительство там большого количества укрепленных городищ, ориентированных в том числе и на международную торговлю, не случайно совпало с торговой активностью бретонцев и франков. Северо-восточный вектор направления торговых путей все сильнее ощущался на этой территории. Без наличия городов балтийских славян трудно себе представить движение товаров с востока на запад.

На всей территории расселения балтийских славян исторические источники фиксируют несколько племенных образований (рис. 17, 18). В междуречье средних течений Одера и Варты локализуются поляне — одно из крупных племен лехитской группы славян. Этимология его прозрачна — от слова «поле». Баварский географ не упоминает полян, но ему были известны глопеане — большое племенное формирование, включавшее «400 градов». Довольно крупным лехитским племенным объединением были ободриты, впервые упоминаемые во Франкских анналах в 789 году^[83].

Анналы содержат под этим годом и упоминания других племен: «Год 789-й. Потом, с помощью Господа, был совершен поход в Склаванию, (населенную племенами), другое название (страны) которых — Вильце; и в согласии с франками и саксами (король) дошел, перейдя Рейн у Кельна, через Саксонию до реки Эльба и построил там два моста, с обоих концов одного из которых возвел укрепления из дерева и земли. Затем, двинувшись вперед, милостью Господа, подчинил вышеупомянутых славян своей власти. И были с ним в том же войске франки, саксы; фризы же, приплыв с

некоторыми из франков по реке Хавель, к нему присоединились. Были с ним также славяне, чье название — сорбы, а кроме того, ободриты, правителем которых был Вицан»^[84].

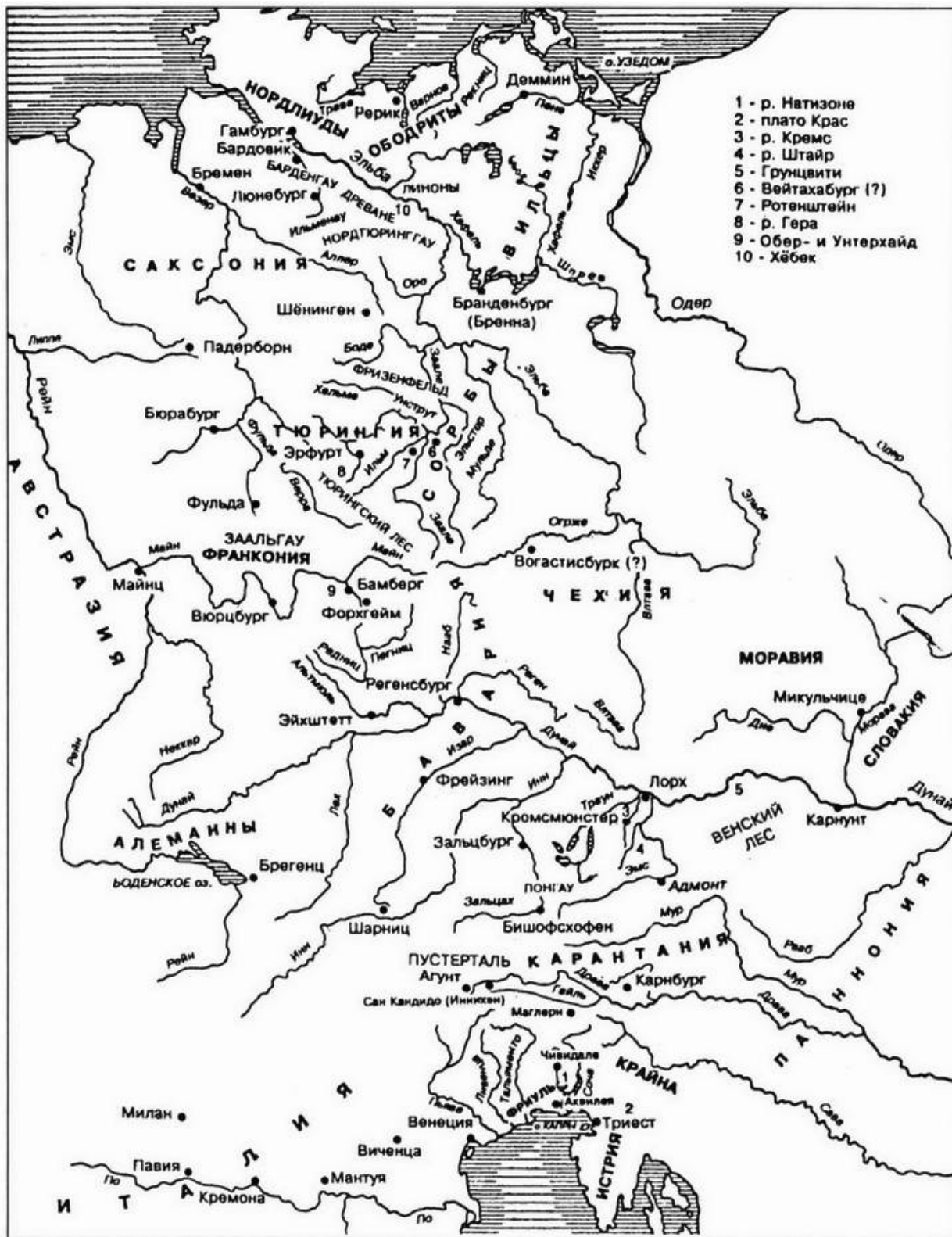

Рис. 17. Центральная Европа в VII— VIII вв.

Очень интересны более подробные данные о вильцах (или велетах), непримиримых врагов франков, содержащиеся в Ватиканском кодексе IX века, описывающий те же события: «Есть некое племя славян в Германии,.. живущее на берегу Океана, которое на собственном языке зовется велетабами (Weletabi), на франкском же вильцами (Wilzi). Оно всегда враждебно франкам и своим соседям, которые были франкам или подвластными или союзниками, обычно ненавистью преследовало и войной донимало и тревожило. Решив, что ему не следует дальше сносить его дерзость, король постановил идти на него войной и, снарядив огромное войско, переправился через Рейн к Кельну. Затем, когда, пройдя Саксонию, он пришел к Эльбе, то, разбив лагерь на берегу, перебросил через реку два моста, один из которых с обеих сторон обнес валом и укрепил, поставив стражу. (Возможно, здесь мы имеем описание первой укрепленной таможни для торговли со славянами. — С.Ц.) Сам же, перейдя реку, где наметил, повел войско и, вторгшись в страну вильцев, приказал все опустошить огнем и мечом. Но народ тот, хотя и воинственный и рассчитывающий на свою многочисленность, не смог долго выдерживать натиск королевского войска, и потому, когда сначала подошли к городу Драговита... — ведь он далеко превосходил всех царьков вильцев и знатностью рода, и авторитетом старости, — он тотчас со всеми своими вышел из города к королю, дал заложников, каких потребовали, (и) клятвенно обещал хранить верность королю и франкам. Последовав за ним, другие славянские знатные лица и царьки... подчинились власти короля... Тогда он, покорив тот народ и взяв заложников, которых приказал дать, тем же путем, которым прибыл, вернулся к Эльбе»^[85].

Предполагаемое самоназвание вильцев — «велеты» по-древнерусски означает «великаны». Аналогичное обозначение этого слова существует и в литовском

языке. Некоторые лингвисты считают славянским и сам этноним Wilzi, возводя его к старополабскому Vilci — «волки». Подобная интерпретация заслуживает самого пристального внимания, поскольку нам известно кельтское племя «вольки», упомянутое в русских летописях под названием «волохи» и ставшее названием славянских языческих жрецов волхвов. Это тем более интересно, что вильцы известны своей непримиримостью к христианству. Большинство исследователей считает, что под «городом Драговита» имеется в виду г. Бренна (нынешний Бранденбург-на-Хафеле). «Славянское» название этого города Бренна имеет явно кельтскую этимологию. Говоря о велетах (волотах) не следует забывать о топониме «Волотово поле». Место находится недалеко от Новгорода и там по легенде расположена могила Гостомысла.

Племя собственно ободритов проживало по побережью Балтийского моря от Любекского залива до Ратиборского озера, с княжеской резиденцией в Велиграде (датчане называли этот город Рериком!). Скорее всего именно этот город под названием Великий город упоминается в Никоновской и Иоакимовской летописях. С ободритами соседствовали варны, жившие вдоль берегов реки Варны с центром в городке Пархим.

В Восточном Гольштейне между Балтийским морем и р. Травной обитали вагры с княжеской резиденцией в Старгарде (ныне Ольденбург), представляющие для нас наибольший интерес. Ведь именно с названием этого племени, скорее всего, связано слово «варяги».

Несколько южнее, вдоль правого берега Эльбы (Лабы) жили полабы с центром в Ратиборе (нынешний Рацисбург), а выше по течению — линияне. Все эти славянские городские центры (рис. 17а) были построены в VII—VIII веках. Эти города не только являлись центрами политической власти, но и постепенно трансформировались в ремесленно-торговые пункты,

которые охотно посещались иноземными купцами. Наиболее крупными подобными центрами были административные центры ва-гров и ободритов — Старгард и Велиград. Велиград, который датчане называли Рериком, был ими разрушен в 808 году, а купцы были переселены в Хедебю^[86]. Отметим это событие, поскольку оно вполне вероятно, как уже говорилось выше, связано с призванием Рюрика (рис. 18).

Видимо, международная торговля у славян шла настолько успешно, что не давала покоя датчанам, которые к этому времени были еще озабочены походами на Британские острова. Вскоре этот славянский город был отстроен ободритами заново.

Не следует забывать, что именно сыном князя Готлиба многие источники называют Рюрика. Может быть, его отец назвал его по названию своего города? Или в честь покровителя рода — Рерика-сокола.

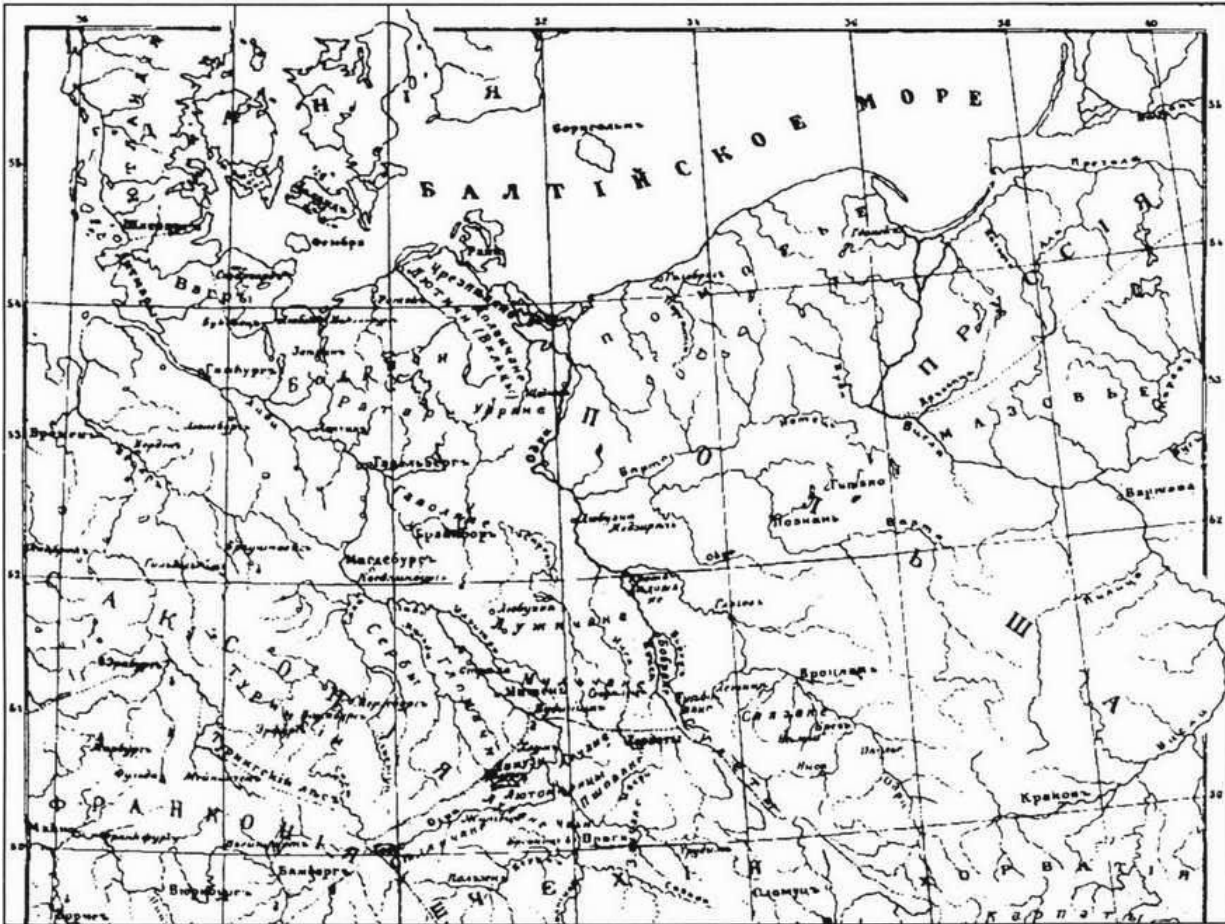

Рис. 17а. Славянские городские центры

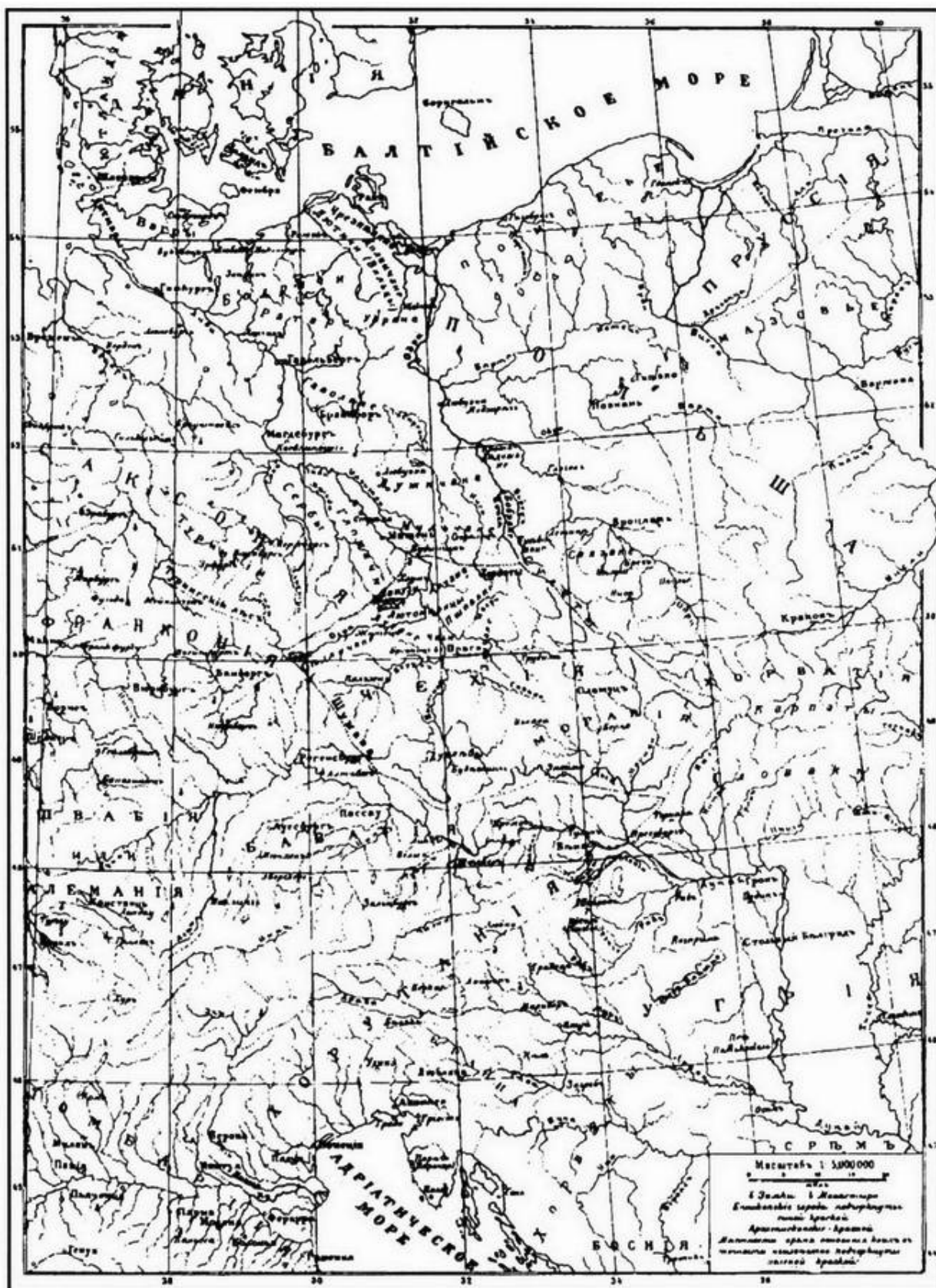

Рис. 18. Полабские славяне, словаки и словенцы в конце X века (из «Энциклопедического словаря» Ф.А.Брокгауза, И.А. Ефрона)

Интересно, что славянское племя «варны» созвучно по названию с племенем «варины», имеющим, скорее всего, кельтское происхождение, причем живущим во времена Тацита приблизительно там же, где потом локализируются «варны», уже славяне. Вполне возможно, как это уже традиционно происходило в средние века, славяне, придя сюда и застав остатки автохтонного кельтского населения, переняли название племени, одновременно ославянив его население. Не исключено и то, что сами варины изначально были славянами. Следует напомнить, что на побережье Северного моря в античные времена проживало кельтское племя морины. С учетом того, что в кельтских языках звуки «в» и «м» были взаимозаменяемы, можно предположить, что варины и морины — одно и то же племя, название которого было воспринято славянами, так же как варагры — вагры.

Остановимся немного подробнее на самом северо-западном славянском племени вагры, тем более что ряд исследователей, как уже говорилось выше, именно в них видит тех самых варягов, которые, согласно Повести временных лет, были призваны новгородцами. Интересен также и факт существования во времена Юлия Цезаря кельтского племени варагры (верагры), которые обитали в юго-западной части кантона Wallis в Альпах, название которого созвучно ваграм.

Вот что пишет о главном городе вагров Гельмгольд: «Город Альден-бург, тот самый, который по-славянски называется Старыгард, т. е. старый город, лежит в стране вагров, на западном берегу Балтийского моря, и составляет крайний предел Славии (т. е. Славянской земли). Этот город и вся страна вагрская в старину

населены были самыми храбрыми людьми, потому что, стоя впереди всех славянских народов и гранича с Данами и Саксами, Вагры всегда первые и направляли военное движение их соседей, и принимали на себя их удары»^[87].

Может быть, вот они, летописные варяги! Зачем искать их среди скандинавов, когда есть славянское племя с очень близким названием и с племенным центром в Старграде! Он поэтому и назывался во времена Гельмольда Старым городом, что уже расцвел его преемник русско-варяжский Новгород. Не зря ведь новгородцы, согласно Повести временных лет, вели свое происхождение от варягов. Да и в Повести временных лет варяги соседствуют с англами, которые жили до миграции в Британии на Ютландском полуострове.

В силу своего географического положения именно ваграм приходилось находиться в непрерывных пограничных войнах с германцами и датчанами. Исследователь истории балтийских славян Гильфердинг считал, что до конца VIII века вагры, прославившиеся как отважные мореходы и морские пираты, и были первыми среди своих соплеменников, которые им подчинялись^[88]. Именно представители этого южнобалтийского племени, которое подвергалось постоянному нажиму со стороны западных соседей, в первую очередь могли мигрировать на север Древней Руси.

Как известно, их племенным центром был Старгард. Если именно они явились основателями Новгорода, как считает ряд исследователей, то тут прослеживается железная логика. Старый город, недалеко от которого располагался другой, носящий к тому же еще и имя легендарного варяга, Рерик (или Рарог, на славянский манер, что в переводе означало сокол) на территории Древней Руси стал новым городом, то есть Новгородом. В пользу этой версии говорит и тот факт, что город с названием Новый город в землях балтийских славян не

обнаружен. Ниже будет более подробно освещена миграция балтийских славян в земли северной Руси, что было вызвано, в первую очередь, торговыми интересами. Следует также иметь в виду, что именно вагры принимали на себя основные удары с запада, что весьма стимулировало миграционные процессы на восток.

В «Хронике Фредегара» балтийские славяне выступают под именем винидов (748 г.): «В том же году саксы, по обыкновению, попытались нарушить верность, которую обещали его брату. По этой причине, он (речь идет о Пипине III, франкском майордоме в момент описываемых событий и ставшего королем только в 751 г.) вынужден был их упредить. К нему на помощь сошлись единодушно короли винидов и фризов. Увидев это, саксы, движимые привычным страхом, — (когда) многие из них были уже убиты и отправлены в плен, (а) области их сожжены огнем, — попросив мира, подчинились, как было по старому обычаю, власти франков и те подати, которые они некогда платили Хлотарю, обещали с этого времени впредь вносить в полном размере»^[89].

Свидетельством славянской мощи того времени является факт, что их князей франки называют высоким титулом короля, то есть титулом, формально, более высоким, чем тогда имел сам Пипин, и тем, что согласно более поздним Начальным Мецким анналам славяне выставили 100-тысячное войско. Те же Мецкие анналы рассказывают о более ранних контактах со славянами в 692 году: «Являлись к нему (имеется в виду майордом Пипин II) посольства окрестных народов, а именно греков и римлян, лангобардов, гуннов и славян, а также сарацинов... Милостливо принимая их, он отправлял их домой награжденными еще большими подарками. Сам он, также, не менее энергично направляя в подходящее время своих послов в различные края ради выгод своей державы, добивался при наибольшем

благоприятствовании мира и дружбы окрестных народов»^[90].

В это время франки стремились иметь своими союзниками два главных торговых народа севера — фризов и славян. Позже, во времена Карла Великого, ситуация изменится.

Интересно, что современник этих событий, выдающийся англо-саксонский миссионер и создатель новой церковной структуры Франкского государства Винфред, впоследствии принявший имя Бонифаций, в одном из своих писем, восхищаясь обычаем винидских женщин принимать смерть после смерти мужа, называет славян *rustica gens*^[91].

Необходимо отметить, что подобный термин применял к пиктам святой Колумбан, когда он проповедовал им христианство на территории королевства Росс в Шотландии. Не есть ли это идентификация русов и кельтов? Но вернемся к славянским городам.

«Недалеко от Висмара находится крупное городище, именуемое Мекленбургским, которое отождествляется с Велиградом — резиденцией князей ободритского племенного союза, а в более позднее время — мекленбургских князей. Городище устроено на всхолмлении, имеет овальные очертания размером 180 на 140 м и по периметру обнесено валом высотой до 8,6 м. Нижний горизонт культурного слоя, в котором доминирует суковско-дзедзицкая керамика, датирован на основании материалов раскопок 620—680 гг. Изучение валов выявило 7 строительных периодов. Древнейший вал с внутренними деревянными конструкциями имел высоту до 7 м и ширину основания 12,75 м. Его возведение автор раскопок П. Донат определяет первой четвертью VII в., разрушен был в 680 г. (дендрологическая дата). В последующие столетия Велиград — Мекленбург стал крупным ремесленно-

торговым поселением раннего средневековья и играл заметную роль в истории региона до XIII в.»^[92]. Велиград, один из древнейших городов Балтики, имел действительно впечатляющие для средневекового города размеры уже в VII веке. Хочется отметить, что Мекленбургские земли называли страной тысячи озер и переселенцы из Южной Балтики нашли в Новгородской земле очень близкие своей родине природные ландшафты, что, возможно, сыграло не последнюю роль в их миграции.

Интересно, что дата его основания совпадает приблизительно со временем появления государства Само в Карантии и началом торговой активности франков со славянами. Конструкция вала этого городища выполнена в кельтских традициях.

Особую, сакральную роль играл остров Рюген (Руяна). Нигде, как на острове Руяна, у славян не было столь сильного теократического правления. Русский историк А. Гильфердинг, проанализировав общественное устройство на основе средневековых источников, пришел к выводу: «...у Ран господствовал закон единогласия и собиралась народная сходка. Сходку созывал верховный жрец Святовита, глава всего Райского общества. Когда случалось что-нибудь важное, то он объявлял о том царю и народу Райскому: собиралась сходка, жрец излагал волю богов, узнанную им посредством разных знамений, и царь с народом решали, что по этому делать»^[93]. Главенство жреческой власти перед королевской — типична для кельтов. Более того, теократическое правление — своеобразный репер принадлежности того или иного племени полиэтнической кельтской цивилизации.

Описание города Аркона (рис. 19), храма Святовита и других городов о. Руяна оставил нам участник взятия Арконы датчанами Саксон Грамматик (ум. 1204 г.): «Город Аркона лежит на вершине высокой скалы; с

севера, востока и юга огражден природною защитой... с западной стороны защищает его высокая насыпь в 50 локтей... Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается деревянный храм прекрасной работы, но почтенный не столько по великолепию зодчества, сколько по величию бога, которому здесь воздвигнут был кумир. Вся внешняя сторона здания блистала искусно сделанными барельефами различных фигур, но безобразно и грубо раскрашенными. Только один вход был во внутренность храма, окруженного двойною оградю: внешняя ограда состояла из толстой стены с красною кровлею; внутренняя — из четырех крепких колонн, которые, не соединяясь твердою стеною, увешаны были коврами, достигавшими до земли, и примыкали к внешней оgrade лишь немногими арками и кровлею. В самом храме стоял большой, превосходивший рост человеческий, кумир, с четырьмя головами, на стольких же шеях, из которых две выходили к груди и две к хребту, но так, что из обеих передних и обеих задних голов одна смотрела направо, а другая налево; волосы и борода были подстрижены коротко; и в этом, казалось, художник соображался с обыкновением руян. В правой руке кумир держал рог из различных металлов, который каждый год обыкновенно наполнялся вином из рук жреца, для гадания о плодородии следующего года; левая рука, которою кумир опирался о бок, подобилась луку.

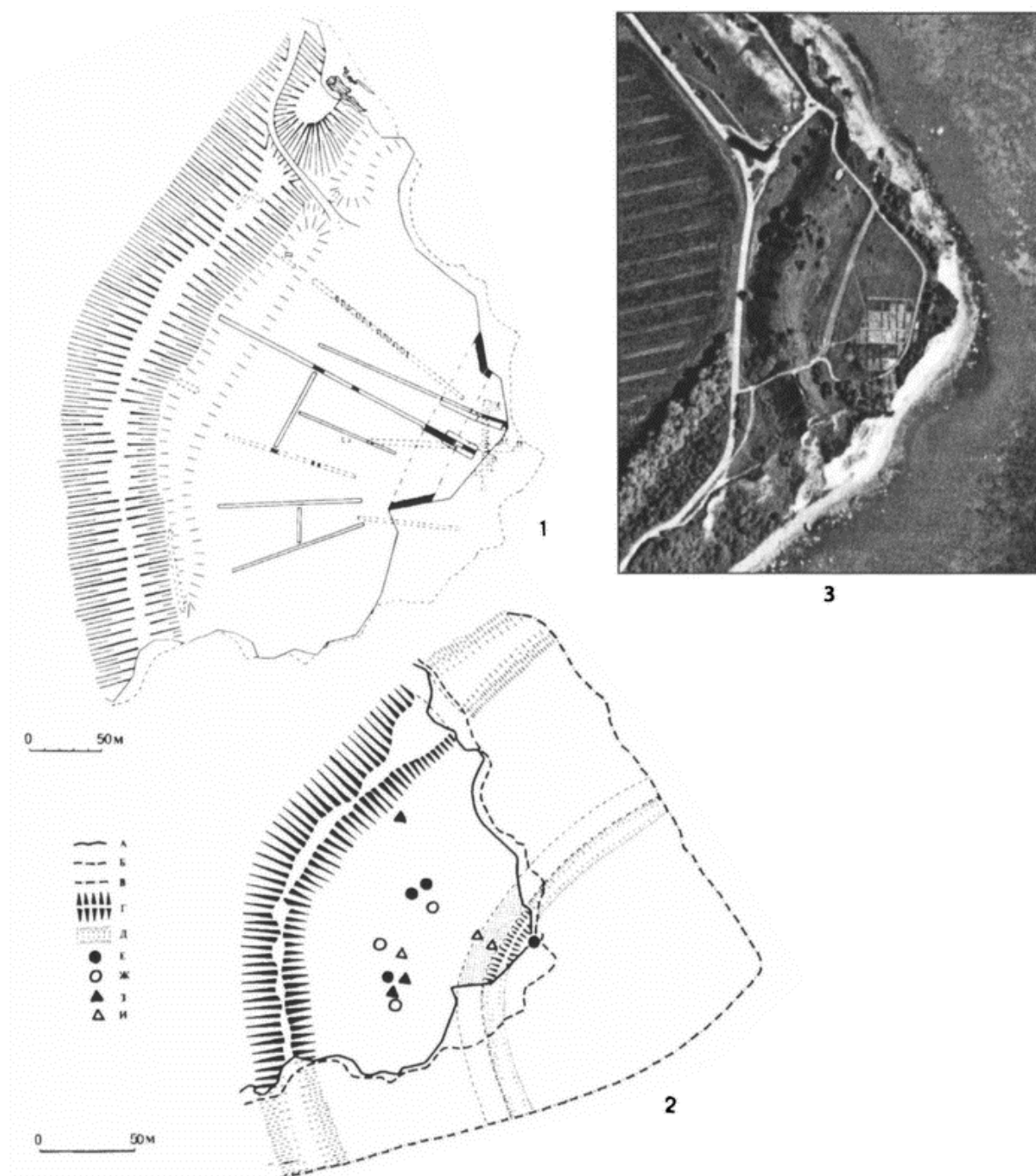

Рис. 19. Городище-святилище Аркона

1 — раскопочные траншеи, проведенные на городище в разные годы;

2 — скопление находок на городище, а — край берега в 1969 г.; б — край берега в 1920 г.; в — предположительный край берега в X в.; г — вал; д — уничтоженный вал; е — комплексы вещей IX—X вв.; ж — комплексы вещей XI—XII вв.; з — отдельные находки IX—X вв.; и — отдельные находки XI—XII вв.

3 — Аэрофотоснимок территории, где находится Аркона

Рис. 20. Идол Святовита (реконструкция)

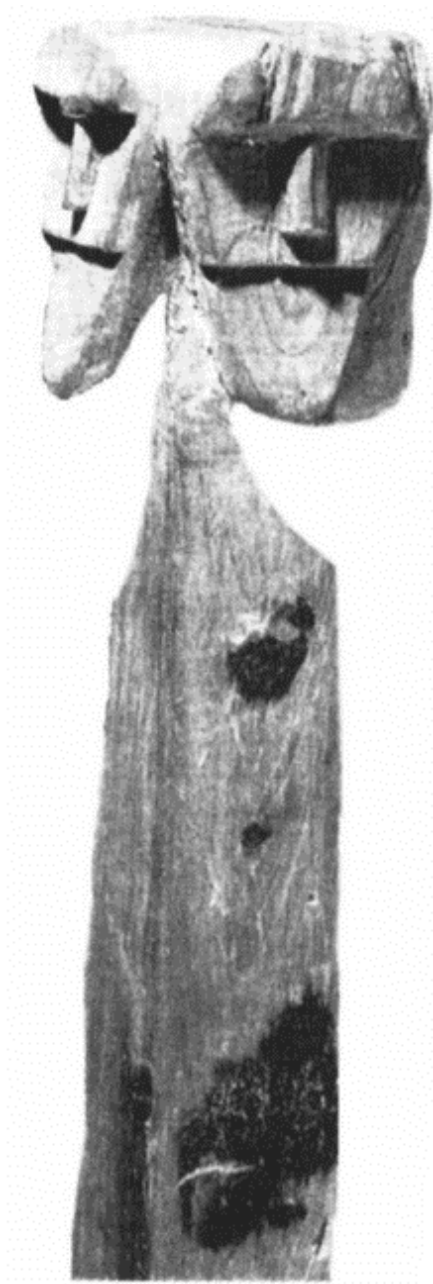

Рис. 21. Идол Святовита

Верхняя одежда спускалась до берцов, которые составлены были из различных сортов дерев и так

искусно были соединены с коленями, что только при точном рассматривании можно было различать фуги. Ноги стояли наравне с землею, их фундамент сделан был под полом. В небольшом отдалении видны были узда и седло кумира с другими принадлежностями; рассматривающего более всего поражал меч огромной величины, которого ножны и черен, кроме красивых резных форм, отличались прекрасною серебряною отделкою... Для содержания кумира каждый житель острова обоих полов вносил монету. Ему также отдавали третью часть добычи и хищения, веря, что его защита дарует успех; кроме того, в его распоряжении были триста лошадей и столько же всадников, которые всё, добытое ими насилием или хитростью, вручали верховному жрецу; отсюда приготавливались различные украшения храма; прочее сохранялось в сундуках под замками; в них, кроме огромного количества золота, лежало много пурпурных одежд, но от ветхости гнилых и худых. Можно было видеть здесь множество общественных и частных даров, жертвованных благочестивыми обетами требующих помощи, потому что этому кумиру давала дань вся Славянская земля. Даже соседние государи посылали ему подарки с благоговением: между прочими король Датский Свенон, для умиловления его, принес в дар чашу искуснейшей отделки... Этот бог имел также храмы в очень многих других местах, управляемые жрецами меньшей важности. Кроме того, при нем был конь, совершенно белый, у которого выдернуть волос из гривы или хвоста почиталось нечестием. Только верховный жрец мог его кормить и на нем ездить, чтобы обыкновенная езда не унизила божественного животного. Верили, что на этом коне Святovit ведет войну против врагов своего святилища; это следовало из того, что конь, ночью стоящий в стойле, часто утром был покрыт пеною и грязью, как будто бы он воротился из

дальней дороги»^[94]. Из этого описания мы не только узнаем о великолепии храма Святовита, восхищавшего иностранцев, но и о явном наличии у жрецов балтийских славян мощной жреческой корпорации наподобие ордена друидов, с четко выраженной иерархией. При этом этот жреческий языческий орден имел и своих 300 «храмовников». Поскольку Святовита балтийские славяне считали «богом богов», то и верховный жрец этого храма был не только верховным жрецом всех славян, но и практически их верховным правителем, поскольку совершал главные гадания и предсказания. Сам же бог Святовит и по его изображениям (четырёхголовость) и по функциям (сочетание торговой и военной) больше всего напоминает галльского Луга-Меркурия, что вполне естественно в свете вышесказанного (рис. 20—22).

Торговля у балтийских славян еще была делом сакральным, поскольку их жрецы, по свидетельству Эбона, ездили по торговым делам за море как простые купцы^[95]. Необходимо отметить, что в Старой Ладогe был найден языческий храм, описание которого будет приведено ниже, который по своей планировке и архитектуре подобен храмам балтийских славян, и, в частности, храму Святовита в Арконе. Любопытную параллель со священным конем Святовита может дать описание истории коня Вещего Олега, который содержался до своей естественной смерти в древней Ладогe в Повести временных лет. Такое ощущение, что это был священный конь, переданный Олегом храму в Ладогe. Не исключено, что этот храм был храмом Святовита. Саксон Грамматик описал еще один из священных городов Рюгена— Кореницу. «Город Кореница окружен со всех сторон болотом, сквозь которое проложен только один ход. Необитаемый во время мира, он полон жилищ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный в город, не

упал бы на голую землю. Он знаменит прекрасными зданиями трех славных храмов. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также как и капище, не имея стен, завешано было пурпуровою тканью, так что кровля лежала на одних колоннах. Когда сорваны были оба покрова, то дубовый идол Руевита безобразно раскрылся со всех сторон»^[96]. Остров Руяна был не только древнейшим сакральным центром кельтов и славян, там занимались и торговлей. «По словам Саксона Грамматика, многие из Ран ездили на чужую сторону по разным торговым делам, а у главного, священного их города, Арконы, в особенном, кажется торговом предместье... жило много иностранных купцов»^[97]. Был на о. Руяна и специальный торговый город Ральсвик, наиболее изученное на сегодняшний день торговое поселение на этом острове.

Рис. 22. Гадание со священным конем Святовита

Основано оно было в VIII веке, но его наибольший расцвет приходится на IX—X столетия. Находилось это поселение на полуострове в Большом Ясмундском заливе и имело размеры 360 на 70—100 м. Его застройку образовывала система дворов, состоящих из жилого дома, подсобных строений, мастерских и хозяйственных амбаров. Многие из таких усадеб имели собственные пристани с навесами, под которыми содержались и

ремонтировались ладьи. Раскопками документировано 15—17 пристаней. Исследованы и сами суда, на которых совершались морские перевозки. Это были ладьи длиной около 10 м, шириной 3,4 м, грузоподъемность — примерно 9 тонн. Осадка их — около 1 м. Передвигались они с помощью парусов, а весла имели подсобное значение. В XI веке жизнь на поселении затухает. Главную роль на этом поселении играли купцы. В принадлежащих им усадьбах на хозяйственных дворах проживали моряки, ремесленники и подсобники. «В усадьбах при раскопках зафиксированы остатки мастерских по изготовлению железных орудий труда, обработке дерева и находкам железных заклепок, вероятно, строились ладьи. Жители поселений занимались также земледелием и скотоводством, но их роль была подсобной»^[98] (рис. 23).

Интересно, что ряд исследователей именно в острове Руяна видят знаменитый «остров русов» арабских источников. Население острова называли и руянами, и ранами, и русинами. «У немецкого писателя Герборда (1159 г.) находим девять случаев обозначения ран русинами, столько же случаев имеется у другого немецкого писателя — Эбона (1151 —1152 гг.). Кроме того встречаются источники, только однажды упоминающие о русинах на южном берегу Балтийского моря»^[99]. Более подробна эта версия будет описана ниже. Выше уже говорилось о кельтском происхождении этнонима «рос—рус», так что появление этого племенного названия на сакральном для кельтов еще в римское время острове, лишний раз подтверждает наличие кельтского населения на нем и в средневековье.

«В своем сочинении Герборд говорит и о киевских русах, несколько раз обозначая их тем же названием русины. Таким образом, современник описываемых им событий Герборд объединяет киевских русов и

прибалтийских ран одним и тем же названием, т. е. отождествляет их между собой.

Эббон, современник Герборда, также называет ран русинами. Так, о территории ран Эббон говорит как «о земле варваров, которые зовутся русинами»; в другом месте о ранах читаем: «русины, до сих пор запутавшиеся в языческих заблуждениях».

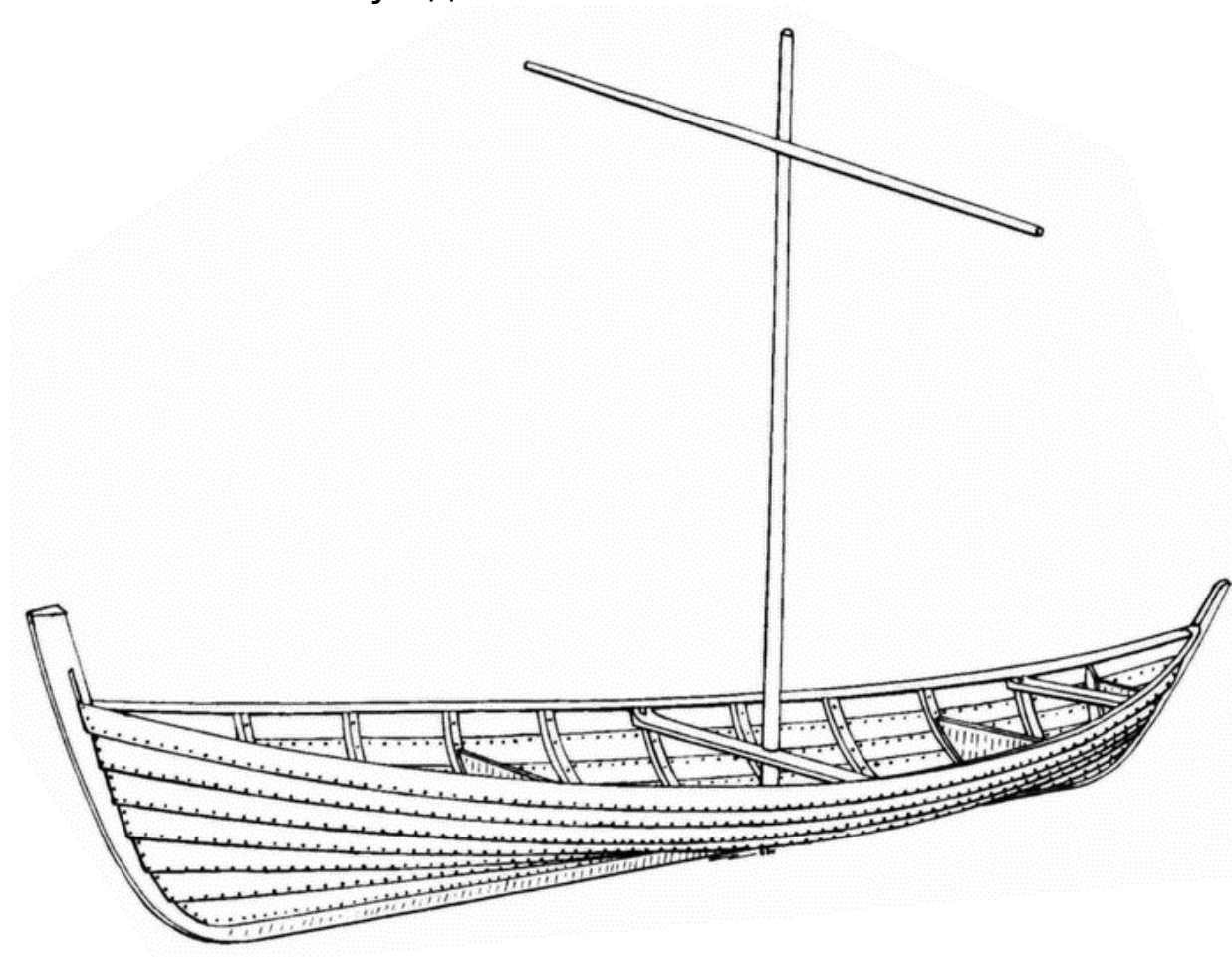

Рис. 23. Ладья из Огородников (реконструкция И. И. Черникова)

«Хотя русские летописи нигде не говорят, что русь, пришедшая с Рюриком, находилась на южном берегу Балтийского моря, это совершенно очевидно из того, что Нестор, помещая русь в район Балтийского моря, одновременно утверждает, что она говорила по-

славянски... На Балтике по-славянски говорили только на южном берегу моря, между устьем Вислы и Данией. Тем самым утверждение Нестора, что русь говорила по-славянски, определенно указывает на географическое положение прибалтийской Руси. С другой стороны, при перечислении западноевропейских народов... Нестор помещает русь между готландцами, жившими на южном берегу современной Швеции и на острове Готланде, и «Агнянами», под которыми, крайне вероятно, надо понимать датское племя англов, которое соседствовало с Рюгеном, так как жило в нынешней провинции Ангельн в юго-восточной части Ютландского полуострова и на некоторых датских островах. Трудно при перечислении народов точнее охарактеризовать географическое положение Рюгена по отношению к скандинавским народам, чем это сделано русским летописцем. Координаты прибалтийской Руси у Нестора (на южном берегу моря между готландцами и англами) точно совпадают с положением острова Рюгена. Тем самым указания Нестора согласны со свидетельствами Герборда и Эббона...»^[100].

Подобное расположение русов подтверждает и немецкий историк Рагевин (ум. 1177 г.): «А Польша, в которой живут одни славяне, на западе имеет границу по реке Одру, на востоке — Вислу, на севере — русин и Скифское (т. е. Балтийское) море, на юге Богемские леса»^[101].

Испанский путешественник, побывавший на территории балтийских славян в 965—966 гг. писал: «И граничит с Мшкой (т. е. со страной Мешка I, польского князя до 992 г.— Я.Г.) на востоке русы и на севере бусы (т. е. прусы). Жилища бусов у окружающего моря... И производят на них набеги русы на кораблях с запада. И на запад от русов племя из славян. Оно живет в болотистых местах страны Мшки к северо-западу»^[102]. Так что идентификация киевских русов и русов

Прибалтики была традиционной как в западных источниках, так и восточных. Похоже, что русы и есть остаточное кельтское население Прибалтики, занимавшее среди славянских племен (которые тоже хорошо были знакомы с кельтской культурой не один век) главенствующее положение, основавшие на всем пути «из варяг в греки» и «из варяг в арабы» свои торговые колонии. Возможен и другой вариант — русы были изначально славянами, издавна входившими в конгломерат кельтской цивилизации, расселившимися в ее расцвет в разных частях Европы, оставив в топонимике ее следы своего пребывания. Не эту ли «всю русь» привел Рюрик с собой.

Между регионом поселения ободритов и нижним течением Одера проживали велеты — лютичи. Начало их расселения приходится на V век. На рубеже VI—VII веков, здесь появляется новое славянское население с культурными традициями, которые отличаются от традиций суковско-дзедзицких древностей. Культура славян второй волны миграции названа фельдбергской по названию города Фельдберг, рядом с которым было раскопано городище. Эти племена заметно отличались по своей культуре от аборигенов. Селились они в укрепленных градах, где в среднем проживало от 600 до 1000 человек^[103].

Согласно Франкским анналам, которые цитировались выше, велеты с самого начала их появления в этом регионе враждовали с ободритами. В последней четверти VIII века велеты подчинились Карлу Великому, а в начале IX века произошло усиление власти велетского князя. Источники характеризуют велетов как самое воинственное племя среди славян, ведущее упорную борьбу против немецкого владычества и насаждения христианства^[104]. Повторим, что слово «велет» (волот) означало по-старославянски —

«великан», «богатырь». То же значение это слово имеет и в литовском языке.

В областях польского Поморья поселились поморяне, так стали здесь именоваться славяне — носители суковско-дзедзицкой археологической культуры. На востоке они соседствовали с пруссами. «В Польском Поморье интересным протогородом, переросшим в раннесредневековый город, был Волин. В VIII — первой половине IX в. это было неукрепленное торгово-ремесленное поселение, основанное на острове при р. Дзивне, центр волинян, входивших в племенное образование поморян. Во второй половине IX в. были сооружены оборонительные валы, и поселение получило регулярную застройку»^[105]. Похоже, что эти оборонительные сооружения были возведены для защиты от викингов, которые как раз в этот период активизируют свои наступления на торговые города славян, британцев и франков.

Именно в середине IX века, то есть во времена Рюрика, балтийские славяне укрепляют большинство своих городов, что свидетельствует о нарастающей опасности с запада. Адам Бременский в своей знаменитой «Хронике архиепископов Гамбургской церкви», написанной около 1075 года, рассказывает о средневековом Волине: «Знаменитый город Юмна (Волин) — отличный порт, посещаемый греками (возможно подразумеваются русские) и варварами, живущими вокруг... Это величайший из городов Европы. Населяют его славяне вместе с другими народами греками и варварами. Даже саксы, приезжающие туда, получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. Что касается нравов и гостеприимства, то не найти людей честнее и радушнее. В этом городе, полном товарами всех народов, есть все, чего ни спросишь дорогого и редкого»^[106]. Описание

Волина, который назван «величайшим городом Европы», как нельзя лучше воссоздает атмосферу типичного славянского портового города, которых уже с VII века было немало как на Балтике, так и на восточнославянских землях. Интересно, что по данным археологии, около Волина сосредоточена примерно третья часть всех кладов Поморья^[107]. В большинстве своем они состоят из арабского серебра. Эти клады наиболее яркий пример торгового сотрудничества балтийских славян с племенами Древней Руси, которые являлись главными поставщиками арабского серебра на запад Европы.

Адам Бременский описывает и торговые пути славян, ведущие из Волина. «Из него кратковременным плаванием (на гребном судне...) сообщаются с одной стороны с Дымином (теперь Demmin), городом, лежащим недалеко от устья реки Пены, где живут и Руяне; с другой — с областью Семландиею, принадлежащею пруссам. Расстояние такое, что от Гамбурга или от реки Эльбы, на седьмой день достигнешь до Юмна (Волина. — С.Ц.), путешествуя сухим путем; чтобы ехать морем, надобно сесть на корабль в Шлезвиге или Альдинбурге (Старграде вагров), и также можно прибыть к Юмне. Из Юмне же, пустившись на парусах, на четырнадцатый день... выйдешь на берег в Острограде, на Русской земле... где столица Киев, соперница Константинопольского скипетра, краса и слава Греции»^[108].

Остроград (возможно, «Восточный город» в переводе) — это одно из названий средневекового Новгорода в западноевропейской традиции. Конечно же, говоря здесь о Греции, Адам Бременский имел в виду православную, как и Византия, Русь. Этот текст показывает, каким богатым и процветающим был во времена Адама Бременского Киев, что даже соперничал с Константинополем. Этот текст подтверждает также

торговые связи балтийских славян и русов. Интересно, что немецкое название Старгарда — Альдинбург (в переводе с немецкого тоже Старый город) очень напоминает скандинавское название русского города Ладоги — Альдегьюборг. Вполне возможно, что здесь есть какая-то связь, если согласиться с идентификацией вагры-варяги. А эта идентификация наиболее логична, чем все остальные гипотезы, особенно скандинавская. Балтийские славяне, основным занятием которых была международная торговля, развивая ее, были вынуждены устанавливать контроль над речными путями по Днепру и по Волге.

Напротив Волина на самом материке, на берегу Одера находился город Щецин (Щетин, Щтетин) или Штецин. «Он так же процветал торговлею и бесспорно находился в постоянном сообщении с Большом. По-видимому, Щетин имел другое значение, нежели Волин. Волин был чисто торговый город, а Щетин имел также значение племенное и государственное. Щетин был старший город на Поморье, мать и глава всех городов поморских. Ему отдавали почет и те города, которые могли бы с ним соперничать торговлею и могуществом»^[109].

По свидетельству Эбона: «Щетинцы глава всего Поморского народа, многочисленнее и сильнее прочих городов; Волин всегда будет следовать их примеру и решению»^[110]. «Самый город был тогда больше Волина, он казался современникам отличным и огромным, заключал в своей окружности 3 холма и около 1120 года имел, по исчислению, 900 отцов семейства; женщины, челядь и люди бесхозяйственные не считались»^[111].

В Поморье находилось два племенных княжения — одно с центром в Щецине, другое — в Гданьске. Раннесредневековое селение в первом было основано в VIII веке. В первой половине IX века это уже был укрепленный город с подгородьем, где

концентрировались торгово-ремесленные постройки со своими обитателями. В XI—XII веке город разросся, и его население достигало 10 000 человек^[112].

О священных зданиях поморян пишет Герборд: «В городе Штетине находилось четыре здания, называемые континами, — пишет он. — Одна из них, главнейшая, была построена с удивительной отделкой и искусством: внутри и снаружи, по стенам ее находились резные выдающиеся изображения людей, птиц и зверей, представленные столь естественно и верно, что, казалось, они дышат и живут; но что редко встречается, краски наружных изображений отличались особой прочностью: ни снег, ни дождь не могли потемнить или смыть их; таково было искусство живописцев! В это здание, по старому обычаю предков, приносилась законом определенная десятина награбленных богатств, оружие врагов (совершенно кельтский обычай. — С.Ц.) и всякой добычи, приобретенной в морских или сухопутных боях; здесь сберегались золотые и серебряные сосуды и чаши, которые в праздничные дни выносились как будто из святилища, и знатные и сильные люди гадали, пировали и пили из них. В честь и украшение богов, в главной контине сохранялись также огромные рога туров, украшенные позолотой и драгоценными камнями и пригодные для питья, рога, приспособленные к музыке, кинжалы, ножи и всякая драгоценная утварь, редкая и прекрасная на вид. Три другие контины менее уважались и менее были украшены; внутри их кругом расставлены были скамьи и столы, потому что тут происходили совещания и сходки граждан: в определенные дни и часы они собирались затем, чтобы пить, играть или рассуждать о своих делах. В городе Гостькове находился храм, отличавшийся, по словам Эбона и Герборда, своей величиной, искусной отделкой и великолепием. На постройку его жители

истратили триста талантов и гордились им, так как он составлял замечательное украшение города»^[113].

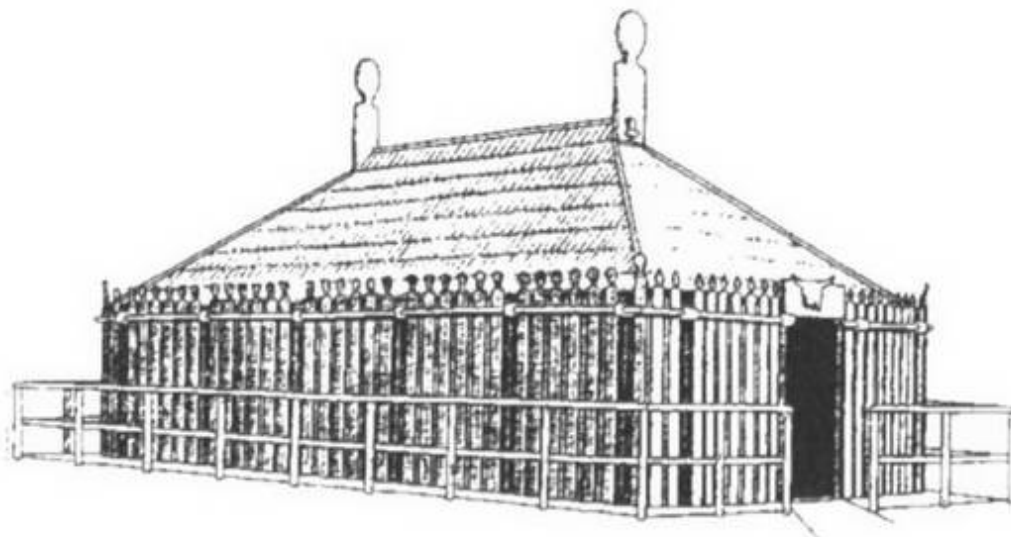

Рис. 24. Реконструкция святилища по раскопкам в Гросс-Радене (по Э. Шульдту)

Описание контин, где происходили сходки горожан и, видимо, заключались торговые сделки, очень похоже на описание большого дома русов, сделанное Ибн Фадланом, что свидетельствует об общих архитектурных традициях балтийских славян и русов, описание которого мы приведем ниже. Подобный «большой дом» был обнаружен археологами и в Старой Ладоге. Он интерпретируется как культовое сооружение (языческий храм), имеющий общие черты с храмом в Гросс-Радене^[114] (рис. 24). Можно привести еще очень много примеров, свидетельствующих о величине, богатстве, процветании городов балтийских славян, видимо не имевших в те времена равных в Европе, судя по восхищенным отзывам далеко не симпатизирующим славянам современников, здесь важно отметить, что все это возникло и процветало благодаря международной торговле славян, успеху которой, безусловно, завидовали их соседи, торговле, которая на самом деле имела на берегах Балтики очень древние корни.

Прекрасный анализ торгово-военной деятельности балтийских славян сделал В. В. Фомин: «Я. П. Зинчук отмечает, что "характерной особенностью в развитии экономики Поморья было раннее и интенсивное развитие городов", что объяснялось их расположением на торговых путях. И эти торговые города — Старград у вагров, Рерик у ободритов, Дымин, Узноим, Велегощ, Гостьков у лютичей, Волин, Штетин, Камина, Клодно, Колобрег, Белград у поморян — были очень обширны, многочисленны и хорошо устроены как в хозяйственном, так и в военном отношении. Исходя из того, что главный город ободритов Рарог немцы именовали Микилинбургом (Великим городом), а Волин, по оценке Адама Бременского и Гельмольда, "был самый большой город из всех имевшихся в Европе городов", напрашивается вывод, что таких городов немцы не знали и впервые увидели лишь в землях балтийских

славян. Когда датчане захватили в 1168 г. на Руяне Кореницу, то они были поражены видом трехэтажных зданий. Балтийские славяне являли собой одновременный тип торговца и разбойника, причем в том и в другом качестве добившись больших успехов. Они разбойничали на море, имели постоянные крепости для убежища даже на берегах Южной Швеции. Особенно Вагрия и Руяна славились своими дерзкими и неукротимыми пиратами. Лютичи, говорит Гильфердинг, любили дальние плавания и не раз ходили в Англию уже в VIII в., плавали они туда и в XI столетии.

Именно в среде балтийских славян зародился особый тип купца-воина, хорошо известный и на Руси. Именно в этом регионе занятие торговлей было одним из самых престижных занятий, в отличие от германской средневековой Европы. Именно здесь торговля получала статус основы государственной политики и имела высокий сакральный смысл.

Широкомасштабные действия балтийских славян на море могли быть обеспечены только наличием мощного флота, призванного также защищать побережье. Этот многочисленный флот состоял из больших и малых кораблей, вмещавших значительное количество товаров, пеших и конных людей. Славяне были самым мореходным народом на Балтике, были первыми в морском деле и в морских сражениях.

По оценке И.А.Лебедева, "славяне властвовали на море безраздельно и были передовым народом в мореплавании. Они отличались искусством в построении судов. Первые большие корабли, которые могли вмещать лошадей, были построены ими". Отсюда и важное новшество, введенное славянами в военно-морских операциях: погружая на корабли коней и посредством их совершая быстрые вторжения вглубь территории противника (этот способ был, затем перенят у них датчанами)»^[115].

Именно благодаря подобной тактике, перенятой у славян, Англия была покорена Вильгельмом Завоевателем. Необходимо отметить, что по данным средневековых хронистов языческие жрецы балтийских славян также занимались торговлей, на что указывает и Гильфердинг. Что касается визитов в Англию, то мне довелось побывать в графстве Вилтшир, названного, вполне возможно, по предположению Гильфердинга, именем велетов. Интересно, что расположенный здесь знаменитый мегалитический памятник раннего бронзового века Стоунхендж Годефрид Монмутский называет «Кольцом великанов». Стоит вспомнить, что слово «велет» у славян обозначает как раз великана.

Поэтому вполне логично, что именно балтийские славяне, основное занятие которых была международная торговля, двигались вдоль основных тогда торговых путей «из варяг в греки» и Великого волжского пути, основывая свои торговые города.

Продвижение торговых путей балтийских славян все дальше на восток и юго-восток, требовало создания новых торговых пунктов, которые, с одной стороны, обслуживали бы суда, приходящие с Балтики, с другой стороны собирали бы у местного аборигенного населения Северо-Восточной Европы столь необходимые для торговли меха.

a)

б)

в)

г)

Рис. 25. а, б — изображения языческих божеств; в — изображение мирового дерева; г — изображение голов (Чехия)

Все это помогало созданию различных поселенческих структур, ориентированных на судоремонтные работы, производства ремесленных изделий, необходимых для обмена, создания и функционирования системы волоков. И они активно создавались на северо-западе Древней Руси. То, что балтийские славяне присутствовали на северорусских землях у исследователей не вызывает сомнений — с данными археологии спорить трудно. Но где же тогда логика в призвании скандинавов? Зачем славянским племенам севера Восточной Европы, которые происхождением своим имеют Южную Балтику и сохраняют с ней постоянные торговые связи призывать на правление чужаков? Где же логика?

Здесь важно отметить, что у балтийских (полабских) славян, по словам А.А.Горского «в раннее средневековые племенная знать не просто существовала, но играла ведущую роль в обществе». В качестве общественной верхушки полабских славян выступают князь и племенная знать^[116]. Не последнюю роль играла и княжеская дружина.

Говоря о миграционных потоках балтийских славян, В.В. Фомин пишет: «Колонизационный поток с южного побережья Балтики на восток, вобравший в себя как славянские, так и неславянские народы (в частности, фризов), как собственно варягов, так и выходцев из балтийских Русий (отсюда, пояснял А.Г. Кузьмин, "двойное наименование переселенцев — варяги-русь"), двинулся под давлением Франкской империи в конце VIII в. (о первых попытках проникновения славян Южной Балтики в район Северо-Западной Руси говорит уникальная каменно-земляная крепость в устье Любши,

в 2 км севернее Старой Ладogi, возведение которой археологи связывают с появлением здесь в конце VII — первой половине VIII в. нового населения).

Этот поток захватил собой Скандинавский полуостров (так, фельдбергская керамика известна в большом количестве вплоть до Средней Швеции, а в X в. она преобладает в Бирке) и вовлек в свою орбиту какую-то часть его жителей, что дополнительно объясняет неславянский налет на варяго-русских древностях. Вторая волна миграции южно-балтийских славян по Волго-Балтийскому пути датируется археологическим материалом серединой IX в. Беря во внимание заключение специалистов, отметивших появление керамики южнобалтийского типа и южнобалтийских славян в ряде центров Северо-Западной Руси в X в., надлежит вести речь еще о нескольких волнах их переселения на данную территорию. В целом, как констатировал в 2007 г. академик В.Л.Янин, "наши пращуры" призвали Рюрика из пределов Южной Балтики, "откуда многие из них и сами были родом. Можно сказать, они обратились за помощью к дальним родственникам"»^[117]. Таким образом, можно констатировать, что вторая волна миграции балтийских славян на Северную Русь прилась как раз на времена Рюрика, что лишний раз свидетельствует о его южнобалтийском происхождении.

Обобщая данные археологии, этнолингвистики и этнографии В. Л. Янин пишет: «Комплекс археологических свидетельств (особенности керамики, домостроительства, оборонительных сооружений), топонимики и ономастики, ориентации денежно-весовой системы Северо-Запада в сочетании с лингвистическими наблюдениями указывают на то, что исходные импульсы передвижения славянских племен на наш угро-финский север находились на территории славянской южной

Балтики. Отсюда предки будущих новгородцев и псковичей были потеснены немцами»^[118].

На расселение балтийских славян на севере Руси немалую роль сыграло то, что скорее всего путь по р. Неве и далее вниз по Волхову возник гораздо позже Днепро-Двинского пути, поскольку сама р. Нева возникла не ранее V—VI веков, а возможно и еще позже. Судоходство же по ней началось, видимо, не ранее VII века. Возникновение р. Невы связано с достаточно постоянным геологическим процессом, происходящим и сегодня — а именно с поднятием Балтийского кристаллического щита, граница которого на юге охватывает север Ладожского озера и пересекает Карельский перешеек по линии Выборг—Приозерск. Именно по этой линии ранее существовала связь Финского залива с Ладожским озером. Необходимо подчеркнуть, что в это время уровень озера был одинаковым с уровнем Балтийского моря. Вуоксинская система озер и рек — остаток существовавшего прежде (на рубеже эр) пролива. В результате поднятия Балтийского щита эта связь была прервана и на какое-то непродолжительное время (несколько десятков лет) Ладожское озеро потеряло связь с Финским заливом. Однако благодаря повышению уровня озера возникла дельта прорыва в районе современной Петрокрепости, и вода хлынула, используя дельту реки Тосно и ее русло в сторону Финского залива. Так возникла река Нева, что в переводе с кельтского означает — «новая». Поэтому славяне и русы начали заселение нижнего По-волховья гораздо позже, чем Псковщину, не раньше VII века. Интересно, что в Повести временных лет ни о какой реке Неве не говорится — озеро Нево (так тогда называли Ладожское озеро) соединено с Варяжским морем неким «устьем». Вполне возможно, что в это время русло Невы еще не обрело современной формы, и было гораздо шире и воспринималось как часть Ладожского озера.

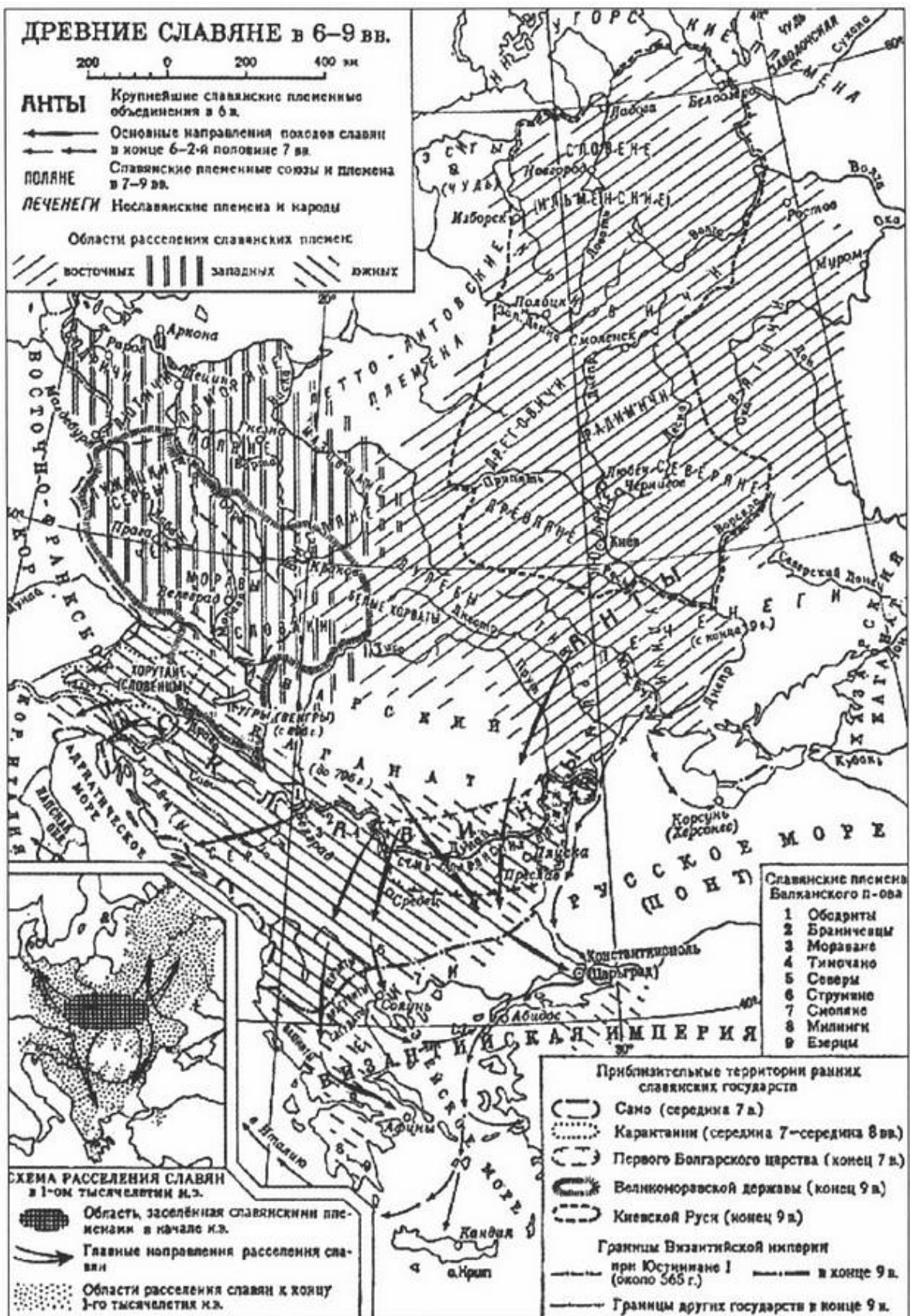
Этот отрезок пути — самый молодой, если не предположить, что могли существовать поселения на древнем берегу южной Ладоги, то есть на дне современного Ладожского озера, сегодняшний уровень которого более чем на четыре метра превышает уровень Финского залива. Возможно, имеет смысл провести археологические исследования в районе шельфа юга Ладожского озера. Может быть, мы найдем свою «славянскую Трою» на его дне^[119]?

Сегодняшние данные археологии, лингвистики, этнографии неопровержимо свидетельствуют о том, что именно балтийские славяне колонизовали северо-запад Руси и основали на этой территории торгово-ремесленные поселения, заложившие основу будущих городов Древней Руси.

Глава 3. Балтийские славяне — основатели древнерусского государства

Повесть временных лет дает версию происхождения славян, как это было в средневековой христианской традиции от одного из сыновей Ноя, Иафета:

«В уделе же Иафета находятся русь, чудь и все (чудские) племена: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, емь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, либь (ливы). Ляхи же и пруссы живут у моря Варяжского. По этому морю селятся варяги: отсюда к востоку — до предела Симова, и по тому же морю к западу — до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, нортманны (норвежцы), готы, русь, англ, галичане, волохи, римляне, немцы, кор-лязи, венецианцы, генуэзцы, и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым»^[120] (рис. 26).

Эти сведения чрезвычайно интересны. Во-первых, в перечислении племен Северной Европы, на первый взгляд, отсутствуют балтийские славяне, зато присутствуют варяги. Летописец, хорошо зная, кто они такие, не привел названий племен балтийских славян, но очень четко ограничил их истинные границы расселения. Отдельно он назвал только ляхов (поляков). Во-вторых, если варяги, так же, как и русь, скандинавы, то почему отдельно перечисляются племена скандинавские: шведы, нортманны и готы? Казалось бы, летописец забыл датчан, но зато привел англов, которые как раз и жили на Ютландском полуострове до переселения в Британию, а сами даны жили тогда в Южной Швеции. При этом варяги перечисляются отдельно среди других народов и в качестве отдельного народа. Не идет ли речь в данном случае об одном из самых могущественных племен балтийских славян — о вагах? Тогда прав А. Г. Кузьмин, считающий, что именно это племя дало название варягам. Тем более что ниже летописец перечисляет лютичей и поморян, также относящихся к самым крупным племенам балтийских славян. Так что все правильно — он назвал три самых крупных южнобалтийских племени: вагров-варягов, лютичей и поморян. Если летописец, да и многие другие средневековые источники отделяют скандинавов от варягов и русов, почему же сегодняшние норманисты упорно продолжают считать варягов и Рюрика с братьями — скандинавами? Отдельно летописец обозначил и племя русь.

Далее Повесть временных лет дает еще более интересную и загадочную на первый взгляд информацию о славянах:

«После же разрушения столпа (речь идет о Вавилонской башне. — С.Ц.) и разделения языков сыновья Сима получили восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же — получили запад и северные страны. От этих же 70 и 2 языков произошел и народ славянский, от племени Иафета, норики — это и есть славяне»^[121].

Норики, кто они такие? Летописец этой неожиданной фразой как бы указывает от кого произошли славяне — от норики, более того, сами норики и есть славяне. И такое племя действительно существовало в районе Верхнего Дуная, между верхним течением Дравы и Дунаем (частично эта страна Норик располагалась на территории нынешней Австрии, а другой частью в северных районах бывшей Югославии. Норики хорошо известны по античным источникам, и это племя было, скорее всего, кельтским или венедским. Необходимо отметить, что античные источники, говоря о венетах и кельтах, подчеркивали общность их обычаев. Здесь же проживали и руги, которых многие исследователи (А. Г. Кузьмин и В. В. Фомин, А. В. Назаренко) считают однозначно руса-ми. Кстати сказать, многие западноевропейские источники называют ругами именно русов, так называли французы жену их короля Анну, дочь Ярослава Мудрого.

Йожко Шавли, как и многие другие исследователи, считает, что норики «были выходцами из народа венетов и состояли в родстве с другими венетскими народностями», что подтверждает «и то обстоятельство, что всеми ими почиталось одно и то же божество — бог солнца Белин (Велен, Веленус), которого отождествляли с Аполлоном; он был общим для всех»^[122]. Интересно, что у балтийских славян был бог по имени Белобог. Так что указание летописца на норики далеко не случайно и может указывать на вполне реальные факты происхождения славян от кельтов — венедов. Оба

народа не сильно отличались друг от друга, если не были единым. Скорее всего, близкие друг другу кельты и венеда Норики пошли в дальнейшем своим путем исторического развития и последние стали родоначальниками славянских племен. В том числе и на южном побережье Балтики.

Далее летописец дает картину расселения славян:

«Много времени спустя расселились славяне по Дунаю, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по всей земле и прозвались своими именами, где кто на каком месте поселился. Так, одни, придя, поселились по реке именем Морава и прозвались моравами, а другие назвались чехами. И еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских и поселились среди них, притесняя их, эти славяне перешли и поселились на Висле. И прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, а другие ляхи — лютичи, иные — мазовшане, иные — поморяне. Так же и эти славяне пришли и поселились по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, поскольку селились в лесах, а еще другие поселились между Припятью и Двиной и назвались дреговичами, иные расселились по Двине и прозвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и называется Полотой. Те же славяне, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своим именем — словенами (славянами) и построили город, и назвали его Новгородом. А другие расселились по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, и грамота его прозвалась "славянской"»^[123] (рис. 27).

Интересно, что летописец утверждает: живущие на Дунае славяне (может быть, речь идет о нориках?) были вытеснены в Повисленье кельтами-волохами, откуда, судя по всему, и расселились по южным берегам Балтийского моря, дав начало многим племенам

балтийских славян: лютичам и поморянам. Летописец обоснованно считает их родственниками ляхов (поляков). Археологическим подтверждением этому служит наличие кельтско-славянской пшеворской культуры в регионе Повисленья. Именно эта культура и стала базовой для многих славянских племен (рис. 28).

Вполне логично, что летописец не называет здесь вагров — они были описаны ранее под именем варягов. Дальше летописец не зря описывает водные торговые пути — путь «из варяг в греки» и Великий волжский путь, которые играли важнейшую, если не определяющую роль в развитии Древней Руси. Именно этим путем двигались балтийские славяне, основывая свои торговые поселения. Интересно также, что летописец назвал в этом отрезке единственный город — именно Новгород.

«Поляне же жили обособленно по горам этим. Тут был путь "из Варяг в Греки" и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловати, а по Ловати войдешь в Ильмень, озеро великое; а из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево (так тогда называли Ладожское озеро. — С.Ц.), и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно пройти до Рима и можно пройти по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно пройти в Понтморе, в которое впадает Днепр-река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, а идет на север и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью рукавами в море Хвалисское. Так и из Руси можно идти по Волге в Болгары и в Хвалиссы, а дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю Варягов, а от Варягов до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, по нему учил, как сказано, апостол Андрей, брат Петра»^[124].

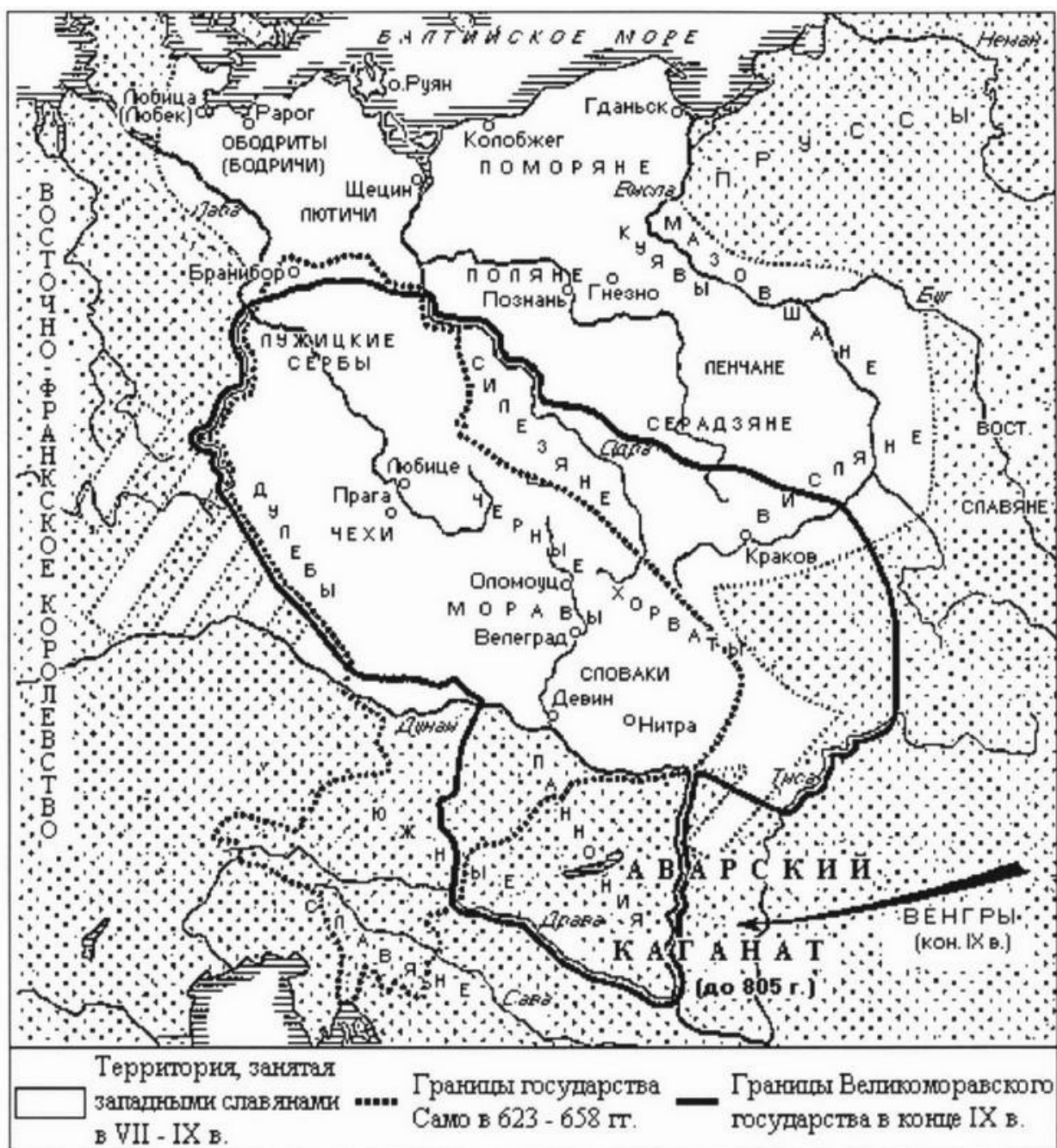

Рис. 27. Западные славяне в VI—IX вв.

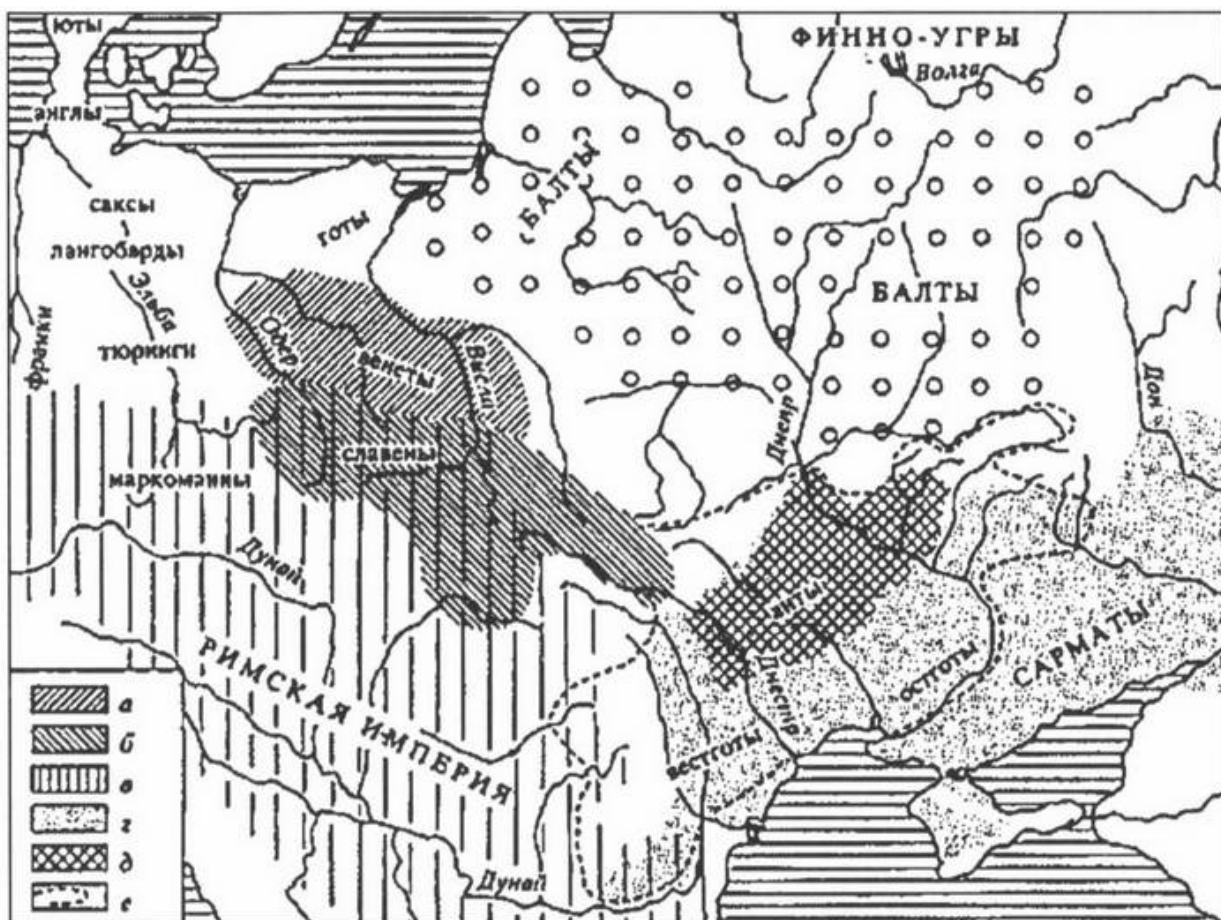

Рис. 28. Славяне в римское время. а — ареал северного варианта пшеворской культуры; б — южного варианта пшеворской культуры, сформировавшегося при участии кельтского субстрата; в — территория расселения кельтов в эпоху латена; г — территории расселения сарматских племен и поздне-скифских культур до расселения в Северном Причерноморье славян и готов; д — подольско-днепровский вариант Черняховской культуры; е — общая граница ареала Черняховской культуры (по: Седов В. В. Этногенез ранних славян)

Посмотрите, как точно обозначил летописец стратегическое значение Руси и ее своеобразное срединное положение, позволяющее попадать и в Средиземноморье, и в Западную Европу и в арабские

страны, т. е. и в пределы Сима и в пределы Хама. То, что летописец признал столь важным описать торговые пути, говорит о том, что он понимал, как значимы они для Руси, где международная торговля, следуя традиционным занятием балтийских славян, занимала доминирующее положение и среди занятий ее населения. Необходимо отметить: славяне-кривичи, одни из первых среди славянских племен, двинувшихся на восток, в первую очередь, понимая стратегическое значение Оковского леса, заселили эту территорию, контролируя тем самым все водные артерии, соединяющие север Древней Руси и через нее Западную Европу с Византией и Арабским Востоком (рис. 29).

Далее летописец акцентирует свое внимание опять на полянах и описывает возникновение Киева. Мы опустим летописное путешествие апостола Андрея Первозванного путем «из варяг в греки», но отметим, что Киева еще не было и он только предсказал его великое будущее, зато побывал в Новгороде, где восхитился славянским обычаем мыться в парной бане с вениками.

«Поляне же жили обособленно и владели своими родами, ибо и до той братии (имеется в виду Кий, Щек и Хорив, о которых речь пойдет ниже. — С.Ц.) были уже полянами и жили они родами на своих местах, владея каждый своим родом»^[125].

Летописец не зря обособляет полян, показывая, что они раньше других славянских племен появились в Среднем Поднепровье, что подтверждают и археологические данные. Описание основания Киева мы тоже пока пропускаем — об этом городе речь пойдет дальше.

«И по смерти братьев (имеется в виду Кий, Щек и Хорив. — С.Ц.) потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое, а другое на речке

Полоте, где полочане. От них же произошли кривичи, расселившиеся в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город Смоленск. Там и поселились кривичи. От них же происходят и северяне»^[126] (рис. 30).

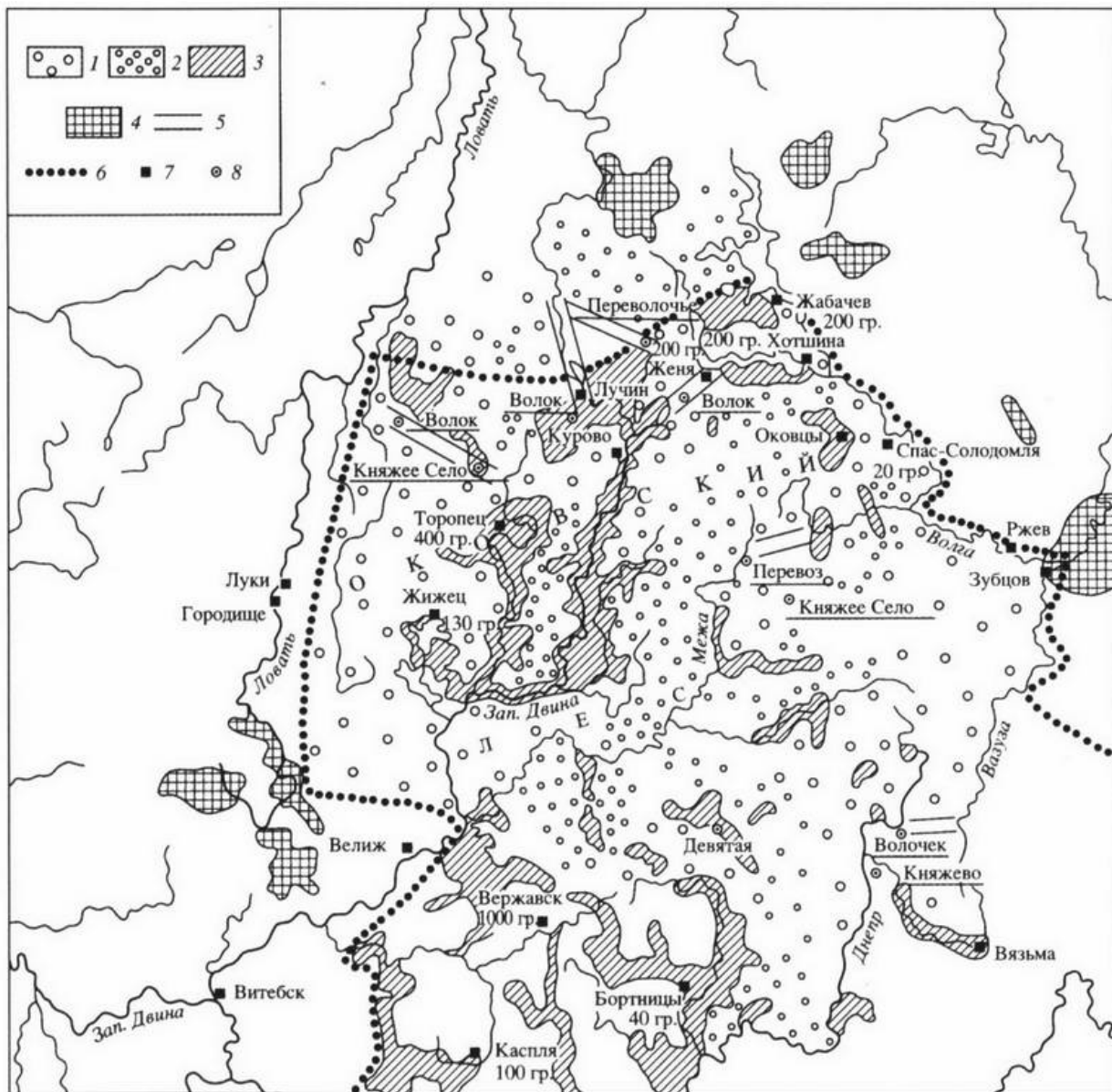

Рис. 29. Карта летописного Оковского леса. Условные обозначения: 1 — реконструируемая часть Оковского леса; 2 — рудименты Оковского леса, сохранившиеся в XIX в.; 3 — скопления поселений

Смоленской земли (по распространению курганов); 4 — скопления несмоленских поселений (по распространению курганов); 5 — реконструкция волоков; 6 — граница Смоленской земли (по А.Н. Насонову); 7 — феодальные центры Смоленской земли, возле которых есть остатки городищ; 8 — современные топонимы Смоленской земли

Посмотрите, какое особое внимание летописец уделяет кривичам и не случайно, поскольку они проживали у истоков главных рек, по которым шли торговые пути — Западной Двины, Днепра и Волги и контролировали все волоки, соединяющие эти реки. Поэтому вполне закономерно, что это племя фигурирует и среди других пяти племен, призвавших Рюрика. Без их участия в союзе заниматься международной торговлей на севере Восточной Европы было бы практически невозможно. Он говорит также, что Смоленск принадлежит кривичам. Вполне возможно, что название этого города связано с племенем смолинцы, названные Баварским географом (IX в.) среди полабских славян. Они проживали близ устья Эльбы^[127]. Так что не исключено, что Смоленск основали именно выходцы с берегов Южной Балтики. На это указывает и то, что летописец производит кривичей от полочан — а Полоцкая земля — самая западная часть их расселения. Может быть, таким образом показан путь миграции кривичей? Интересно также, что летописец обозначает и пять центров княжеской власти, имеющих у пяти главных славянских племен Восточной Европы: у полян, древлян, дреговичей, словен и полочан-кривичей. Он показывает также, что первые кривичи появились на р. Полоте, то есть, что их первоначальная миграция шла через Западную Двину.

«А на Бел-озере живет весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине-озере также меря. А по Оке-реке, у

впадения в Волгу, — мурома со своим языком, и черемисы со своим языком, и мордва со своим языком. Вот лишь кто славяне на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полонане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем названные волянянами. А вот другие племена, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, емь, литва, зимигола, корсь, нарова, либь — эти имеют свои языки. Они — колено Иафета, живущие в северных странах»^[128].

Летописец четко обозначает славянские племена и угро-финские и балтские племена как данников Руси. Необходимо отметить, что до прихода Рюрика мы знаем из Повести временных лет, что пять северных племен платили дань варягам (ваграм?), а поляне и вятичи — хазарам.

«Поляне же, жившие особо (уже третий раз повторяет летописец! — С.Ц.), как мы уже говорили, были славянского рода и прозвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и прозвались древлянами. Радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были два брата — Радим и другой — Вятко; и пришли и поселились: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко поселился с родом своим на Оке, от него произошли вятичи»^[129].

Рис. 30. Расселение восточных славян по данным летописи

Очень интересный момент, на который следует обратить самое пристальное внимание. Радимичи и вятичи не зря выделены летописцем, поскольку он

считает их «от рода ляхов». Но ведь из этого же ляшского рода и поляки, и мазовшане, а также, что крайне важно — балтийские славяне, лютичи и поморяне! А ведь вятичи как раз жили на территории, как считают многие исследователи, легендарного Русского каганата, о котором речь пойдет впереди. То есть летописец хорошо знал о миграции балтийских славян на территорию Древней Руси. Не следует забывать, что радимичи имели выход на Днепр — то есть на путь из «варяг в греки», а вятичи — на Великий волжский путь. То есть колонизация Восточной Европы балтийскими славянами шла вдоль важнейших торговых речных путей. Не исключено, что именно балтийские славяне явились создателями первого государства — Русского каганата, о чем речь пойдет в дальнейшем.

Далее летопись рассказывает, как мирно существовали племена Южной Руси до прихода Рюрика. Их перечисление как бы выделяет их в особый регион, отличный от Северной Руси.

«И жили мирно поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляняне, а уличи и сиверцы селились по Днестру, примыкая к Дунаю. Было их множество: расселялись они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне, и называли их греки "Великая Скифь"»^[130].

Следует отметить, что византийцы очень часто называли русов скифами или тавроскифами, что и отразила летопись. Важно также и то, что летописец опять акцентирует внимание на том, что расселение и освоение земель славянами шло вдоль рек, а также по берегу Черного моря.

Отдельно летописец описывает и новгородцев, явно выделяя их среди славянских племен Восточной Европы:

«Те же славяне, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своим именем — словенами

(славянами), и построили город, и назвали его Новгородом»^[131].

Здесь стоит вспомнить интерпретацию названия славяне, сделанное Б. А. Рыбаковым, который считает, что славяне — это «съли» (послы) венедов. Он также обосновывает это тем, что имя славяне встречается как племенное название лишь на границах славянского мира^[132]. В полной мере это относится и к словенам ильменским. Кстати сказать, исторически граничащие со словенами ильменскими финские народы до сих пор называют русских «вене», то есть венедами, в то время как латыши и литовцы, исторические соседи кривичей, называют русских «кривс».

Расселившиеся на Восточно-Европейской равнине, славяне принадлежали четырем крупным племенным образованиям позднепраславянского периода. Северные области заселили кривичи, словене ильменские и славяне Ростово-Суздальской земли — меря, вышедшие из племенной группы, родственной суковско-дзедзицким (ляшским) славянам. В лесостепных и смежных с ними лесных землях Правобережной Украины (волыняне, поляне, древляне и дреговичи) проживали славяне пражско-корчакской группы. Южнее их локализируются хорваты, тиверцы, уличи, предками которых были анты IV—VII веков. Из антской среды вышли и славяне, осевшие в междуречье Днепра, Оки и Дона (северяне, вятичи и донские славяне)^[133].

В.В. Седов, задаваясь вопросом, «что представляли собой восточнославянские племенные образования Повести временных лет», считает, опираясь на современные данные археологии, что к этим племенам нельзя относиться однозначно. «Так, поляне, древляне, волыняне и дреговичи были территориальными новообразованиями. Они формировались в VI—IX вв. в результате территориального обособления отдельных

групп праславянского племенного образования дулебов. С другой стороны, корни кривичей, словен ильменских и руси уходят в праславянский период истории. Это были этнографические и, скорее всего, диалектные образования раннесредневекового славянства. И оказывается, что территория древнерусских земель-волостей XII в. теснейшим образом связаны не с новообразованиями, а с этнографическими группами восточного славянства, история которых уходит в праславянскую эпоху»^[134]. То есть именно выходцы из земель балтийских славян — самые древние славянские племена Восточной Европы.

Таким образом, наиболее древние племена занимали главенствующее положение и в международной торговле, с которой были хорошо знакомы и до прихода в Восточную Европу. Такова была этническая ситуация в Древней Руси еще до призвания Рюрика.

Известно также, что часть пшеворского населения, возникшая в свое время при смешении кельтов и славян во II веке до н. э. Повисленья, в связи с резким изменением климата в конце IV века мигрировало на северо-восток. Установлено также, что основные миграционные потоки шли через Мазурское поозерье, средний Неман, бассейн Нериса-Вилии, направлялись в северо-восточном направлении, вплоть до Валдайской возвышенности. Лесной массив, остатки которого сейчас представляет Беловежская пуца, обходился переселенцами^[135]. Этими первыми переселенцами и были кривичи (рис. 31).

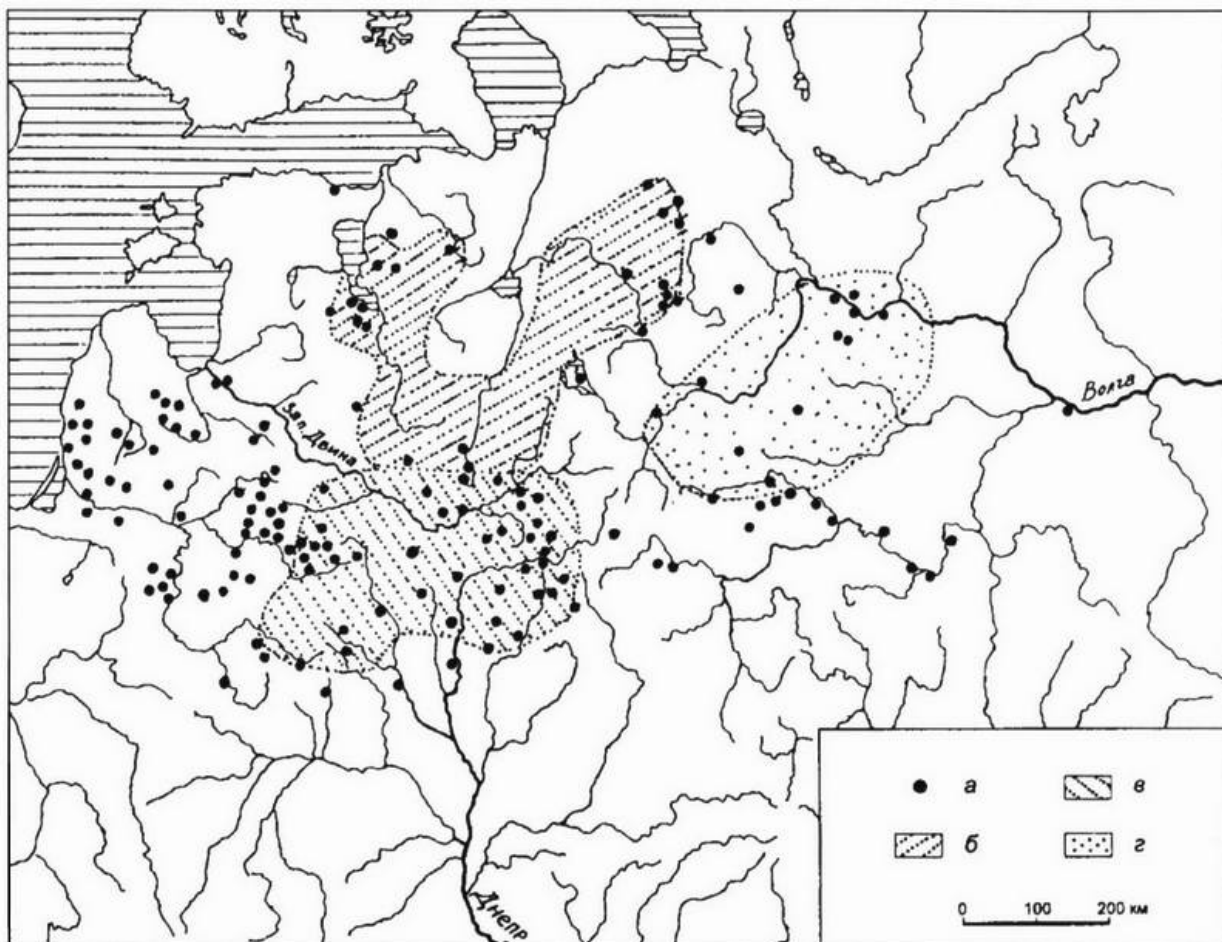

Рис. 31. Культурные новообразования в лесной зоне Восточной Европы после расселения среднеевропейского населения: а — памятники с находками среднеевропейских провинциально-римских типов; б — ареал культуры псковских длинных курганов; в — тушемлинской культуры; г — мерянской культуры (по В. В. Седову)

Участвовали в этом переселении не только славяне. Вот что пишет по этому поводу известный археолог В.В. Седов: «Предметы среднеевропейского провинциально-римского происхождения, появившиеся в период Великого переселения народов в лесных землях Восточно-Европейской равнины, не являются этническими маркерами. Поэтому следует говорить о

миграции среднеевропейского населения, поскольку население пшеворской и вельбарской культуры было разноплеменным. Однако выше было отмечено, что в Висленском регионе пшеворской культуры в римское время доминировал славянский компонент. Славянский этнический компонент был значительным и в средневисленской части вель-барской культуры (рис. 32). В процессе миграции готов к Черному морю носители пшеворских древностей Среднего Повисленья не покинули мест своего проживания и влились в среду населения вельбарской культуры. В этой связи допустимо предположение о доминировании славянского этнического компонента в составе среднеевропейского населения, осевшего в лесной полосе Восточно-Европейской равнины. Среди переселенцев были и представители иных этносов, прежде всего разноплеменные балты и германцы. Но, расселившись на одной территории со славянами, они включились в общий этногенетический процесс, который завершился становлением восточнославянского этноса и языка»^[136] (рис. 33).

На самом деле, если не принимать идеи доминирования славянского этноса среди этих переселенцев, непонятно дальнейшее развитие региона именно как славянской территории.

Нельзя забывать и о том, что главными создателями провинциально-римской культуры Центральной Европы были, в первую очередь, кельты, которых, кстати сказать, нельзя исключать из миграционного процесса в Восточную Европу, тем более что само пшеворское население несло в себе значительный кельтский культурный и этнический компонент. Не исключено, что первыми языческими жрецами восточных славян были именно друиды — волхвы. Возможно, именно кельты являлись объединяющим фактором разноплеменной общности, появившейся в этом регионе, тем более что

славянские, балтские и германские племена, участвовавшие в этом переселении, издавна входили в северо-восточный ареал кельтской цивилизации.

Запад Ленинградской области характерен неоднократными находками оружия и предметов позднееримского времени. Еще в конце XIX века, в районе озера Самро Плюско-Лужского междуречья, был обнаружен комплекс с трупосожжением и оружием, инвентарь которого дает достаточно широкий хронологический интервал с рубежа I—II до начала V века. Сам обряд трупосожжения с помещением в курган оружия вообще не характерен для местного населения этого региона и отражает появление здесь выходцев с более западных территорий и более того, эти находки приходится на период, когда на Северо-Западе России, по мнению большинства исследователей, вообще никакого населения не зафиксировано [\[137\]](#).

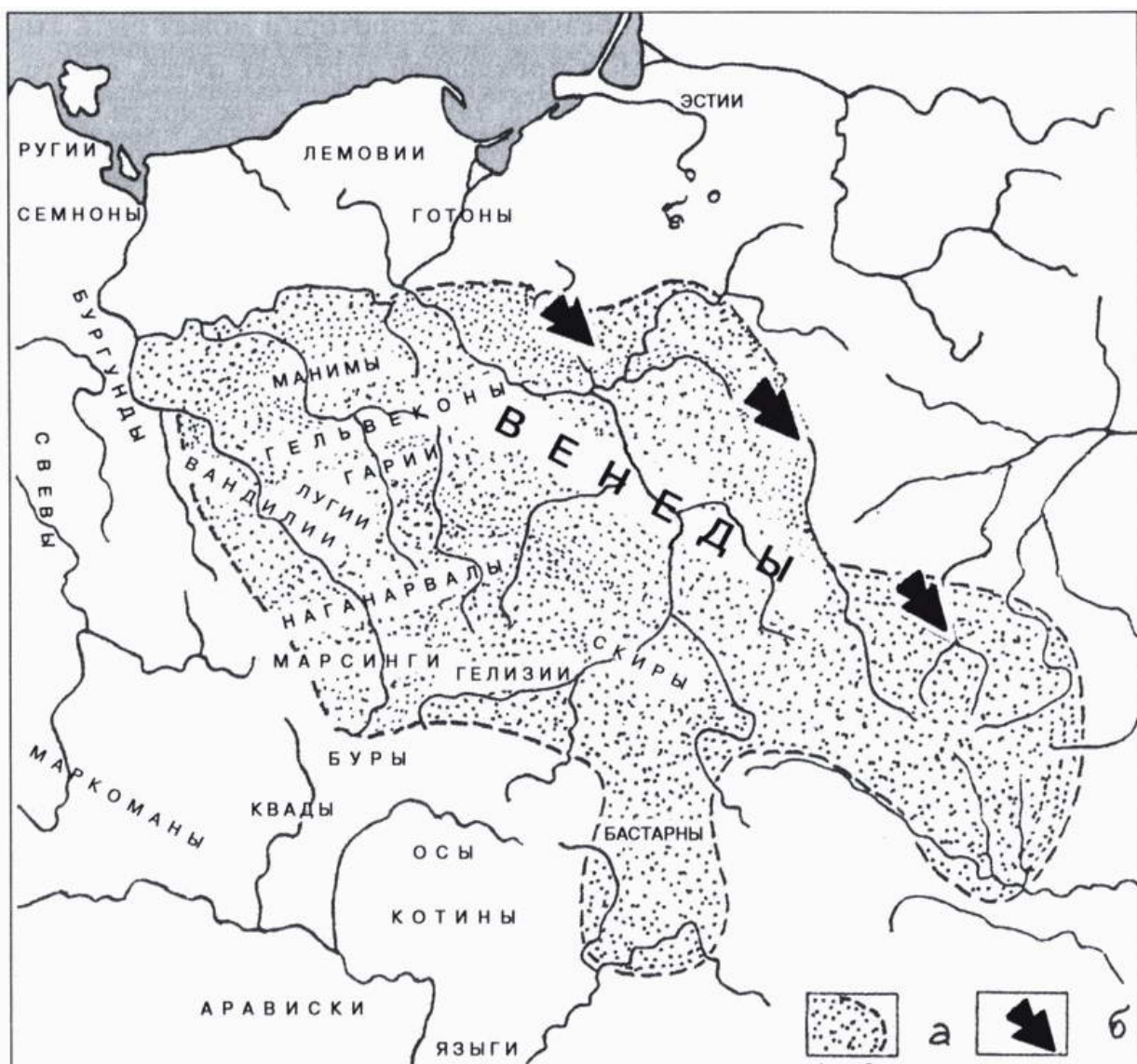

Рис. 32. Путь миграции готов а — ареал пшеворской культуры; б — путь готов

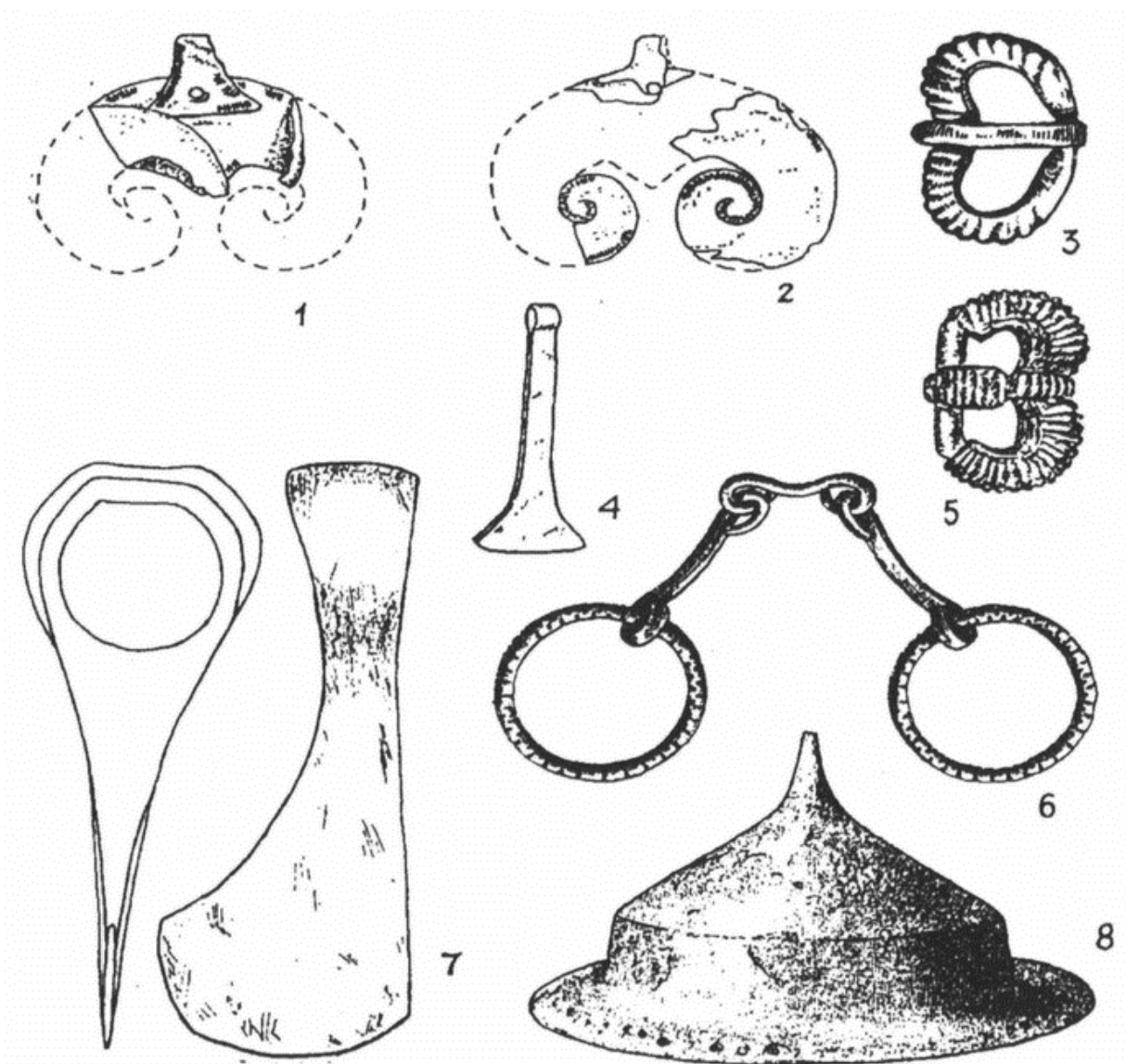

Рис. 33. Предметы среднеевропейского провинциально-римского происхождения из памятников северной части Восточно-Европейской равнины: 1, 2 — пельтовидные привески; 3, 5 — V-образные рифленые пряжки; 4 — пинцет; 6 — удила; 7 — боевой топор; 8 — умбон. 1, 2, 4, 5 — Любахин; 3 — Полибино; 6, 8 — Доложское; 7 — Чагода

М. М. Казанский считает, что этот набор оружия типично балтский и связывает его происхождение с

пришедшими на эту территорию с запада смешанными германо-балто-славянскими дружинами в последнюю четверть IV — первую четверть V века [\[138\]](#).

Появление таких дружин на безлюдной территории может быть вызвано только одним — поиском и прокладкой торговых путей, в которых были заинтересованы как славяне, так и балты, в частности, пруссы и литовцы. Ведь именно в этот период начинается подъем янтарной торговли, связанный с появлением пруссов в Янтарном крае. Видимо, появление этих дружин было эпизодическим и несло, скорее всего, разведывательные функции. Интересно, что все находки позднееримского времени приурочены к бассейну р. Луги, который и обследовался выходцами с запада на предмет поиска путей на магистральные реки России. Возможно, название этого гидронима связано с именем кельтского бога Луга.

Славяне, пришедшие в обширные области бассейнов озер Ильменя и Псковского в середине I тысячелетия, застали там коренное прибалтийско-финское население, основным занятием которого были охота и рыболовство. В результате симбиоза аборигенного населения с пришельцами зарождается и развивается в этом регионе новая культура так называемых псковских длинных курганов, которые, как говорилось выше, генетически связаны с киевской культурой. Здесь мы можем говорить о существовании двух потоков славянского населения — одного потока из Повисленья и другого — из антского Поднепровья. И движение это может быть связано не только с действиями готов и гуннов, но и с торговыми интересами.

«С конца VII — начала VIII в. в восточной части ареала псковских длинных курганов получает распространение культура сопок. Сооружение длинных курганов здесь прекращается, население культуры псковских длинных курганов вливается в состав словен ильменских. В то же

время часть населения рассматриваемой культуры переселилась в более южные земли — в Полоцкое Подвинье и Смоленское Поднепровье, где сформировалась особая культура смоленско-полоцких длинных курганов»^[139] (рис. 34-35). Следует вспомнить, что именно в конце VII века, как показывают данные археологии, был разрушен Велиград. Не исключена некая связь этого события с появлением в Приильменье и Приладожье славян, построивших свои городища на вновь освоенных территориях.

Мы сейчас не будем углубляться в особенности погребальной обрядности проживавших на этой территории племен. Тенденция расселения славян на этой территории вместе с тем показывает, что славяне селились в первую очередь вдоль водных магистралей, которые вели с одной стороны на Балтику, а с другой стороны, к Днепровскому и Волжскому пути. Вместе с тем, если появление кривичей на этой территории хорошо маркируется данными археологии, топонимики и лингвистики, то со словенскими ильменскими дело обстоит сложнее.

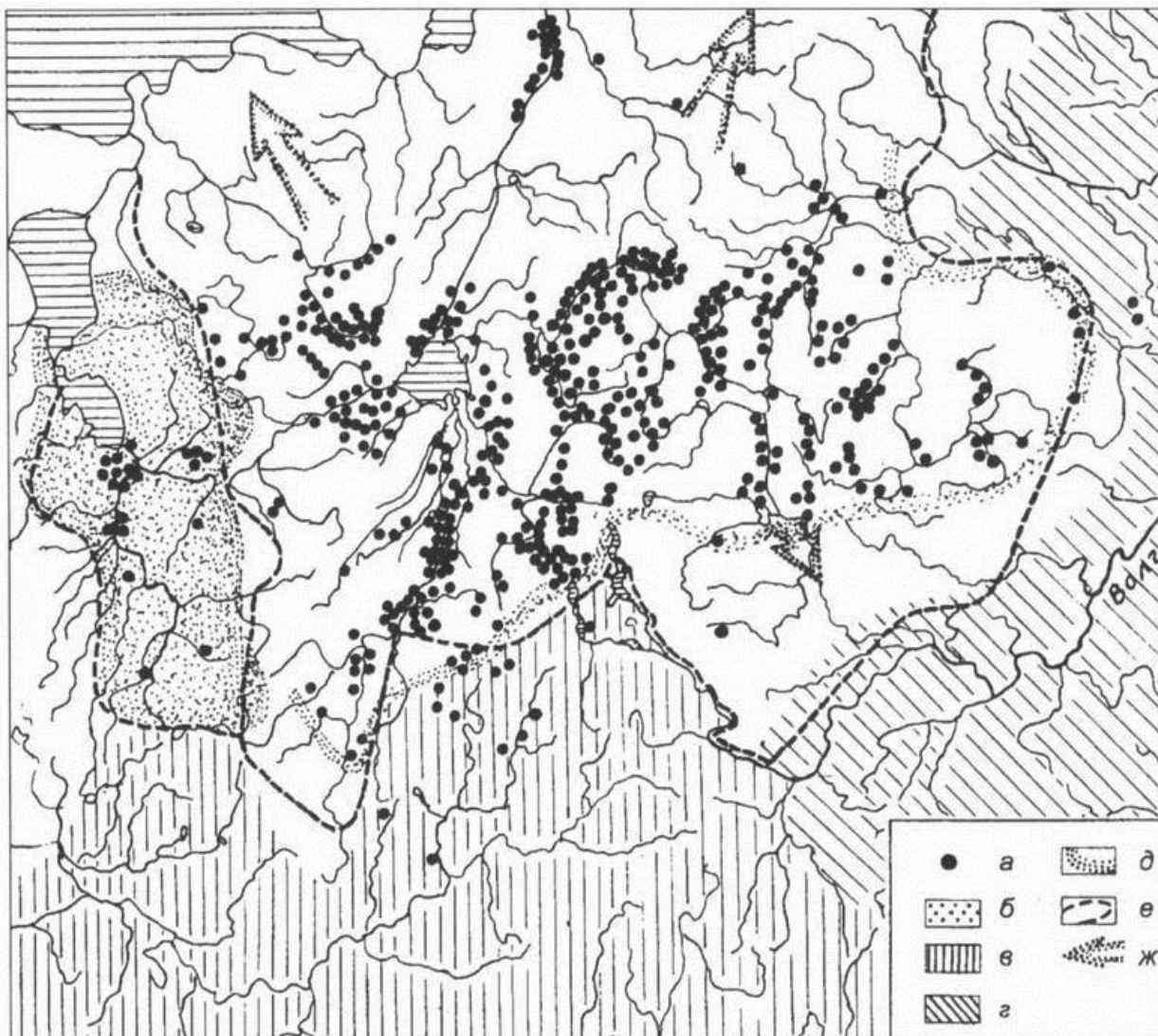

Рис. 34. Новгородская и Псковская земли:

а — могильники с сопками; б — ареал кривичей псковских; в — кривичей смоленско-полоцких; г — славян, представленных браслетообразными незавязанными височными кольцами; д — этнографическая граница словен ильменских в последних веках 1 тыс. н. э.; е — исторические границы Новгородской и Псковской земель; ж — направления расселения словен ильменских

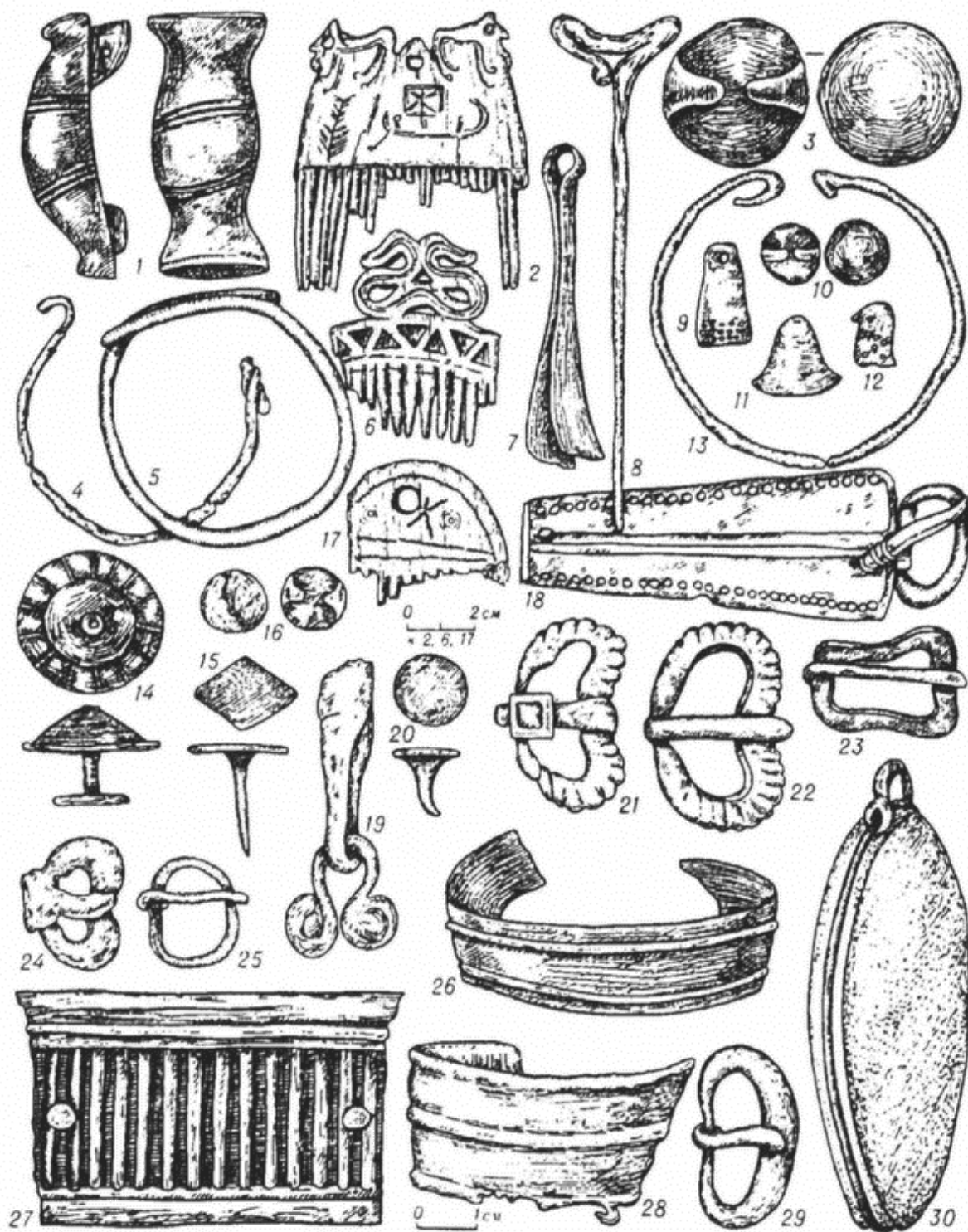

Рис. 35. Находки из памятников культуры псковских длинных курганов:

1 — равноплечная фибула; 2, 6, 17— гребни; 3, 10, 14—16, 20 — бляшки; 4, 5, 13 — височные кольца; 7 — пинцет; 8 — булавка; 9, 11, 12, 19— привески; 18, 21—25, 29 — пряжки; 26, 28 — браслеты; 27 — накладка; 30 — блоковидное кресало. 1, 3—5, 7—16, 18—29 — металл; 2,6,7 — кость; 30 — камень.

1 — Изборск; 2, 6—9, 12, 17, 19 — Псков; 3, 25, 27 — Жеребятино; 4, 13 — Казиха; 5, 28 — Городня; 10, 11 — Арнико; 14, 18 — Лезги; 15, 20, 22 — Полибино; 16 — Светлые Вешки; 21, 30 — Линдора; 23 — Северик; 24 — Липецы; 26 — Горско; 29 — Верепково

«С этим племенным образованием связывается культура сопок. Основным регионом ее является бассейн Ильменя, где сосредоточены более 70% могильников с сопками. Остальная часть их расположена в смежных областях — верховьях рек Луги и Плюссе и в бассейне Мологи. За пределами этой территории весьма немногочисленные сопки известны в бассейнах Западной Двины и р. Великой»^[140].

Необходимо отметить, что время появления этой группы населения до сих пор не доказано. Вместе с тем эта группа славян, выходцев с берегов Южной Балтики, занимала оставшиеся свободными речные магистрали (Луга, Плюсса, Волхов, Ловать и др.), а также весьма важный для выхода на Волгу бассейн Мологи. Более западные пути с Балтики были заняты кривичами, одним из племен федерации, призвавших Рюрика. Следует напомнить, что подобные курганы характерны и для балтийских славян.

«Вполне очевидно, что культура сопок никак не могла развиваться из местных древностей прибалтийско-финских племен. Создателями ее могло быть только пришлое население при пассивном участии аборигенов. Ареал культуры сопок в значительной своей

части налегает на восточные области территории псковских длинных курганов. Анализ взаимоотношений носителей этих культур показывает, что какое-то время население, оставившее длинные курганы псковского типа и культуру сопок, проживало на одной и той же территории чересполосно. Очень скоро начался процесс интеграции этих культур, в результате чего носители культуры псковских курганов оказались вовлеченными в единый этногенетический процесс и восприняли культуру сопок.

Всякие попытки выявить на археологических материалах следы серьезного прилива нового населения в Приильменье накануне становления культуры сопок оказывались неплодотворными. Более реальной представляется мысль о расселении племенной группировки славян, создавшей эту культуру, в составе большого миграционного потока среднеевропейского населения периода Великого переселения народов. На первых порах эти переселенцы проживали, по всей вероятности, островками среди носителей культуры псковских длинных курганов»^[141].

Однако многие факторы говорят о более позднем появлении культуры сопок в этом регионе и о возможно ином этническом составе носителей данной культуры. Вместе с тем, стоит обратить внимание на концентрацию сопок вдоль основных водных магистралей русского севера, выходящих, в конечном итоге, на Днепр и на Волгу. К тому же именно со словенами ильменскими связано строительство основных торговых городов северной части пути «из варяг в греки» и Великого волжского пути.

Исследовавшая этот вопрос А.А. Молчанова пишет: «В результате появления на Северо-Западе Руси нового, западнославянского, населения (или в процессе расселения, растянувшегося на несколько столетий), в VIII в. зарождается археологическая культура, которую

принято называть "культурой сопок" и отождествлять со словенскими новгородскими. С самого начала эта культура была неоднородна, что видно, прежде всего, по различиям в устройстве погребальных памятников и керамике. Как отметил Г. Н. Пронин, "высокие погребальные насыпи Северо-Западного региона, которые традиционно именуются «сопками», не представляют собой однородный в культурном и хронологическом отношении пласт". Причина этого, на наш взгляд, заключалась в том, что население Полабья и Польского Поморья, откуда появилась данная миграционная волна, состояло из разных племен, которые имели между собой определенные различия».

Отмечая, что самые ранние сопки, поддающиеся датировке, относятся к IX веку, Молчанова отмечает: «Датировка VIII в. возможна только для нескольких памятников в районе Старой Ладogi, причем некоторые исследователи полагают, что это не сопки, а особые курганы, досыпанные в более поздний период. Обращает на себя внимание и "немногочисленность" погребений. Малочисленность погребений нельзя объяснить неустойчивым расселением и переходом с места на место населения. В зонах концентрации сопок поселения существовали на протяжении жизни нескольких поколений. Однако обилие западнославянской керамики, расширение домостроительства по западнославянскому образцу, указывают на значительный приток нового населения в Ильменское Поозерье уже в самом начале VIII в., возможно, в конце VII в. Таким образом, далеко не всегда и далеко не везде сопки возникают синхронно живой поселенческой культуре. Кроме того, расположение ранних сопок не охватывает всего района, где фиксируется вещевой комплекс этой культуры».

Она подчеркивает, что обряд сооружения сопок возник на этом месте. «Тем самым во многом решается вопрос о происхождении данного погребального обряда, поскольку у западных славян побережья Балтийского моря курганный обряд погребения получил распространение практически синхронно распространению сопок на Северо-Западе Руси».

Остановливаясь на тезисе, что у западных славян побережья Балтийского моря курганный обряд погребения получил распространение практически синхронно распространению сопок на Северо-Западе Руси, Молчанова отмечает, «что до недавнего времени появление курганного обряда погребения на славянском побережье Балтики датировалось не ранее, чем второй половиной X в. или рубежом X—XI вв. Древнейшим можно было назвать только могильник в Волине и насыпи под Колобжегом и в Ральсвике на острове Рюген. Однако, согласно находкам последних лет в северном Приэльбье (Локнице) и в Польском поморье, появление курганного обряда у прибалтийских славян можно датировать не позднее, чем второй половиной VIII в. — рубежом VIII—IX вв. Распространение этого обряда произошло в IX в.». Вопрос о происхождении данной погребальной обрядности у западных славян побережья Балтийского моря пока окончательно не решен. В. Вогель связывает ее появление со скандинавами, а Е. Цолль-Адамикова — с южной ветвью западных славян, у которых курганные могильники появились уже в VII в.»^[142]. Так что похоже, что сопки Приладожья связаны генетически с курганными захоронениями у балтийских славян.

Расселение славян именно в Ильменском бассейне может быть связано и с геолого-климатическими изменениями в регионе, а именно — с появлением реки Невы, образовавшейся не позже середины VII века в результате поднятия Балтийского кристаллического

щита, которое ликвидировало связь Балтийского моря с северной частью Ладожского озера. Появление новой водной магистрали могло стимулировать появление там нового населения, ориентированного не столько на занятие земледелием, сколько на организацию международной торговли. И пришло это население, в отличие от кривичей, не из Повисленья, а с юго-западного побережья Балтики. Природный катаклизм, вызвавший резкое повышение уровня Ладожского озера, естественно вызвал и повышение уровня грунтовых вод по всему региону, а также гидрологические изменения всего бассейна Южного Приладожья.

Климатическая обстановка северо-запада Русской равнины времен расселения здесь славян делится на три периода: 1. потепление VII века, сопровождаемое понижением уровней рек и озер; благоприятное время для развития хозяйства. 2. Похолодание VIII—IX веков. 3. Потепление X—XI веков, начало малого климатического оптимума^[143]. «Проникновение славян на территорию Приильменя и Поволховья, формирование первых поселенческих структур в верховьях Волхова и вокруг Ладоги, возникновение культуры сопок — все это происходит в довольно тяжелых климатических условиях, сложившихся к рубежу VIII—IX вв. На наш взгляд, данное обстоятельство может служить дополнительным аргументом в пользу гипотезы о приоритете социально-политических предпосылок отмеченных явлений над версией о чисто земледельческой колонизации»^[144].

Нет, не земледелием пришли в эти суровые края заниматься славяне, а торговлей, захватив, таким образом, очень важный путь по Волхову. На самом деле вся история Древней Руси — это история борьбы за контроль над водными путями, через которые тогда исключительно осуществлялась международная торговля. Рождение новой водной магистрали не могло

остаться незамеченным славянами, основным занятием которых как раз и была торговля. Поэтому, несмотря на крайне неблагоприятные климатические условия, этот регион стал постепенно заселяться, так же, как в неблагоприятных климатических условиях заселялась когда-то Бретань.

В.В. Седов писал: «Историческим центром Новгородской земли было Приильменье, накануне образования Древнерусского государства, как свидетельствуют археологические материалы, относительно плотно заселенное словенами ильменскими. Исторические данные позволили А. Н. Насонову утверждать, что "...новгородская территория выросла из племенной территории, послужившей ее основным ядром". И это целиком и полностью соответствует данным археологии. Территория расселения словен ильменских, как она обрисовывается по их погребальным памятникам VIII—IX вв. — сопкам, охватывает Ильменский бассейн с Шелонью, Ловатью и Метой. На Северо-Западе в ареал сопок включается Верхнее Полужье, а на востоке он простирается до верхних течений Мологи и Чагодычи включительно. Весьма плотная концентрация сопок наблюдается в той части Ильменского Поозерья, где в середине IX в. было основано Новгородское (Рюриково) городище и около столетия спустя — Новгород, а также на нижнем Волхове, где находилась Ладога. При сопоставлении исторической карты Новгородской земли, составленной А.Н. Насоновым, обнаруживается, что южная и восточная границы ее соответствуют пределам расселения словен ильменских, как они устанавливаются по погребальным древностям VIII—IX вв.»^[145]. То есть и во времена Рюрика именно эти территории были подвластны новому династу.

Интересная идея была высказана археологом В.Я. Конецким по поводу культуры сопок. «Сопки — это

новация, связанная с верхушкой общества, находящегося на высшей, предгосударственной стадии первобытности. При попытках связать их с высокими курганами лесной полосы предшествующей эпохи, будь то литовские, верхнеокские или даже наиболее близкие территориально оставленные финно-угорским населением большие курганы V—VII вв. на востоке Новгородской земли, следует иметь в виду, что вышеназванные древности оставлены группами населения, безусловно находящегося на более низкой стадии экономического и социального развития, чем носители культуры сопкок. Поэтому параллели сопкам следует искать в обществах синстадиальных. Вендельская культура Швеции вполне удовлетворяет этим условиям»^[146].

Интересно, что само название вендельской культуры связано с названием населенного пункта Вендель в Южной Швеции и ассоциируется как с кельтским, так и славянским племенем венеды. Необходимо отметить, что сама вендельская культура Швеции имеет кельтские корни и, скорее всего, была создана выходцами с Британских островов в VI веке для обеспечения развития торговых путей с Византией и Арабским Востоком. В этом контексте следует говорить о наличии в Новгородской земле не скандинавского компонента в этническом и культурном отношении, а о кельтском. Именно русы, занимавшие в среде славян доминирующее положение, изначально были кельтами, носителями культуры сопкок^[147].

Рис. 36. Сопки на берегу Волхова в урочище Велеши

«Ладожские сопки, ставшие местами захоронения новых социальных групп древнерусского общества, дали начало традиции возведения на Руси дружинных курганов типа гнездовских, черниговских или седневских, на что указывал еще А.А. Спицын. Они же, как престижные памятники и сакральные объекты были восприняты сельской общинной верхушкой славянского общества»^[148]. Вместе с тем говорить о скандинавском происхождении этих сопок не приходится. Они имеют, скорее всего, южнобалтийское происхождение с привнесением местных элементов (рис. 36).

Таким образом, можно констатировать, что именно Ладога была одной из первых колоний или поселений, основанных как ключевой торговый пункт на пути «из варяг в греки» и в Арабский Восток. Колонией с изначально интернациональным населением, куда входили и балтийские славяне. Именно в Ладоге, являвшейся столицей конфедерации пяти племен, сначала обосновался и князь Рюрик. Но к ней мы вернемся позже.

Одно из самых ранних славянских городищ на Волхове, контролировавшим путь «из варяг в греки», согласно последним археологическим открытиям, сделанным экспедицией под руководством Е.А. Рябина, — это торгово-ремесленное поселение, построенное на мысу, образованном впадением р. Любши в Волхов, которое датируется концом VII — началом VIII века. Это городище было основано славянами на месте финского дерево-земляного укрепления. Новопришельцы создали уникальную для Восточной и Северной Европы каменно-земляную крепость, в традициях, характерных для славян Центральной Европы — жителей Подунавья, Великой Моравии и Польши. По заключению Е.А. Рябина: «Именно выходцы с этих территорий и построили крепость. Любша как ключевой укрепленный пункт на протяжении около двухсот лет держала под контролем стратегический перекресток международных водных магистралей эпохи раннего средневековья: Великий волжский путь из Балтики в Каспийское море и летописный путь "из варяг в греки", соединявший Север с Черным и Средиземным морями»^[149].

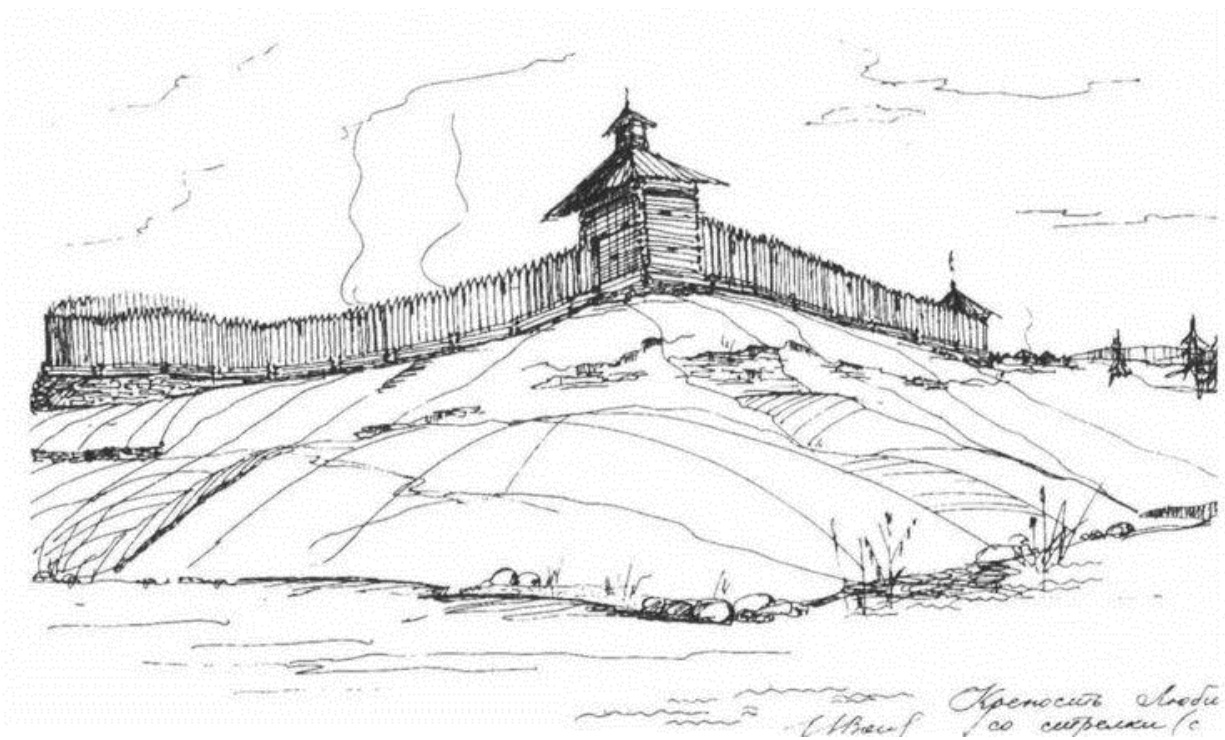
Так что с запада приходили представители разных западнославянских племен, движимые в том числе и торговыми интересами, стремясь занять ключевые водные пути северо-востока Европы. В это движение славянских народов на восток были вовлечены и представители кельтских, германских и балтских племен. Нельзя забывать и про местные племена. Естественно, что управлять таким разношерстным населением, даже объединенным в союз племен, было довольно трудно.

Интересно, что устройство любшанской крепости почти в точности соответствует описанию галльских крепостей, сделанное Юлием Цезарем: «Все галльские стены обыкновенно бывают такого устройства. На землю

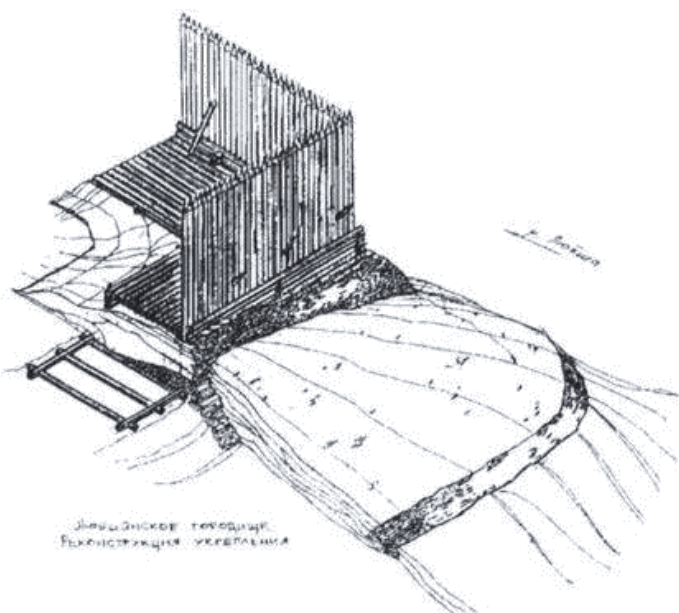
кладут во всю длину прямые и цельные бревна параллельно друг другу с промежутком в два фута; они связываются внутри (поперечными балками) и густо покрываются землей; а спереди указанные промежутки плотно заполняются большими камнями. Положив и связав их, на них кладут сверху другой ряд с соблюдением того же расстояния между бревнами; однако бревна (верхнее и нижнее) не приходится одно на другое, но каждое из них в пределах того же расстояния крепко сдерживается каменной кладкой. Так, рядами, выводится вся постройка, пока стена не достигнет надлежащей высоты. Это сооружение имеет, в общем, довольно приятный и разнообразный вид, вследствие правильного чередования бревен и камней, лежащих рядами по прямым линиям; но кроме того, оно вполне целесообразно в смысле успешной обороны городов, так как от огня защищает камень, а от тарана — деревянная кладка, которую нельзя ни пробить, ни вытащить, ибо она состоит из цельных бревен — обыкновенно в сорок футов длиной — и внутри надлежащим образом связана»^[150]. А вот описание конструкции любшанской крепости, сделанное археологом Е. А. Рябининым: «Внутренняя часть ее вала была сооружена из каркасных деревянных конструкций, засыпанных глиной и утрамбованных. На валах стояли внушительные деревянные сооружения. С наружной стороны вал был обнесен подпорной стенкой из колотой известняковой плиты»^[151]. Как видите, описание кельтской крепости, сделанное Юлием Цезарем, совпадает с современным археологическим описанием Любшанской крепости (рис. 37—39). Необходимо отметить, что на русском северо-западе практически все древние крепостные сооружения имели такую же, восходящую к кельтским народам, традицию^[152].

Казалось бы, не слишком ли большая территория, с которой шла миграция в маленькую крепость на р.

Любше? Если учитывать ее необыкновенно важное, стратегическое значение, то нет. Изначальная ориентация этого городища на международную торговлю говорит о том, что, во-первых, путь этот на восток был известен славянам достаточно давно, а во-вторых, славянский мир к этому времени еще не был столь разобщенным, особенно если учесть древние мореходные традиции славян, которые уже в VI веке совершали молниеносные нападения на Византию, именно используя флот. Любша была разрушена в середине IX века, то есть во времена междоусобиц среди северных племен, вызвавшей, в итоге, призвание Рюрика. Интересно, что один из важнейших городов балтийских славян был Любек. Наверняка здесь есть какая-то связь. Возможно, именно выходцы из этого города и основали поселение в месте впадения Любши в Волхов. Не исключено, что городище на Любше было разрушено конкурентами по международной торговле ваграми, из среды которых происходил и сам князь Рюрик. К сожалению, несмотря на то, что открытие Любшанского городища и его раскопок произошло десять лет назад — кроме предварительного сообщения, сделанного археологами Рябининым и Дубашинским, практически не появляется существенных работ на эту тему. Хочется думать, что это не связано с тем, что сенсационное по своей сути открытие сознательно замалчивается, поскольку существенно меняет историю развития этого региона. Не пора ли опубликовать находки из Любшанского городища в более полном объеме, чем это было сделано в альбоме «У истоков Северной Руси» (СПб., 2003).

Любшанское городище (реконструкция)

**Рис. 37. Западнославянские оборонительные сооружения
(реконструкция)**

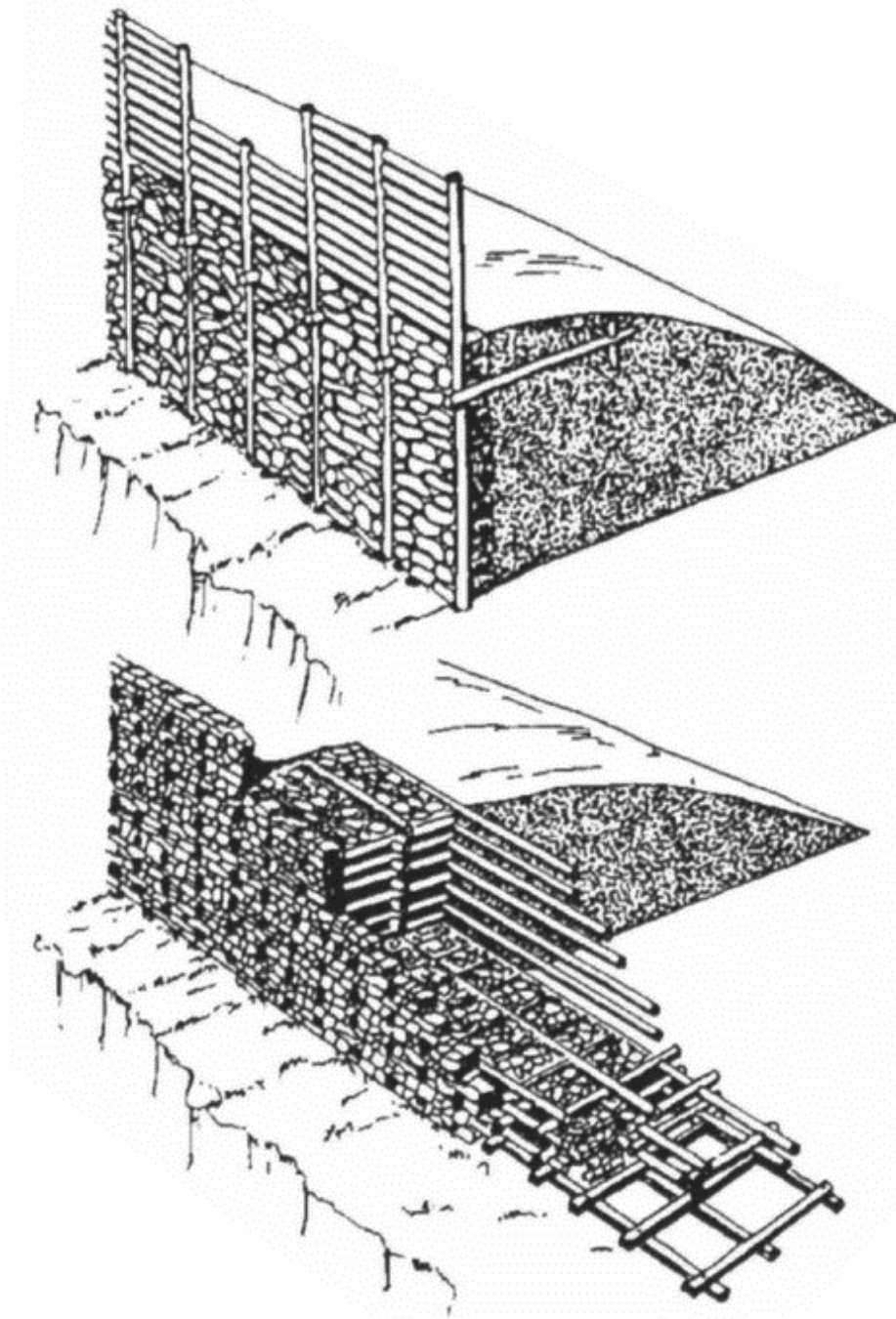

Рис. 38. Кельтское оборонительное сооружение

Но вернемся к Псковскому региону. В VI—VII веках в низовьях реки Великой, а также в среднем течении р. Кяэпа, Выханду, Пиуза, по берегам Псковского озера

распространяются памятники культуры длинных курганов^[153].

В VI—VIII веках в результате деятельности носителей этой культуры появляются, по крайней мере, пять городищ: Изборское, Камно, Псковское, Сторожинец, Городище, которые, как правило, ставились в нижних течениях рек, впадающих в Псковское и Чудское озера^[154]. Поэтому далеко не случайно в этот важнейший, к тому же пограничный регион был отправлен брат Рюрика Трувор, видимо, следующий по старшинству за ним. Это был северо-западный ареал расселения кривичей — второго по значению из племен, призвавших новую варяжскую династию.

Создателями культуры длинных курганов явилось славянское племя кривичей, переселившееся в эти места в V веке из Центральной Европы, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки, а так же материалы топонимики и этнолингвистики. Например, картография гидронимов с основой тереб — (от глагола теребить «расчищать землю, готовить под пашню») показывает, что Псковско-Ильменский край составляет общий ареал с Повисленьем, Чехией и Словакией^[155]. То есть с наиболее подвергшимися кельтскому влиянию групп славянского населения Центральной Европы.

Р.А. Агеева на основе анализа гидронимов, основанных на праславянских моделях, выделила в Псковско-Ильменском крае регионы наиболее раннего оседания славян. Это бассейн р. Великой, земли к югу от озера Ильмень, а также территории между Чудским и Псковским озерами, с одной стороны, и средним течением р. Луги — с другой^[156]. Именно в этом регионе наблюдается наибольшая концентрация длинных курганов. В гидронимии бассейнов Псковского озера и Ильменя имеются и другие схождения с водными названиями современной Польши^[157].

Рис. 39. Каменная облицовка вала (Любшанское городище)

Необходимо отметить, что в свою очередь многие польские гидронимы имеют кельтско-иллирийское происхождение, так же как кельтское происхождение, скорее всего, имеют названия Дунай, Днепр, Днестр, Дон, то есть главные торговые судоходные артерии Центральной и Восточной Европы^{[\[158\]](#)}.

Что касается этнолингвистики, то проявляется некоторая близость псковских говоров со славянским миром Висленского бассейна [\[159\]](#).

Любопытно, что ближайшие соседи кривичей эстонцы до сих пор называют русских венедами (vana), а латыши белорусов krieivs, то есть кривичами. Не менее любопытно, что литовцы тех же белорусов до сих пор величают готами. Историческая память часто, как это не парадоксально, лучше сохраняется у соседей, чем у самой нации, и соседи лучше помнят наши древние племенные названия.

Одним из интереснейших укрепленных ремесленно-торговых центров нашего севера является Изборск. Нам важно знать историю этого города, поскольку туда был отправлен на княжение брат Рюрика Трувор.

«Раскопки в Изборске впервые в восточнославянской археологии дали полные материалы для конкретных суждений о становлении первых городов на Руси. Полевыми исследованиями установлено, что поселение было основано кривичами на высоком мысу с крутыми склонами (44-45 м над уровнем воды в озере) при впадении ручья в озеро, называемое ныне Городищенским. Оно системой вод связано с Псковским озером, а через него с Балтийским морем. Поселение с самого начала было укрепленным, оно защищено двумя валами — высокими дугообразными с напольной стороны, сложенными из плотной глины и плитнякового камня, и небольшим в мысовой части. В срединной части городища (ближе к мысу) основателями Изборска была устроена площадь диаметром около 20 м, для которой был использован природный выступ плитнякового материка, благодаря чему она оказалась приподнятой над застроенной частью поселения на 20—30 см. Следует полагать, что площадь предназначалась для племенных (вечевых) собраний, культовых (языческих) празднеств и гаданий. В этой связи можно полагать, что

городище было основано как племенной центр одной из крупных групп кривичей»^[160].

Судя по тому, что практически на месте культовой площадки была в христианский период построена Никольская церковь, кривичи-язычники поклонялись в том же месте какому-то языческому богу, связанному с морскими путешествиями. Кстати, после перенесения Изборской крепости на Жеравью гору, внутри нее тоже была построена церковь в честь святого Николая (рис. 40).

Археологические находки в самых ранних слоях этого города позволили археологу С.В. Белецкому сказать, что на Труворовом городище «в VIII—IX вв. находился ремесленно-торговый протогородской центр, основанный славянскими переселенцами с территории междуречья нижней Эльбы и Одера»^[161]. То есть балтийскими славянами.

Изборск, основанный в конце VII — начале VIII века, видимо к середине IX века имел важное стратегическое значение — иначе, зачем Рюрик послал бы туда своего брата Трувора с дружиной. Видимо, треугольник, образованный Ладогой, Изборском и Белозером играл тогда главную стратегическую роль в торговых путях в Византию и Арабский Восток.

С первых дней существования Изборск не был аграрным поселением, о чем свидетельствуют находки, связанные с бронзолитейным делом, железоделательным производством, косторезным искусством. Находки в нижнем слое Изборского (Труворова) городища говорят о довольно широкой торговле, которую вели местные купцы. Наиболее ранние торговые связи фиксируются с побережьем восточной части Балтийского моря — с областями земгалов, Курляндии и Южной Финляндии^[162].

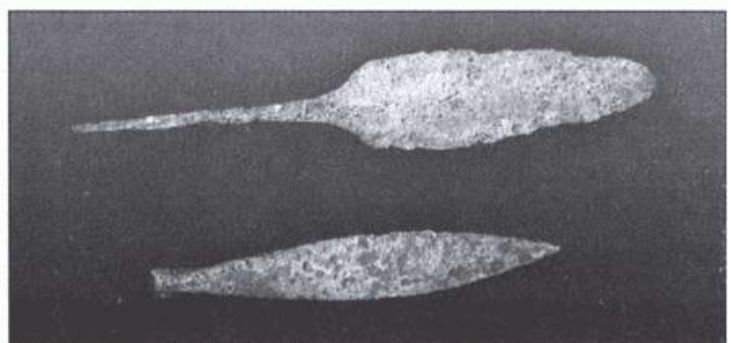
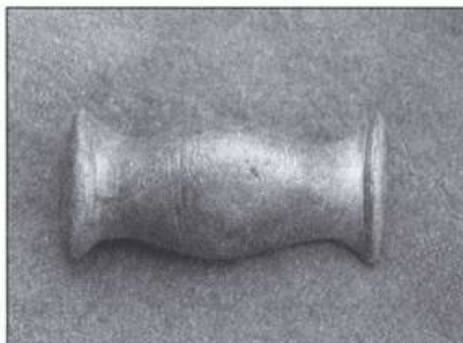
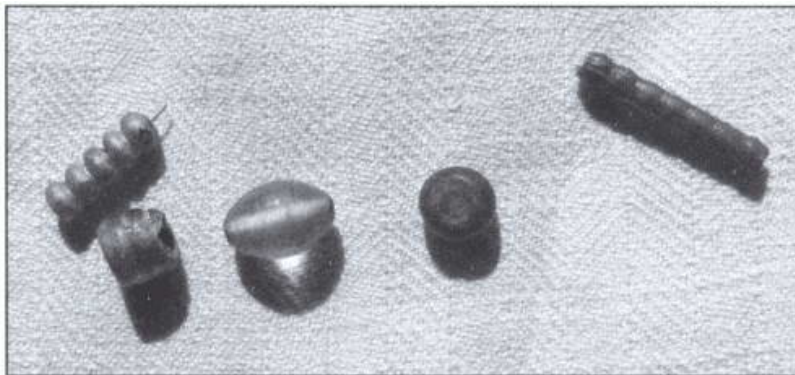
Рис. 40. Изборск, вид на Труворово городище

В начале IX века купцы Изборска налаживают торговые связи с южными областями восточного славянства и через их посредство с Северным Кавказом и Арабским Востоком. В нижнем слое городища найдено несколько монет, из которых наиболее ранними являются два куфических диргема африканской чеканки 723 и 792 годов (один из Тугды, другой из ал-Аббаси). Три из найденных монеты чеканены в первых десятилетиях IX века, одна — в закавказской провинции Халифата в 805 году, две — в Самарканде в 811 и 812 годах. В слое IX века Изборского городища найдены стеклянные шарообразные бусины черного цвета с выпуклыми фиолетовыми глазками в виде круглого ядра, заключенного в белые концентрические круги, связанные с Кавказским регионом; желтая

боченкообразная бусина с синими овальными глазками и обводкой их черной линией, происходящая из Средиземноморья; многочастные пронизки с серебристой поверхностью происходят из Александрии и Сирии; из Великой Моравии происходят найденные в нижнем слое городища цилиндрические бусы голубого прозрачного стекла, дутая овальная стеклянная бусина стального цвета с синеватым оттенком и пуговица из золотистой бронзы; несколько бусин попало в Изборск из Северной Европы^[163] (рис. 41).

Немало интересных международных связей показывают и находки оружия. Из Северной и Центральной Европы происходят некоторые изборские наконечники копий. Ланцетовидные втульчатые наконечники, слегка суживающиеся у шейки и плавно переходящие во втулку, появились в Центральной и Северной Европе в VI—VIII веках и получили наибольшее распространение в IX—X веках. В нижних слоях Изборского городища найдены также очень интересные удила с довольно крупными, дугообразно изогнутыми роговыми псалиями (рис. 42). Похожие удила с псалиями встречены в знаменитых княжеско-дружинных курганах X века Чернигова (Черная могила и Гульбище) и в Гнездовском могильнике. Псалии подобных удили обычно украшались нарезной орнаментацией — растительными и геометрическими узорами. Одни из изборских псалий имеют поперечные нарезки с циркульным орнаментом, другие богато украшены плетеночными узорами^[164] (рис. 43). Эти плетеночные узоры ближе всего к кельтскому орнаментальному искусству Ирландии.

Можно резюмировать, что к моменту княжения Трувора в Изборске это был уже вполне процветающий торговый протогород с разветвленной сетью торговых отношений.

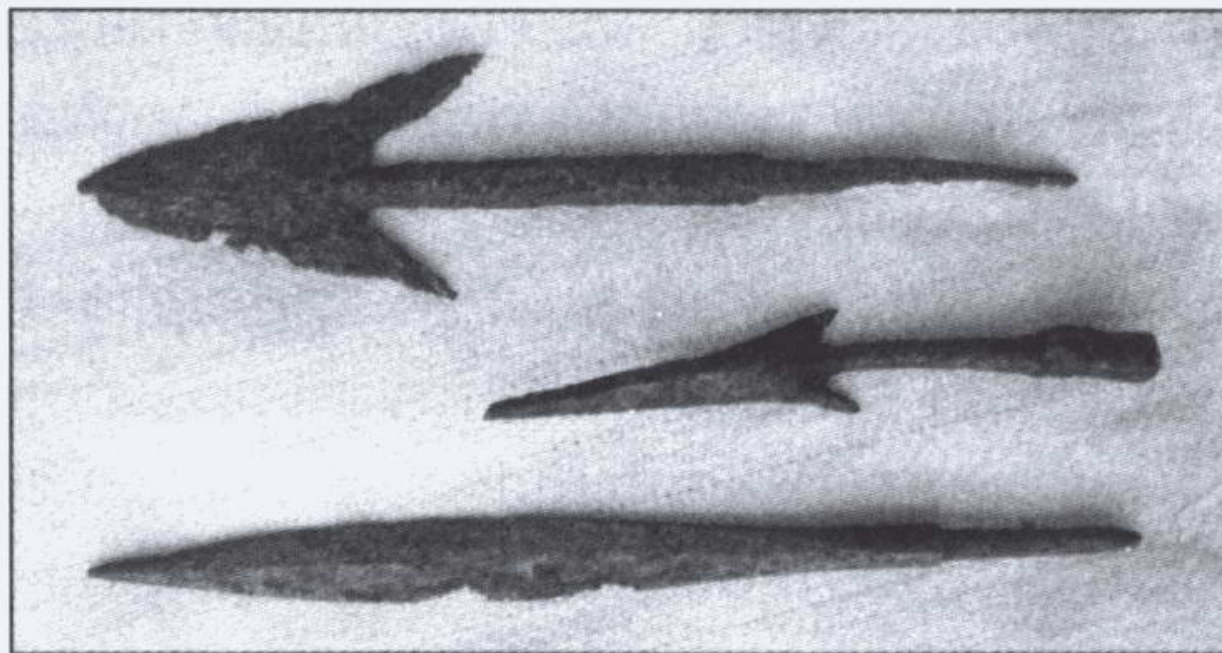

Рис. 41. Изборск, Труворово городище (стеклянные и янтарные бусины, фибула, наконечники стрел и дротиков)

Рис. 42. Изборск, Труворово городище, псалки

И что особенно важно — ни в домостроительстве, ни в культовых особенностях, ни среди вещевых материалов Изборска не обнаружено элементов, указывающих на проживание выходцев из Скандинавии. «Достаточно очевидно, что в основном торговые операции осуществлялись кривическими купцами при участии купцов-русов»^[165]. Получается, что основой экономического и социального развития Изборска, как и городища на Любше, была международная торговля. Так что не зря в этот стратегически важный для международной торговли и порубежный город был отправлен Трувор. Имеется в Изборске и легендарная

могила Трувора со знаменитым Труворовым крестом. Многие исследователи считают эту могилу скорее легендарной, а сам крест датируют XIV веком. Рядом с крестом лежит могильная плита с очень интересными изображениями, одно из которых напоминает чертеж западно-славянского языческого храма. Не исключено, что крест на реальной могиле Трувора был поставлен позже. (См. цветную вклейку).

Видимо, Трувор контролировал и древний Псков, расположенный на расстоянии от Изборска около тридцати километров, который является одним из самых древних городищ не только Северо-Запада, но и всей Древней Руси. Скорее всего, Плесков-Псков был основан кривичами в VI веке и является ровесником первоначальных поселений, построенных на месте Киева. Интересно, что в южной части Крома, за пределами предполагаемой линии укреплений городища культурный слой начинается с рубежа IX—X веков; то есть Псков в VI—IX веках не имел посада^[166].

Вместе с тем, само поселение на месте Крома еще древнее — совокупность археологических находок дает возможность предположить, что здесь существовало поселение эпохи раннего металла, возникшее на рубеже новой эры^[167]. Само название псковской крепости — Кром вполне может быть кельтского происхождения, тем более что Кром, помимо обороны, имел и сакральное значение. Круглые святилища, с главным идолом в центре и второстепенными, расположенными по кругу, подобные описанному выше, были широко распространены на Руси (рис. 44—45).

Продолжая тему этнолингвистики, хочется отметить, что такие этнонимы балтийских племен, как земгалы, латгалы — племена, соседствующие с кривичами, заставляют вспомнить этноним галлы (гал — латышски земля), так же как название реки Луги и латышского города Дагды, расположенного недалеко от Изборска, этимологически могут быть связаны с кельтскими богами — Лугом и Дагдой. Выше уже говорилось о кельтской этимологии самих названий Литва и Латвия.

Интересно, что первые найденные на территории Крома строения, относящиеся к третьей четверти I тысячелетия, имеют аналоги постройкам этого типа в славянских памятниках междуречья Вислы и Эльбы^[168]. Так что и здесь связь с балтийскими славянами достаточно прямая.

Период VIII—IX вв. характеризуется развитием и усложнением хозяйственного уклада и культуры населения, заметными изменениями жизни Псковского городища, возникновением укрепленного городища Камно в 8 км от Пскова, появлением новых типов могильников, в частности наряду с длинными курганами кривичей, появляются сопки ильменских словен. Интересно, что на Псковском городище более характерны находки, связанные с железоделательным производством, тогда как на Камно шире представлены орудия труда ювелиров и литейщиков, что говорит о уже разной производственной ориентации соседних городищ^[169]. Видимо, разная ориентация производств этих городищ, также ориентированная на международную торговлю, была связана с пиком этой торговли.

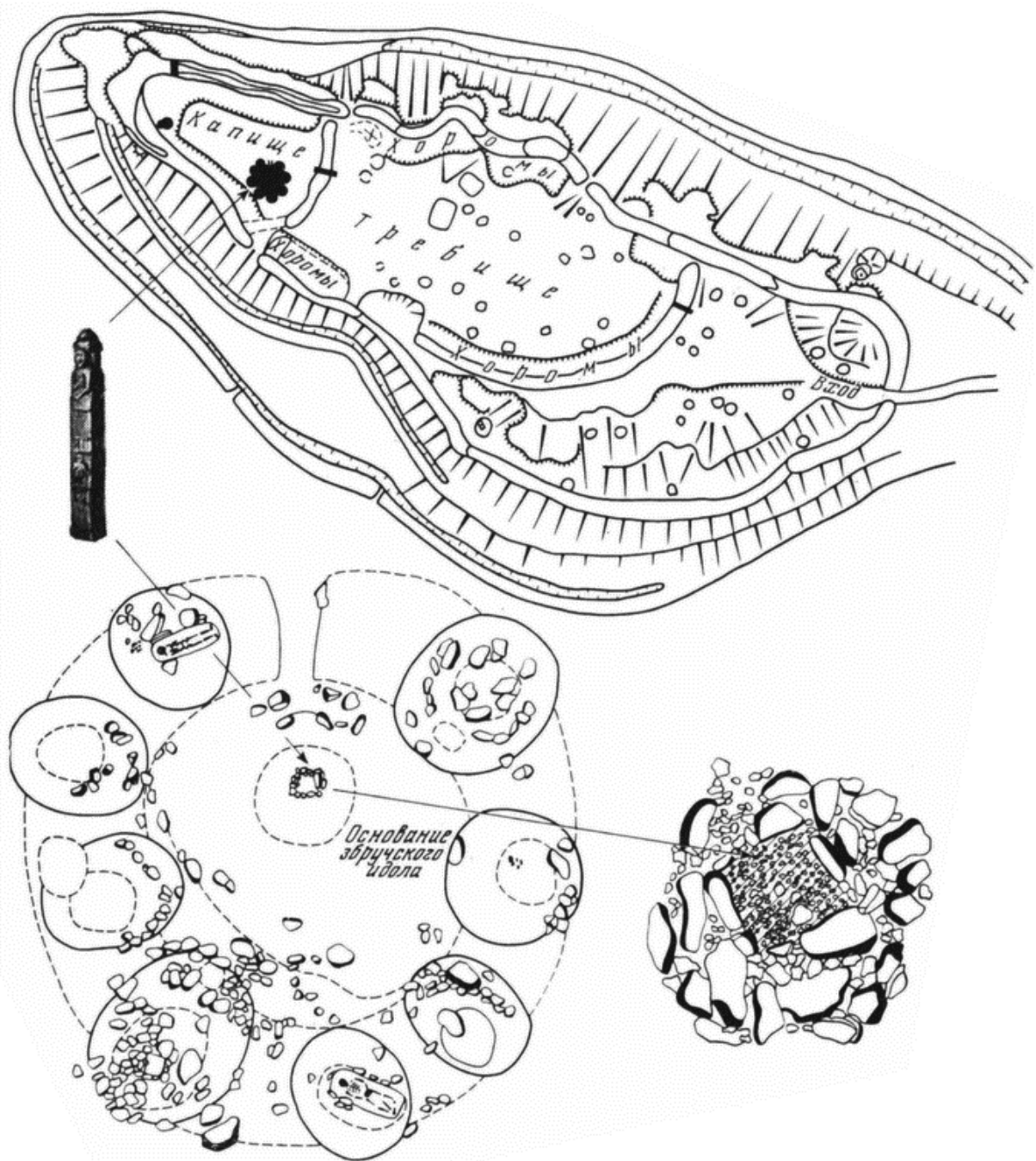

Рис. 44. Общий план раскопок святилища близ Збруча на горе Богит (раскопки И. П. Русановой и Б. А. Тимощука 1984 г.).

Капище. Фундамент збручского идола

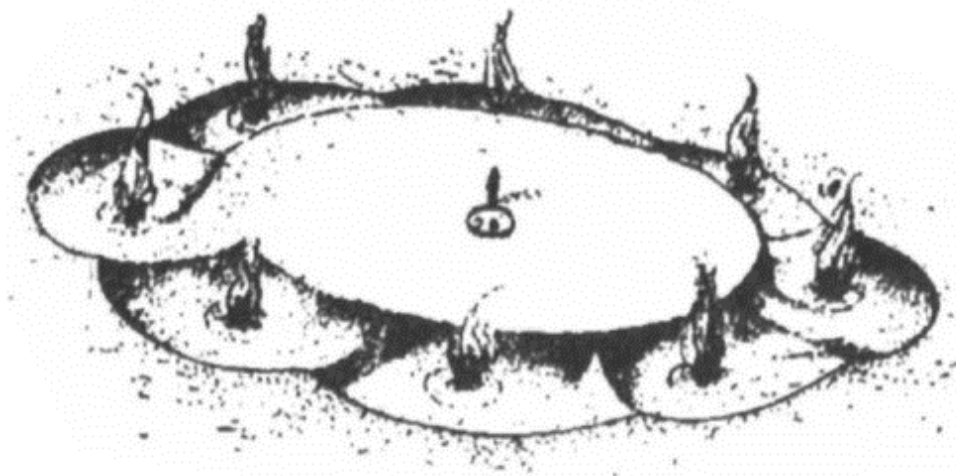

Рис. 45. Реконструкция святилища Перуна в Перыни (Новгород, X в. н. э.)

В это время (VIII—IX вв.) Псковское городище становится самым крупным центром поселения в бассейне нижнего течения р. Великой. Помимо наличия укреплений, его отличает большая площадь (3 га) и плотная застройка по периметру мысовой площадки. Центральная, незастроенная часть служила, скорее всего, для общественных собраний и отправления языческих культов. В составе населения выделялась ремесленная прослойка кузнецов-литейщиков^[170].

Интересно, а почему Трувор был послан не в Псков, который был и больше и древнее Изборска, а в последний? (Новгород, X в. н. э.)

Тому возможны две причины. Кривичи Пскова могли и не входить в конфедерацию пяти племен, куда входили изборчане. Второй, причем более веской, причиной могло быть географическое положение Изборска — он являлся городом пограничным и больше нуждался в охране. Несмотря на то, что Псков впервые упоминается в летописях в связи с княгиней Ольгой, псковский летописец, не сомневающейся в древности

родного города, сделал следующую запись: «...а о Плескове граде от летописания не обретається воспомянуто, от кого создал бысть и которыми людьми, токмо уведехом, яко был уже в то время, как наехали князи Рюрик с братьей из Варяг в Словяне княжити»^[171]. Летописное свидетельство подтвердили данные археологии.

Псков, как и многие другие городища этого времени, был еще и культовым центром. Недалеко от города в ручье Промежица был найден каменный сильно поврежденный антропоморфный идол. Необходимо отметить, что и после принятия христианства в Псковском крае продолжалось еще долго почитание языческих богов. В 1590 году немецкий путешественник Вундерер видел около Пскова двух каменных идолов (Услад и Корса), служивших объектом почитания у местных жителей^[172].

Продолжая тему язычества в этом регионе, необходимо отметить, что при раскопках псковского курганного кладбища было открыто языческое святилище X века в виде круглой площадки диаметром около 9 м, окруженной ровиком, с перемычкой — входом с юго-западной стороны. В ровике обнаружены следы костра, а в центре площадки — две столбовые ямы, в одной из которых нашли основание дубового ствола. В нескольких метрах от культовой площадки в древности протекал ручей. Подобное круглое святилище Перуна было обнаружено недалеко от Новгорода, известны они и в западно-славянском мире, характерны также, в первую очередь, для культовых площадок кельтов, откуда, судя по всему, перешли и к славянам в результате культурного симбиоза пшеворцев (рис. 45).

Исследователи давно пришли к выводу, что в союз племен, призвавших Рюрика, входила именно псковская группа кривичей. «Об этом говорит, — пишет А.В. Куза, — не только многократно зафиксированная теснейшая

связь Новгорода и Пскова. Во-первых, легенда водворяет Трувора в Изборске, расположенном на территории псковских кривичей. Во-вторых, по пути в Киев Олег, в войске которого были кривичи, захватывает Смоленск — центр смоленской группы кривичей. Наконец, Владимир Святославич в бытность свою новгородским князем вместе с частью кривичей напал на Полоцк — центр полоцкой группы кривичей»^[173]. Область расселения псковской части кривичей занимала бассейн р. Великой, побережье Псковского озера и верховья Западной Двины^[174].

А. А. Горский, сопоставив письменные источники с данными археологии, представил себе расселение кривичей следующим образом: «В IX в. группа носителей этого этнонима обитала на территории будущей Новгородской земли (скорее всего, в районе Ладоги), а основная масса кривичей — на территориях будущих Полоцкой и Смоленских земель. Здесь в IX—X вв. существовал союз племенных княжеств», состоящий из десяти групп кривичей^[175].

Что же в предшествующее приходу Рюрика время происходило в других юго-западных регионах Северной Руси? Вот что на эту тему писал В.В. Седов: «В середине I тыс. н. э., как свидетельствуют находки провинциально-римских типов, значительное число переселенцев из Средней Европы оседает в землях верхнего Немана, Полоцкого Подвинья и Смоленского Поднепровья. Местным населением здесь были балты, представленные двумя культурами — днепро-двинской и штрихованной керамики. В конце IV в. в тех местностях, где осело среднеевропейское население, их развитие прекратилось. Складывается новая культура, названная тушемлинской.

Ее территория охватывает Смоленское Поднепровье, Полоцко-Витебское Подвинье и смежные с ними области верховьев Вилии, Немана и Березины Днепровской»^[176].

Таким образом началось очередное освоение территории волоков пути «из варяг в греки» и Великого волжского пути теперь уже славянами и русами. Не зря и древний Полоцк был отдан в управление одному из ставленников Рюрика, так же как и Ростов. Взяв эти города под свой контроль, основатель новой династии решал важнейшую стратегическую задачу с запада — контроль над путем из Балтики в Западную Двину, на востоке — выход на Великий волжский путь.

«Через столетие по становлении тушемлинской культуры в ее ареале возникают городища, которые служили убежищем для населения окрестных селищ, а также местами языческого культа. При строительстве городищ нередко использовались заброшенные укрепленные селения раннего железного века — сооружались дополнительные укрепления — земляные валы по периметру и еще два-три вала на склонах».

Одним из примеров таких городищ является Тушемля в верховьях Сожа. Оно было построено на продолговатом мысе между двумя оврагами. Овальная площадка в 800 кв. м по периметру была обнесена двумя земляными валами с деревянными оградами на вершинах. «На площадке впритык к валу находилась замкнутая постройка шириной 4-4,5 м ее стенами столбовой конструкции и двускатным перекрытием. Поперечными перегородками она членилась на помещения размером 6 на 4 м. Семь или восемь из них имели в середине очаги, остальные использовались для хозяйственных нужд. С восточной стороны был устроен выход на поселение, от которого дорожка шла ко второму рву, и далее по его дну, обогнув городище, можно было выйти за пределы убежища. На мысовой части городища находилось языческое святилище в виде круглой утрамбованной площадки диаметром 6 м, по краю которой с интервалами стояли столбы, вероятно изображавшие языческих богов. В центре возвышался

более массивный столб — изображение главного божества»^[177] (рис. 46).

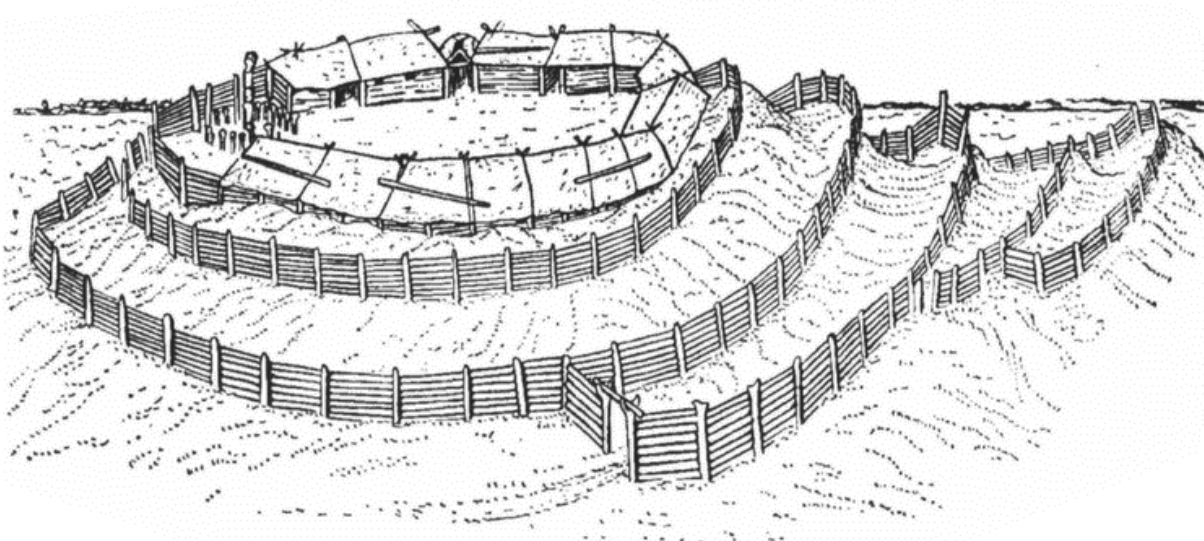

Рис. 46. Тушемлинское городище

Подобное городище достаточно традиционно для славяно-кельтского ареала Центральной Европы. Теперь коснемся и этнического состава.

«Вычленив в составе населения тушемлинской культуры местный балтский и пришлый славянский этнические компоненты не представляется возможным. По всей вероятности, в ареале этой культуры сформировался культурный славяно-балтский симбиоз с общим домостроительством, керамическим материалом и погребальной обрядностью. Можно полагать, что время тушемлинской культуры было начальным этапом славянизации местного населения»^[178].

Скорее всего, балтское население этого региона, обслуживавшее прежде систему волоков и пополнившееся пришлым славянским, преследовало, в первую очередь, торговые интересы. Все это происходило как раз в период становления военно-

торгового сословия, которое практически одновременно происходило в славянских и балтских племенах Балтики.

«На рубеже VII и VIII вв. в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье получают распространение длинные и удлинённые курганы, именуемые в археологической литературе смоленско-полоцкими. Они заметно отличаются от валообразных погребальных насыпей псковского типа и характеризуются своеобразным вещевым инвентарем, поэтому выделяются в самостоятельную археологическую культуру»^[179]. Наверняка эта миграция была вызвана стремлением занять важные для международной торговли территории и получить контроль над волоками. А волоки в те времена имели стратегическое значение, поскольку только через них можно было попасть из рек севера Руси в реки, текущие на юг, к Черному и Каспийскому морям (рис. 47).

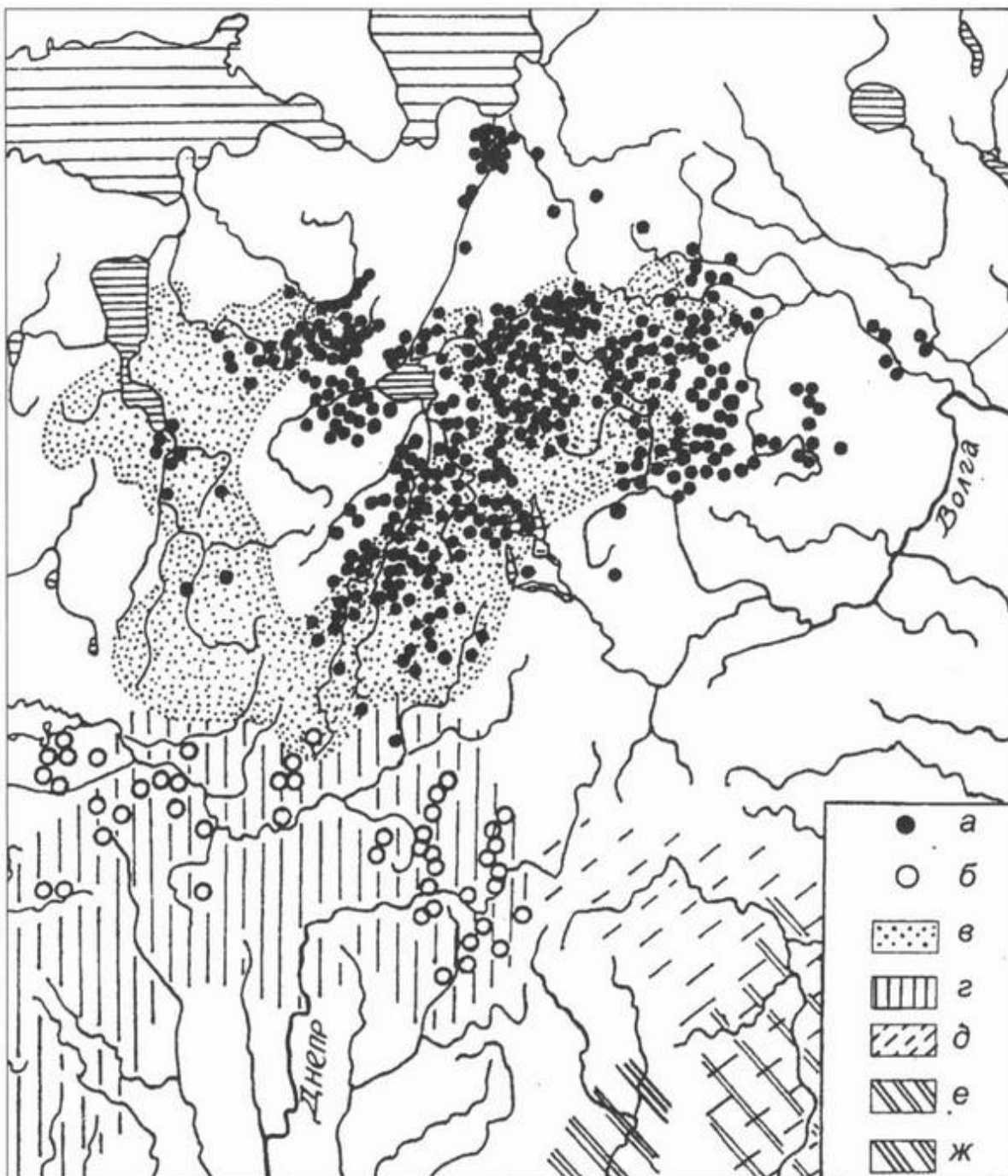

Рис. 47. Распространение длинных курганов смоленско-полоцкого типа и новгородских сопок: а — могильники с сопками; б — могильники со смоленско-полоцкими длинными курганами; в — ареал культуры псковских длинных курганов; г — тушемлинской

культуры; д — мощинской культуры; е — вятичей (VIII в.); ж — роменской культуры (по В. В. Седову)

«Становление культуры смоленско-полоцких длинных курганов можно объяснить только инфильтрацией населения псковских длинных курганов на территорию, занятую племенами тушемлинской культуры. В ареале длинных курганов при этом вошли далеко не все области тушемлинской культуры, а только те земли, которые непосредственно примыкали к региону бытования псковских длинных курганов. Не исключено, что отлив носителей псковских длинных курганов был обусловлен активизацией словен ильменских. Именно в это время культура сопкок распространяется на значительной части Ильменского бассейна»^[180].

Необходимо заметить, что отмеченный В.В. Седовым регион нового распространения культуры длинных курганов не просто примыкал к прежнему — в первую очередь эта культура распространилась в местах волоков на переходах из рек, впадающих в Балтику и Ладогу, на Днепр. И здесь намечается очень интересная тенденция в освоении речных путей. Кривичи в итоге контролируют летописный путь «из варяг в греки» и прямой выход на Балтийское море по Западной Двине, а словене ильменские — Великий волжский путь. Важно понять, что племенной союз, призвавший Рюрика, уже контролировал все речные выходы из Балтийского моря на главные торговые пути, ведущие в Византию и Арабский Восток. Нужен был только новый импульс, чтобы предгосударственное объединение племен на севере Руси, владевшее стратегически важными для международной торговли территориями, повернуло вектор своего развития в сторону Византии, а для этого нужно было распространить сферу своего влияния ниже

по Днепру. Но это суждено было сделать уже князю Олегу.

Важным городом в этом регионе стал Полоцк, поскольку Полоцкая земля, заселенная кривичами, имела близость к верхнему Днепру (у Орши) и среднего течения Западной Двины, что обеспечивало удобный транзит товаров с Черного моря в Балтийское. Полоцк, возникший первоначально в виде укрепленного торгово-ремесленного поселения кривичей-полочан в VIII—IX веках все больше привлекал своим расположением купцов с запада, в первую очередь, балтийских славян. Поэтому так же не случайно Полоцк (Полоцкая земля, возможно, наряду с Псковской входила в племенной союз, призвавший варягов) был отдан Рюриком одному из своих сподвижников.

Данные археологии показывают, что городища кривичей в Псковском крае имеют более древнюю историю, чем городища ильменских словен, а это значит, что возможно первоначальный торговый путь проходил через Псковское озеро, а не через Ильмень. Разветвленный бассейн реки Великой, оказывается, позволял выходить в Приильменье по Черехе и Шелони, в среднее течение рек Ловати и Западной Двины и далее на магистральные водные пути: Волжский — в арабские страны и Днепровский — ведущий в Средиземноморье. Тем более что бассейн Псковско-Чудского озера по р. Нарва и системе Эмбах-Пярну был напрямую связан с Балтикой. Немаловажную роль в системе коммуникаций играли и малые реки: Желча, Плюсса с выходом в Полужье и Приильменье, а также речные системы юго-восточной Эстонии, замыкавшиеся на Подвинье^[181].

Не связано ли существование этого, может быть не самого удобного, но более древнего пути с тем, что в те времена могла отсутствовать связь Ладожского озера с Балтикой, и этот путь, через Чудское озеро, был единственным. Ведь река Нева образовалась, скорее

всего, учитывая геологические и исторические факторы, в промежутке между V и VII веками. Более раннее заселение славянами бассейна реки Великой с образованием на этой территории торгово-ремесленных поселений, ориентированных на международную торговлю, косвенно помогает с датировкой образования реки Невы.

Псков, Изборск и другие древние городища кривичей, имея, с одной стороны, прямой выход на Балтийское море, минуя Ладогу и Ильмень, с другой стороны имели водные речные связи (с учетом волоков) для выхода уже на магистральные пути на Днепр и Волгу, где в VI—VII веках славяне имели аналогичные укрепленные торгово-ремесленные поселения. После образования Невы появился более удобный путь через Ладожское озеро и Волхов, который тут же заняли славяне, носители культуры сопок, основав Любшанское, Ладожское и только потом Рюриково и Новгородское торгово-ремесленные поселения. Именно благодаря этой сверхприбыльной международной торговле и образовалось государство Русь, каким мы его видим уже в летописный период. Занятие Рюриком Изборска и Ладоги, а впоследствии и строительство Рюрикова городища — предшественника Новгорода, имело, таким образом, стратегическое значение — он контролировал начала торговых путей на Днепр и на Волгу (рис. 48).

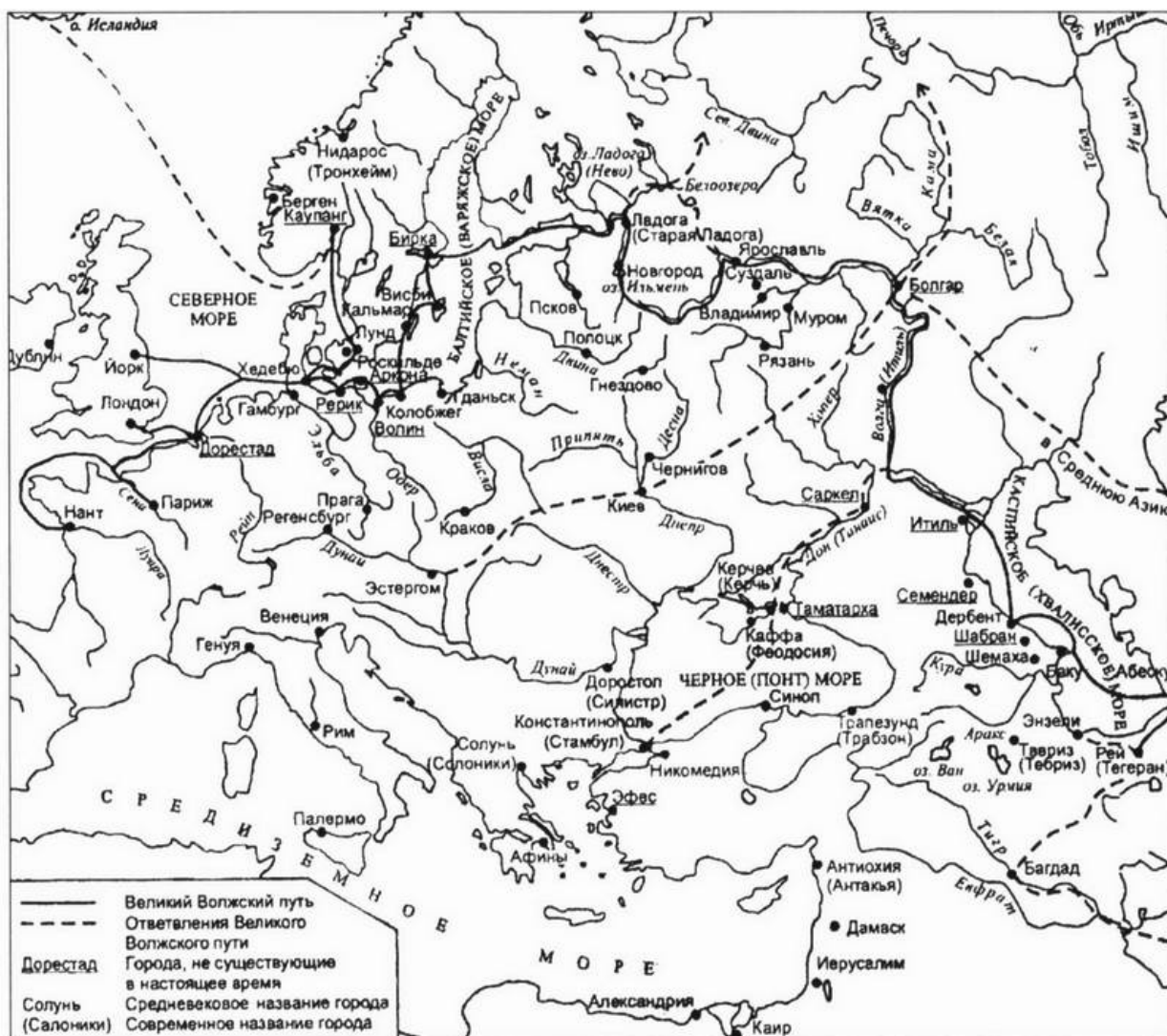

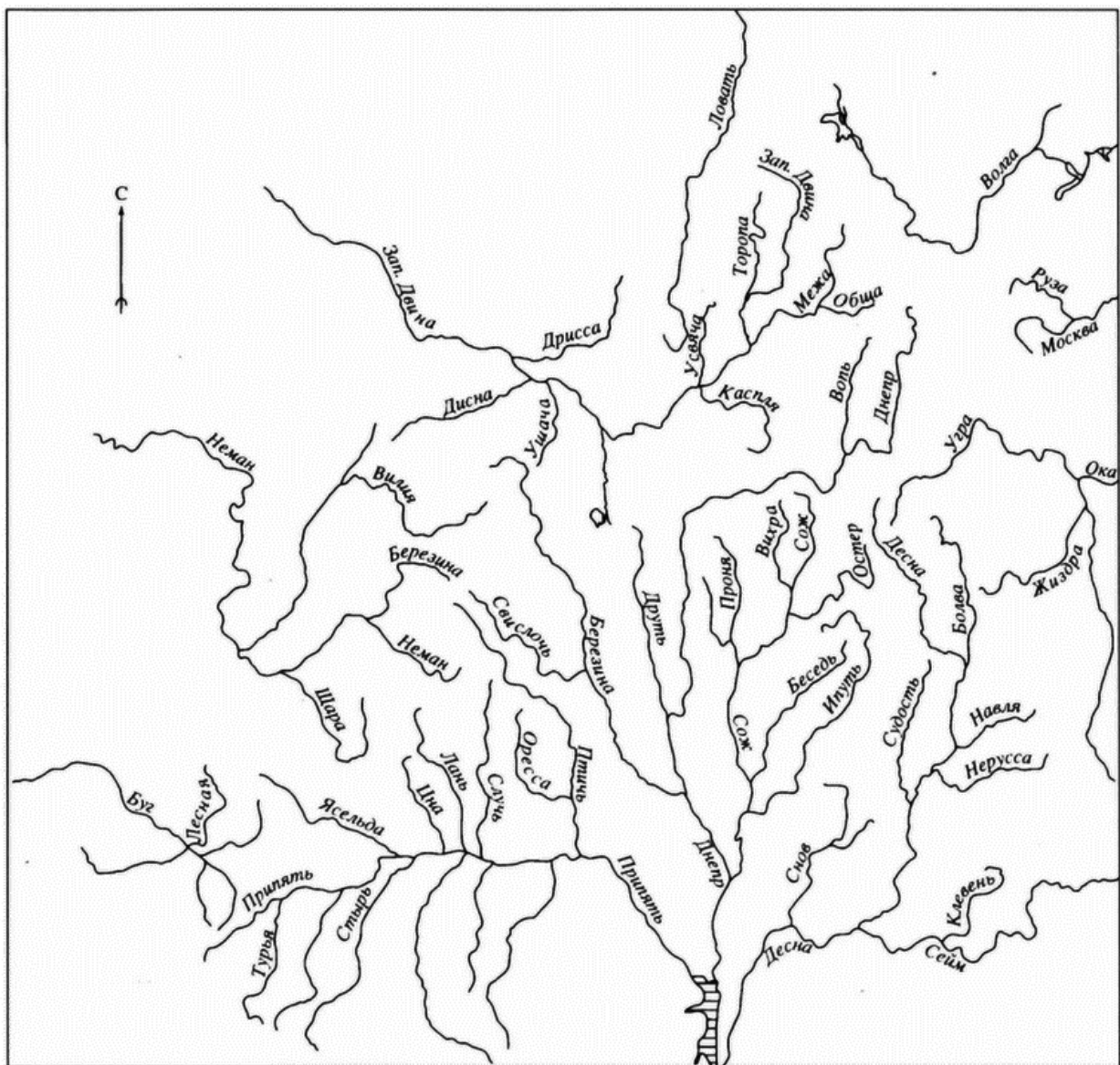
Рис. 48. Великий волжский путь и его ответвления в VIII—XI вв. (по А. Н. Кирпичникову с дополнениями С. В. Цветкова)

В связи с развитием международной торговли особую роль играл летописный Оковский лес, из которого брали свое начало все главные реки, формирующие водные пути Древней Руси. Как писал известный археолог Л.В. Алексеев, исследовавший этот вопрос: «Как далеко распространялся Оковский лес? Уже сама территория, очерченная летописью, показывает, что он был весьма велик. Так как из него вытекала р.

Западная Двина, то лес этот распространялся, следовательно, западнее ее истоков, т. е. доходил до верховьев р. Торопы, возможно, даже и до низовьев р. Куныи и до среднего течения р. Ловати. Малое количество остатков древних поселений и погребений в этих местах подтверждает это. На севере Оковский лес, вероятно, доходил до озер Селигер, Пенно или Стерж, а может быть, кончался правым берегом р. Полы. Его восточная граница начиналась у оз. Селигер, пересекала Волгу у устья р. Песочной, далее шла по левому берегу ее притока Пырышне к устью р. Молодой Туд». Далее Алексеев пишет: «На восток Оковский лес простирался южнее р. Молодой Туд. То обстоятельство, что из него вытекал Днепр, показывает, что лес доходил, во всяком случае, до верхнего (а, возможно, и среднего) течения р. Вазузы, но р. Вязьмы и г. Гжатска по-видимому, не достигал...»^[182] (рис. 49). Этот лес, имеющий важнейшее стратегическое значение для международной торговли, вошел во владения Рюрика.

Третьим и самым восточным форпостом Рюрика стало Белозеро, где жила летописная весь, откуда также можно было попасть на Волгу. Вот и посадил он туда своего второго брата Синеуса. С этим вопросом возникают самые большие сложности. Вот что пишет по этому поводу А.В. Куза: «Труднее решить вопрос о третьем участнике федерации: слишком запутанны и противоречивы здесь показания источников. Его племенное имя скрыто в предании под общим термином "чудь". Если следовать смыслу легенды, поместившей Синеуса на Белом озере, то искомым чудским племенем была обитавшая там весь. Такого этнонима древнейшие новгородские летописи не знают. Не встречается он и в Начальном своде (Новгородская I летопись младшего извода). Объясняется это, по-видимому, тем, что новгородцы причисляли весь к чудским (западнофинским) племенам». Но уже в Повести

временных лет весь упоминается в числе войск Олега. «Автор Повести хорошо знал, что весь живет в окрестностях Белозера, о чем и сообщил во вводной части своего труда. Сопоставив данный факт с местом княжения Синеуса, он логично включил весь в круг племен, подвластный первым новгородским князьям». Эти племена занимали огромную территорию — от Южного Приладожья до Белого озера и далее на восток, земли которых граничили с областью ильменских словен^[183].

Но вернемся к самому Белозеру. К сожалению, археологические раскопки в этом древнейшем древнерусском торговом городе показали, что он был основан не ранее середины X века, то есть уже значительно позже появления в этих краях Синеуса. Однако недалеко от него было обнаружено несколько городищ, которые могли бы претендовать на роль его резиденции. По мнению ряда ученых на такую роль мог бы претендовать древний Крутик, расположенный недалеко от Белозера и являющийся его предшественником, так же, как Рюриково городище по отношению к Новгороду. Как пишет археолог С.Д. Захаров: «значительный интерес исследователей к Крутику во многом обусловлен яркими находками, чрезвычайно рельефно отразившими торгово-ремесленную составляющую материальной культуры этого поселения»^[184] (рис. 50).

Главным сомнением, отвергающим это городище как резиденцию — его крайне малая площадь (0,6 га) и малое количество обнаруженного здесь оружия. На роль резиденции Синеуса с большим успехом может претендовать поселение, раскопанное рядом с деревней Васютино, но больше всего — единственное пока найденное во всем Белозерье укрепленное городище Никольское I, расположенное на берегу р. Кеми. На самом деле эти места были самыми глухими из тех, о которых говорилось ранее. Здесь проживало финно-угорское племя весь, главным занятием которого была охота. Скорее всего, эти места интересовали Рюрика не только возможностью выхода на Волгу, а, в первую очередь, богатством этих территорий пушным зверем; не следует забывать — главным предметом

международной торговли древних русов с Арабским Востоком были драгоценные северные меха.

Так что, возможно, Синеус должен был осуществлять контроль за главным пушным промыслом всего региона. А он здесь, судя по археологическим находкам, процветал — среди артефактов немало охотничьего снаряжения и костей пушных зверей, особенно бобров, мех которых и выделения секретий (бобровая струя) ценились особенно высоко. Что касается погребальных обрядов местного населения, то в них «прослеживаются определенные черты сходства с обрядами западных славян, сопочными погребениями Поволховья и погребениями типа "домик мертвых", характерных для веси, что говорит о смешении населения этого региона»^[185]. Возможно также, что древнее Белозеро покоится на дне самого Белого озера, границы которого значительно расширились благодаря строительству гидроэлектростанции (рис. 51-52).

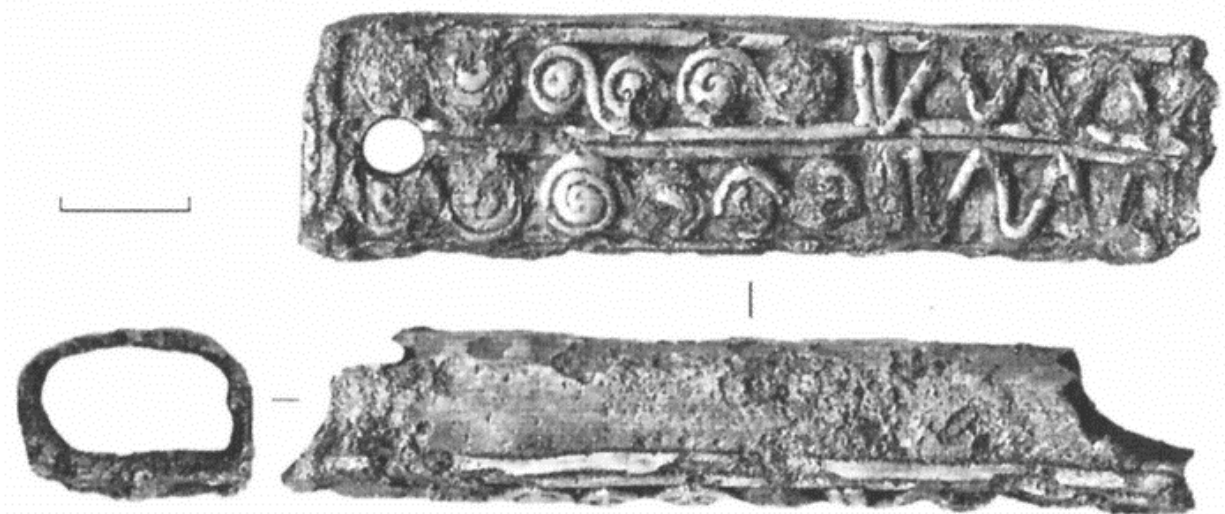

Рис. 50. Псалий роговой, бронзовая рукоятка ножа

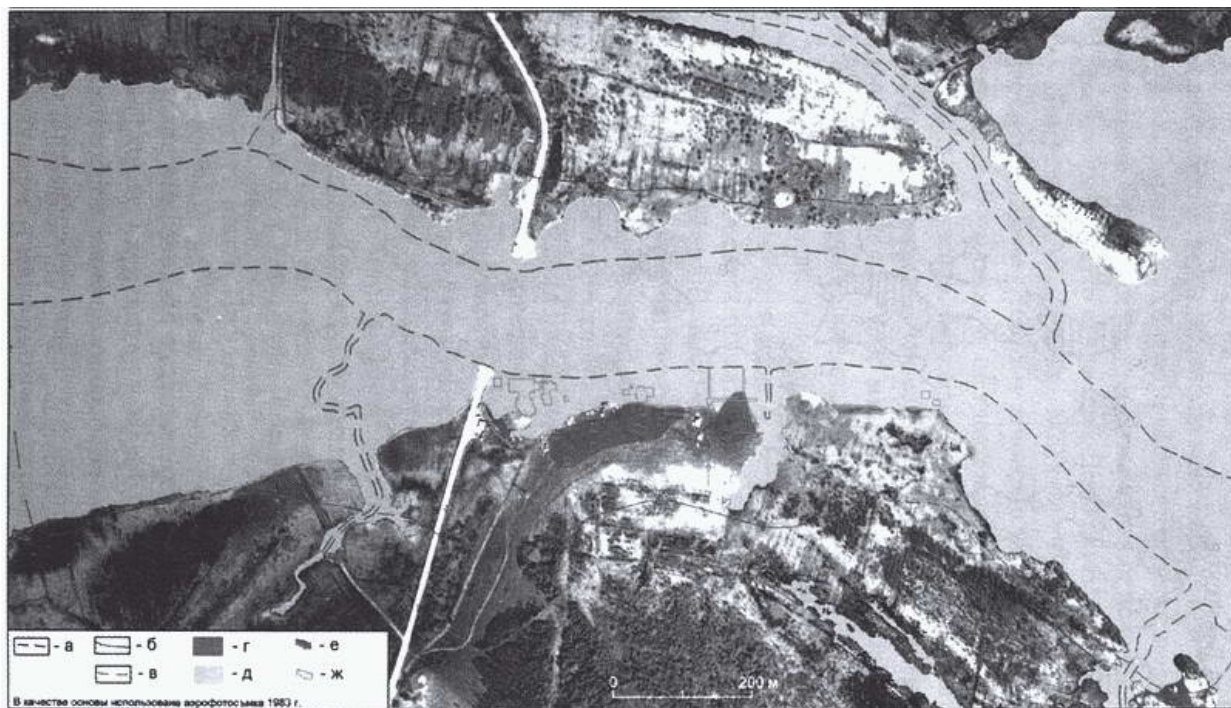

Рис. 51. Территория Бедоозера в X в.: а — берега рек до затопления; б — установленные границы культурного слоя; в — предполагаемые границы культурного слоя; г — установленная территория города; д — ?; е — раскопки, где обнаружены напластования этого периода; ж

— раскопки, где возможно наличие напластований этого периода (по С. Д. Захарову)

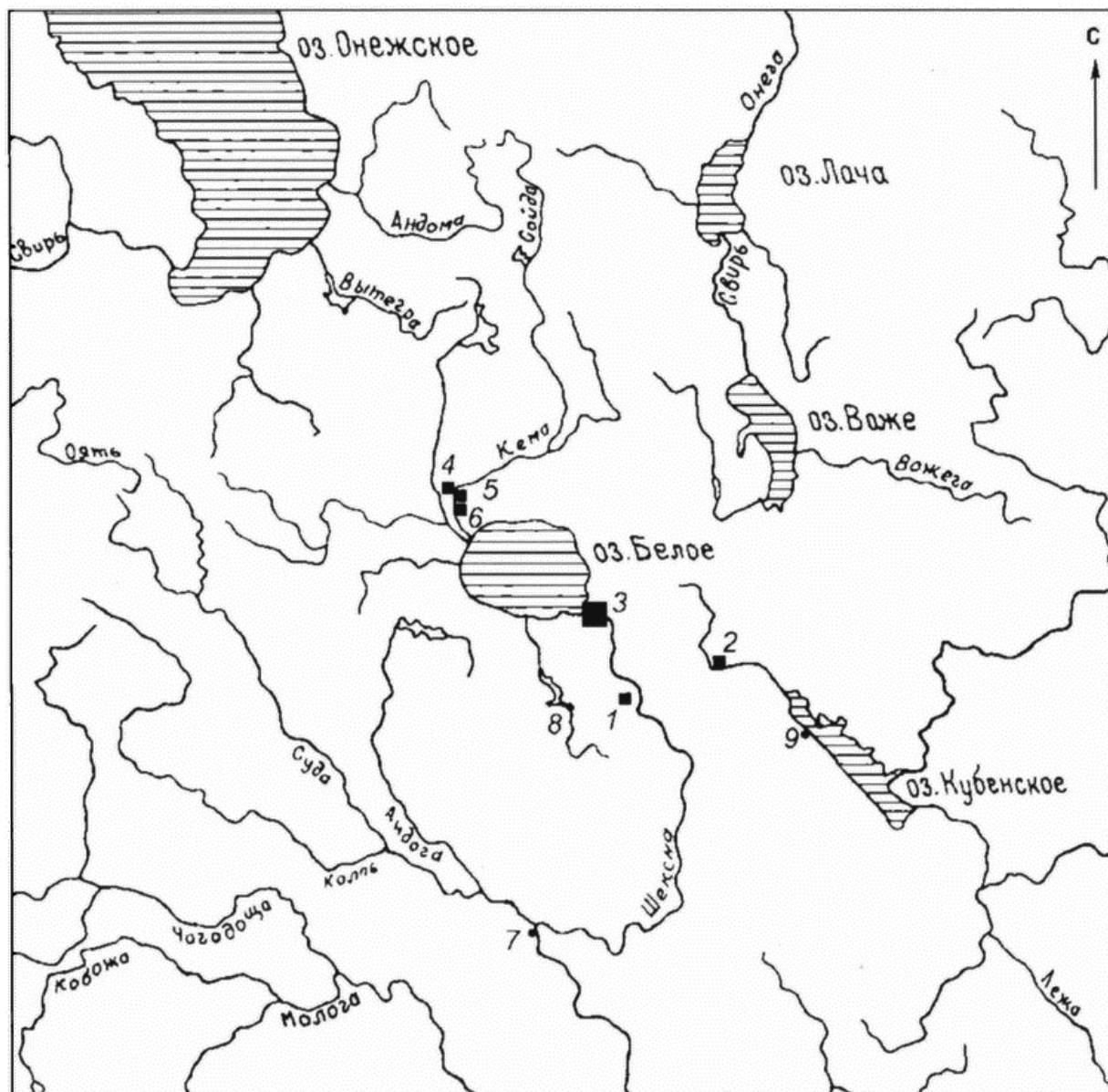

Рис. 52. Центральное Белозерье: 1 — Крутик; 2 — Могильник Нефедьево; 3 — Белозеро; 4 — Никольское V; 5 — Камские курганы; 6 — Никольское IV; 7 — Луковец; 8 — Нефедово; 9 — Владишнево

В Белозере сохранилось предание о Синеусе, относящееся к XVI веку, согласно которому Синеус сидел в Кистеме, где и умер. В Белозере существовал легендарный курган Синеуса, который был разрушен в конце XIX века^[186].

Верховья Волги были заселены славянами позже, видимо, во многом благодаря вытеснению славян со Средней Волги, которые проживали там со II века н. э., а также необходимостью организации волоков для выходов через Западную Двину, Ловать и другие реки севера России на Волгу и Днепр. Именно волоки, организация которых требовала достаточно глубоких знаний территории и которые существовали, судя по всему, еще в бронзовом веке, позволили в итоге вывести международную торговлю на высочайший по тем временам уровень, при котором арабское серебро циркулировало по всей Европе при посредничестве славян и русов. Спрятанные в труднодоступных лесах, получивших общее наименование Оковский лес, территорию этих волоков завоевать было достаточно сложно. Но вернемся к Поволжью.

«Поселения VII—IX вв. Москворечья и Верхневолжья остаются слабоизученными. Поэтому многое в истории этих регионов кажется туманным. В частности, не удастся детально проследить ход этногенетических процессов. Верхневолжский регион пополнялся небольшими группами кривичей, о чем свидетельствует появление здесь единичных длинных курганов»^[187]. Это может свидетельствовать и о попытке установления контроля кривичами над Волжским путем в тот период, когда Волга в ее среднем и нижнем течении контролировалась булгарами и хазарами.

Более ясная ситуация складывается в междуречьи Волги и Клязьмы. «Вопрос о сложении новой (мерянской) культуры в Волго-Клязьменском междуречье невозможно решить без учета распространения в этом

регионе предметов провинциально-римских типов. Их появление здесь, как и в других землях Восточно-Европейской равнины, безусловно, отражает прилив населения из Среднеевропейского ареала. Каких-либо следов иных миграций в археологических материалах при этом никак не обнаруживается. Следовательно, становление мерянской культуры может быть только результатом взаимодействия среднеевропейских переселенцев с финноязычными аборигенами. Эта культура, в некоторой степени, родственна культурам тушемлинской и псковских длинных курганов, сформировавшихся в то же время.

Большинство селищ второй половины I тыс. н. э. в Волго-Клязьминском междуречье занимают пологие склоны возвышенностей коренных берегов рек и озер. Площади их — от 1 до 6 га. Жилищами служили преимущественно наземные срубные постройки с печками-каменками. На некоторых поселениях выявлены и полуземляночные строения.

Известны и немногочисленные укрепленные поселения, среди которых выделяется Сарское городище на берегу оз. Неро, которое, по-видимому, было административным (племенным) центром. Оно устроено на всхолмлении среди заливных лугов. Его срединная часть площадью свыше 8 000 кв. м, обнесенная валами, была древнейшим селением, к которому со временем прирастали неукрепленные участки. Общая застроенная площадь поселения к X в. достигла 2,7 га.

Около Сарского городища исследован грунтовый могильник, в котором открыты захоронения по обрядам кремации и ингумации. Наиболее ранние погребения датируются VI—VII вв. Подобные могильники известны и в других местностях Волго-Клязьминского междуречья»^[188]. Не исключено, что название озера имеет кельтское происхождение. Галльское божество

Nerios связано с источниками, а индоевропейский корень *пег, означает «погружаться, нырять». Еще одно значение этого слова олицетворяет жизненную силу^[189].

Два типа захоронений могут свидетельствовать, что и в этом регионе проживали и русы, и славяне. Поселения в верховьях Волги, возможно, связаны также с близостью главной сырьевой базы для заготовки мехов — основного товара для торговли славян и русов с восточными и южными странами.

«Помимо находок, связанных с ремеслом и торговлей, на городище обнаружено большое количество предметов вооружения, что свидетельствует о военно-административном значении этого поселения». Е. В. Пчелов предполагает, что Сарское городище было племенным центром мери во времена Рюрика и контролировало северную часть Волжского торгового пути^[190].

«Как и в других регионах лесной полосы Восточно-Европейской равнины, затронутых среднеевропейской миграцией в Волго-Клязьминском междуречье, в составе переселенцев доминировал славянский этнический компонент»^[191]. Скорее всего, вторым по значению этносом, мигрировавшим в эти земли, были балты, также заинтересованные в развитии торговых путей.

«Среднеевропейские переселенцы очень скоро, если не сразу, вступили в контакты с финскими аборигенами. Это, в частности, наблюдается в округе оз. Неро, в регионе концентрации пришлого населения. Здесь образовались единые поселения и могильники с общей "мерянской" культурой второй половины I тыс. н. э. Постепенно единая культура распространяется по всему междуречью Волги и Клязьмы. Финноязычная мера, по-видимому, все более и более втягивалась в единый этногенетический процесс, который вел к формированию древнерусского населения Ростово-Суздальской земли»^[192].

Как и в других случаях, более высокоразвитые переселенцы русы и славяне приносили свою культуру в эти достаточно глухие и труднодоступные места, связь с которыми была возможна только водным путем.

«Очевидно, в условиях славяно-финского симбиоза этноним местного населения — меря — был перенесен, как это нередко было в древней истории Европы, на все население междуречья Волги и Клязьмы. Накануне и в период становления Древнерусского государства все жители Ростовского края назывались мерей»^[193]. Похожие процессы происходили и ниже по течению великой реки.

Понимая стратегическое значение Ростова для международной торговли, Рюрик отдал этот город в управление одному из своих сподвижников, поскольку меря входила в пресловутый союз пяти племен, призвавших Рюрика.

По мнению В.В. Седова, миграционные волны периода Великого переселения народов, исходившие из Средней Европы, затронули также междуречье Волги и Оки, о чем свидетельствуют, прежде всего, вещевые находки провинциально-римских типов. «До этого западные регионы междуречья были заселены балтами, родственными племенам днепро-двинской культуры, восточная часть принадлежала поволжским финнам». Появление здесь славян тоже не было случайным, поскольку представители днепро-двинской культуры достаточно активно занимались торговлей, и славянам нужны были свои базы на этом уже издавна действующем торговом пути. Уже в VII веке славяне проникли в область расселения поволжско-финского племени муромы^[194].

«В исторических событиях, отраженных на первых страницах русских летописей, мурома не упоминается. Она названа только в перечне племен во вводной главе Повести временных лет, а также в статье под 862 г., где

говорится, что древним населением города Мурома была мурома. Раскопки этого города свидетельствуют, что с момента своего возникновения это было славянское поселение. Вероятно, и здесь в процессе взаимодействия славян с местным финноязычным племенем имел место перенос этого этнонима на все древнерусское население Муромской округи»^[195]. У нас нет сведений входила ли мурома в сферу влияния Рюрика. Можно предположить, что Волго-Окское междуречье было юго-восточной границей территорий, контролируемых Рюриком.

Необходимо отметить, что еще задолго до появления на берегах Волги кочевых тюркских племен, здесь активно функционировала международная торговля, организованная славянами. Впоследствии Хазарский каганат и Волжская Булгария, утвердившись на берегах великой реки, контролировали крайне выгодную международную торговлю с Арабским Востоком, но, не имея навыков в мореплавании, были вынуждены обращаться к услугам русов. Не исключено, что призвание варягов во многом было связано с борьбой славян с экспансией хазар и булгар на Волге и Дону за владение главными торговыми путями, которые стремились взять под свой полный контроль тюркские племена этого региона.

В середине IX века словени ильменские, кривичи, весь, чудь и меря образовали военно-политическую и, возможно, торговую конфедерацию племен, отразивших набег варягов. Чуть позже они же их и призвали, что наверняка могло быть вызвано общими политическими и торговыми интересами. Возможно, что династия, из которой был приглашен на княжение Рюрик с братьями, контролировала всю торговлю в Западной Европе и с арабскими странами. Попытка «колонистов» стать самостоятельными пока была обречена на провал.

Нужна была легитимность, представителем которой на Севере Руси и стал Рюрик.

А. Г. Кузьмин, а вслед за ним и В. В. Фомин считали, что у балтийских славян государственность сложилась в виде городов-полисов, сохранявших довольно большую самостоятельность по отношению к княжеской власти. Прибывшие на Русь варяги, которых Кузьмин считал в узком смысле слова ваграми-варинами, населявшие южнобалтийскую Вагрию, привнесли сюда свой тип социально-политического устройства, «что-то вроде афинского полиса. Древнейшие города Севера, включая Поволжье, управлялись примерно так же, как и города балтийских славян», вид управления которых представлял собой тот же славянский тип, основанный полностью на территориальном принципе, на вечевых традициях и совершенно не предусматривающий возможность централизации. Именно для этого типа характерна большая роль городов и торгово-ремесленного сословия, в связи с чем на Севере была создана полисная система. А высокий уровень материальной культуры и отлаженность общественного управления обеспечили преобладание переселенцев на обширных пространствах севера России, а также быструю ассимиляцию местного неславянского населения^[196].

Теснейшие торговые связи Северной Руси с южнобалтийскими славянскими городами не вызывают сомнений. «Торговые связи Новгородской земли с Южной Балтикой фиксируются не только весьма ранним временем, но и характеризуются своей масштабностью. В науке отмечается, что до первой трети IX века включительно "основная и притом сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов обнаружена не на скандинавских землях, а на землях балтийских славян". Может быть, это та самая дань, что платили племена Северной Руси варягам? А. Н. Кирпичников на

основе самых последних данных уточняет, что «до середины IX в. не устанавливается сколько-нибудь значительного проникновения арабского серебра "на о. Готланд и в материковую Швецию (больше их обнаруживается в областях западных славян)" И это при том, что начало дирхемной торговли нумизматический материал позволяет сейчас отнести к 50—60 гг. VIII в. Из чего следует, что долгое время, почти сто лет эта торговля по существу не затрагивала скандинавов. Но вопреки фактам норманисты продолжают приписывать открытие Балтийско-Волжского пути скандинавам, утверждать, что "ранний этап восточноевропейской торговли следует рассматривать как норманнско-арабский" и т. п.

В.Л. Янин еще в 1956 году пришел к выводу, что торговые связи между восточными и южнобалтийскими славянами осуществлялись непосредственно и являлись "по существу внутриславянскими связями, развивавшимися без заметного участия скандинавов"»[\[197\]](#).

В.В. Фомин также утверждает, «что к балтийской торговле скандинавы имели либо опосредованное, либо самое незначительное отношение. Возникнув как чисто славянское явление, объединяющее балтийских и восточных сородичей, она лишь со временем втянула в свою орбиту какую-то часть скандинавов, преимущественно жителей островов Борнхольма и Готланда. В.М. Потин, ссылаясь на нумизматические свидетельства, отмечает, что путь из Южной Балтики на Русь пролегал именно через эти острова, "минуя, — констатирует ученый, — Скандинавский полуостров..." Клады на этих островах, добавляет он, "носят следы западнославянского влияния..."»[\[198\]](#). То есть как раз те острова оказались в русле международной торговли, где еще в вендельское время существовали кельтские

поселения, основанные именно для этих целей (рис. 53—54).

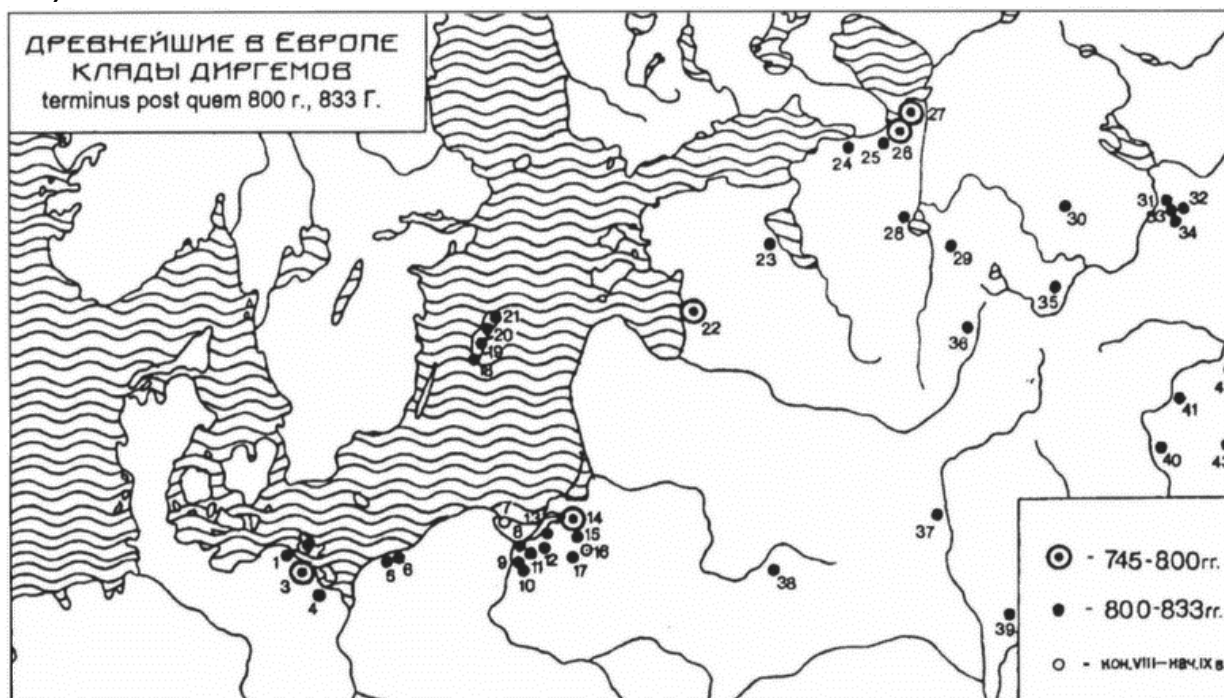

Рис. 53. Древнейшие в Европе клады диргемов (дирхемов) (по В.И. Кулакову)

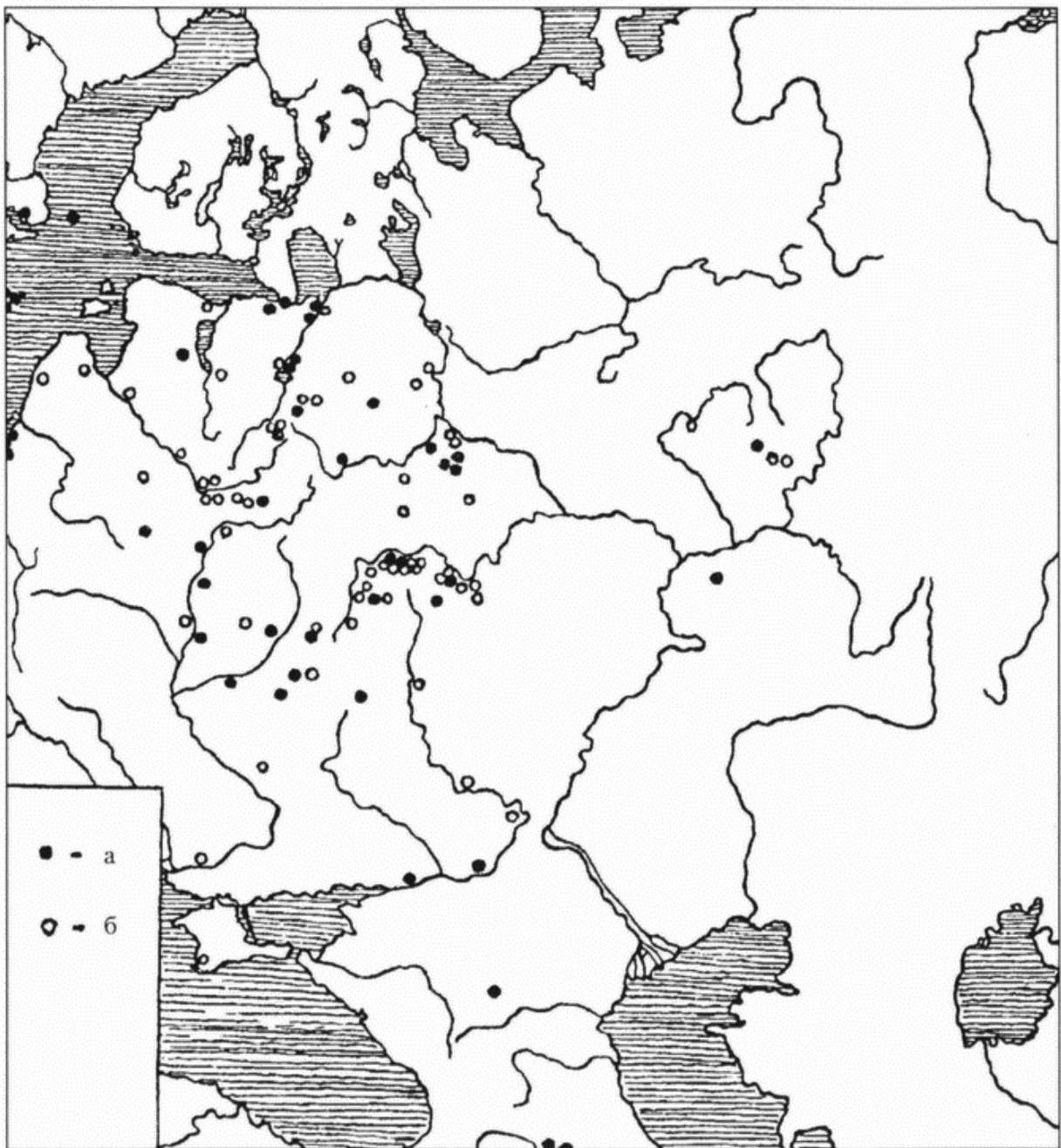

Рис. 54. Клады куфических монет конца VIII—IX вв. в Восточной Европе (по А.Г. Иванову):

а — клады начального периода обращения дирхема (до 833 г.), б — клады второго периода обращения дирхема (833-900 гг.)

Данные выводы подкреплены и заключениями лингвистов. «Н.М. Петровский, проанализировав новгородские памятники, указал на наличие в них бесспорно западнославянских особенностей. Д.К. Зеленин, в свою очередь, обратил внимание на балтославянские элементы в говорах и этнографии новгородцев. Исходя из этих фактов, оба исследователя пришли к выводу, что близость в языке и чертах народного быта новгородцев и балтийских славян можно объяснить лишь фактом переселения последних на озеро Ильмень. (Кстати сказать, одна из рек Южной Балтики носит название Ильменау. — С.Ц.) Причем Зеленин полагал, что "Roots — Ruotsi можно связывать с именем древнего прибалтийского народа Руги. Этим именем называлось славянское население острова Рюгена или Руяны". С.П. Обнорский отметил западнославянское воздействие на язык Русской Правды, объясняя это тем, что в Новгороде были живы традиции былых связей со своими сородичами...»^[199].

Еще С.А. Гедеонов писал о заселении Северо-Западной Руси выходцами с южнобалтийского побережья. Теперь его выводы подтверждает массовый археологический и антропологический материал. «По заключению археологов, южнобалтийская керамика "в древнейших горизонтах культурного слоя" многих памятников Северо-Западной Руси (Новгорода, Изборска, Старой Ладogi, Луги, Белозера и других). На посадe Пскова она составляет, например, более 81%, в Изборске более 60%. Причем значительное место в ней занимает лепная керамика, являющаяся, по мнению специалистов, одной из наиболее ярких этнических индикаторов, к тому же изготовлена она из местного сырья. В 1960-х гг. В.Д.Белецкий широкое присутствие южнобалтийского керамического материала в раскопках Пскова объяснял тем, что сюда переселилось славянское население "из северных областей Германии... "Затем В.М. Горюнова,

характеризируя западнославянские формы раннекруговой керамики Новгорода и Городка-на-Ловати, пришла к выводу, что "керамика этих форм не имеет корней на Северо-Западе и, скорее всего, принесена сюда выходцами с южного побережья Балтики"»^[200].

Если все указывает на Южную Балтику, как на прародину славян Северной Руси, то как объяснить появление скандинавских находок? Говорят ли они о присутствии скандинавов или об импорте? В. В. Фомин совершенно обоснованно заключает: «На фоне громадного южнобалтийского материала, обнаруженного на территории Северо-Западной Руси, абсолютно теряются малочисленные и чаще всего случайные скандинавские вещи, попадавшие туда в ходе торговли и военных действий. К тому же подавляющее большинство самого незначительного количества скандинавских находок в Восточной Европе, включая Новгород и Киев, относятся ко второй половине X — началу XI в., т. е. они позже призвания варягов и варяжской руси как минимум на сто лет»^[201]. Это вполне согласуется с данными скандинавских саг, которые знают двух князей Руси: Владимира и Ярослава — именно при них скандинавы и появляются на Руси в качестве приглашенных дружинников.

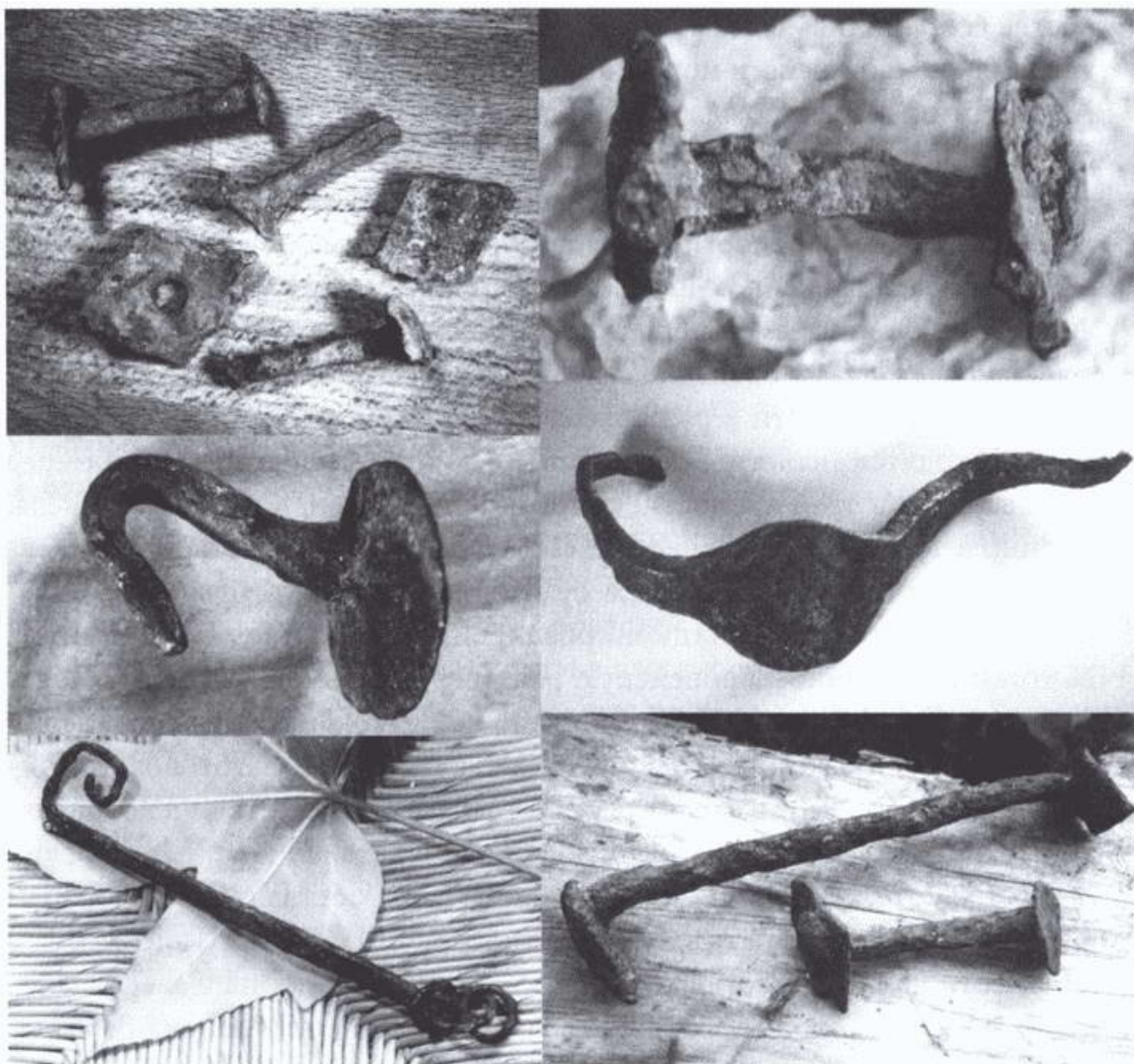
Касается Фомин и полного отсутствия скандинавских названий городов Руси. «И это тогда, когда скандинавские названия в огромном количестве сохранились в тех местах Западной Европы, куда действительно устремляли свои набеги норманны, и где они действительно оседали»^[202]. А топонимика всегда была и есть одним из важнейших признаков присутствия на данной территории конкретного этноса.

Эти выводы подтверждает и недавнее сенсационное по своей сути открытие каменной крепости на мысу, образованном впадением р. Любша в Волхов,

расположенной недалеко от Старой Ладogi, сделанное археологом Е. А. Рябининым. Любшанское городище, судя по всему, было тоже основано выходцами с западнославянских земель, на что указывает и сама конструкция крепости и ряд археологических находок. Да и топонимически находятся аналоги — южнобалтийский Любек. Огромный интерес вызывает роль этой крепости, основанной, видимо, в начале VIII века, именно в торговой деятельности. «Представляет интерес занятие древних любшанцев обслуживанием судоходного пути, который в это время только начал свое функционирование на Великом волжском пути из Балтики в Восточно-Европейскую равнину и далее на Кавказ, Закавказье и Арабский Восток. При раскопках найдена многочисленная серия (около 50 экз.) железных корабельных заклепок и их заготовок. Значимость их обнаружения заключается в том, что такие детали в корабельной технике использовались для соединения деталей крупных морских судов. Далее выходцы из Балтики должны были оставлять свои корабли в удобной гавани и плыть затем на мелких речных судах»^[203] (рис. 55).

То есть найдено не только одно из самых древних на Северо-Западе Руси укрепленное торгово-ремесленное поселение, основанное выходцами опять же скорее всего с берегов Балтийского моря, которое выполняло важнейшую функцию промежуточного морского и речного порта, где товар перегружался с судов морского типа на речные суда. Одно это свидетельствует о необыкновенно развитой уже в те времена торговле, да еще с применением столь высоких технологических приемов. К тому же этот факт говорит о мирном характере торговли и ее достаточно сильной монополизации славянами. Хорошо разветвленные речные пути Северной Руси, осложненные множеством порогов и системой волоков, требовали применения

особых, более мелких речных судов особой конструкции, чем применяли те же западные славяне на море. Корабли викингов, видимо, не очень-то хорошо могли ходить по нашим порожистым рекам в отличие от западноевропейских рек. То, что товар в городке на Любше, а впоследствии, и в Ладоге, перегружался из морских судов в речные, говорит, прежде всего, не только об особой стратегической важности этих городов для всей международной торговли, а в первую очередь о монополизации этой торговли славянами и русами. А имея такую монополию на международную торговлю, кто же к ней подпустит чужаков скандинавов? Даже если они могли попробовать захватить власть силой.

***Рис. 55. Любшанское городище. Корабельные заклепки,
такелажный крюк***

Ведь простой военный захват этих городов практически ничего не давал завоевателям. Дальше, вниз по Волхову, где уже скоро начинались первые пороги, морским судам уже было двигаться тяжело, к тому же надо было не просто знать сложную систему волоков, которая также охранялась укрепленными

городищами, а и иметь соответствующее оборудование. Может быть, благодаря этому мы практически ничего не знаем о водных сражениях русских с захватчиками, поскольку применение морского флота ими было обречено на неудачу. Морское нападение было возможно только на крепость на Любше и Ладогу, но никак невозможно на Псков, Изборск, Белозеро и многие другие города Древней Руси, в отличие от городов балтийских славян, нападения на которые именно с моря засвидетельствовано многочисленными источниками. Именно поэтому северную часть пути «из варяг в греки» и Великого волжского пути было труднее захватить. Скорее всего, именно этот фактор вызвал перенос своей резиденции Рюриком из Ладоги в Городище, ставшее предшественником Новгорода и получившее у археологов название Рюриково городище.

Но, судя по всему, древние любшанцы не только обслуживали прибывающих западнославянских купцов (на территории этого Городища совсем нет скандинавских находок), но и активно занимались торговлей сами, возможно, используя для этого собственные ювелирные изделия, о чем свидетельствуют находки «литейно-ювелирного характера», причем в очень большом количестве, и «такая концентрация находок, связанных с литейно-ювелирным производством, пожалуй, не имеет аналогий на остальных раннесредневековых памятниках Восточной Европы»^[204]. Хорошо было организовано и железоделательное и железообрабатывающее производство с применением уже хорошо нам известных по кельтскому миру технологий обработки железа и стали, и производство стеклянных бус (рис. 56).

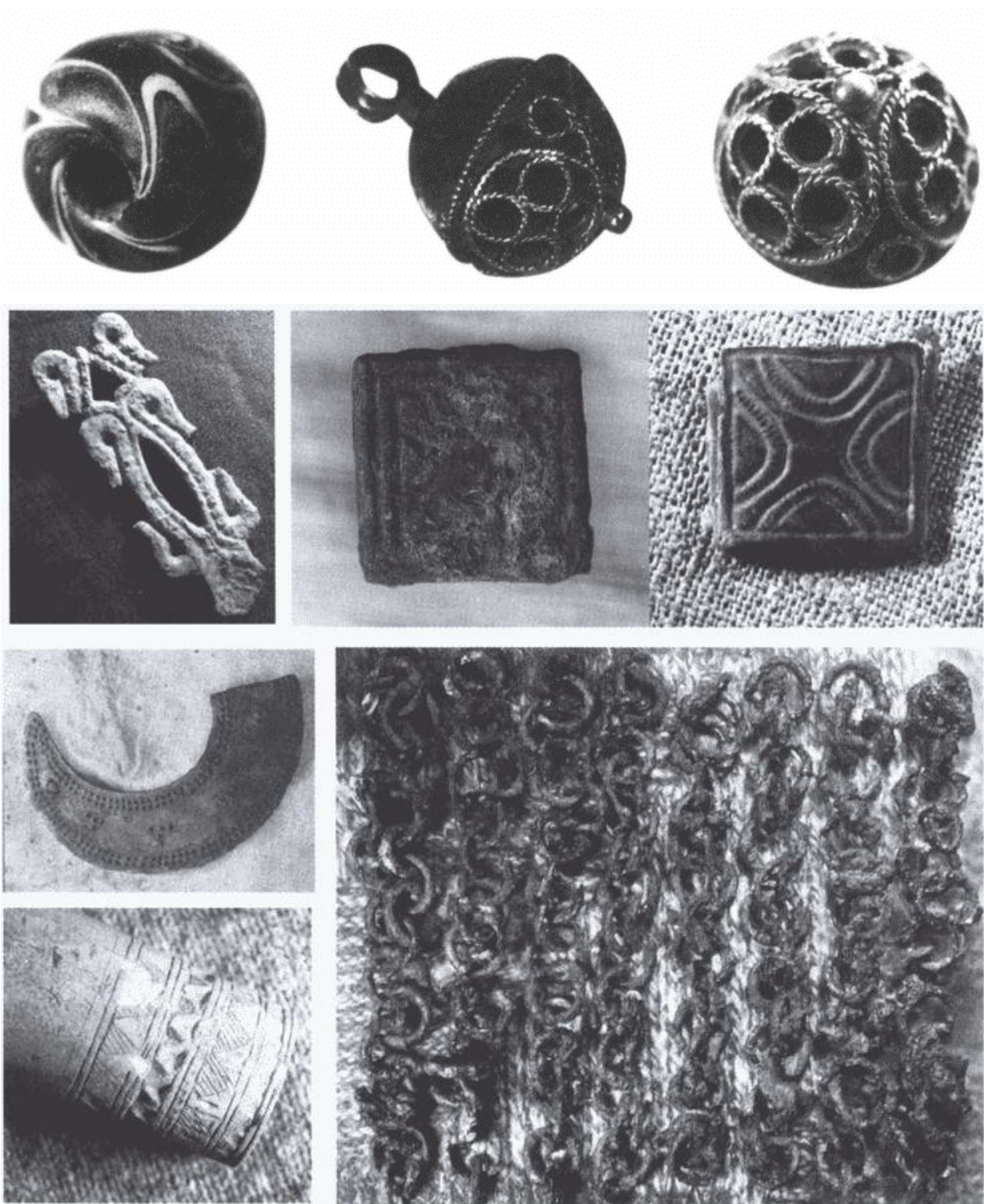

Рис. 56. Любшанское городище: стеклянная бусина, серебряная пуговица, зооморфное навершие, литейные формы, височное

Любшанское городище, являвшееся по тем временам достаточно мощным фортификационным сооружением, возникло, по крайней мере, на пятьдесят лет раньше Ладоги и было чисто славянским поселением. Вместе с тем, поражает тот факт, что археологические находки этих двух близких территориально поселений, расположенных на разных берегах Волхова, отличаются друг от друга, в частности стеклянные бусы. Такое ощущение, что это были конкурирующие поселения, мало общающиеся друг с другом. Не исключено, что одно из поселений в большей степени являлось сакральным центром, а другое — торговым. Такие парные города нередко встречаются в землях балтийских славян, классический пример тому Волин и Щецин, Аркона и Ральсвик.

Вместе с тем, если Любшанское городище было изначально крепостью, то древняя Ладога начинала свою жизнь как открытое ремесленно-торговое поселение, где крепость появилась не ранее середины IX века. А это значит, что древние любшанцы довольно спокойно относились к развитию Ладоги. Не исключено, что у этих двух поселений просто существовала своя ремесленная специализация, и они не только не мешали друг другу, а скорее дополняли. Вместе с тем, именно с момента своего возникновения очень скоро Ладога стала играть ведущее значение.

«Новые наблюдения обрисовывают доминирующее положение Ладоги в сфере северо-европейской серебряной и пушной торговли. На территории раннесредневековых ладожских поселений (Княщино, Ладожская каменная крепость, Ладожское земляное городище, Новые Дубовики) найдены клад и отдельные диргемы, соответственно чеканенные в 749-786, 738-

739, 773 и 778, 746-747 гг., а одна монета 688—700 гг. Эти находки, даже с учетом их определенной случайности, одни из древнейших в Восточной Европе и свидетельствуют о начале международной торговли серебром в 70-80-е гг. VIII в. В свете ладожских находок эта дата может быть удревнена и будет охватывать примерно 60-е гг. VIII в. (если не несколько раньше)»^[205].

Этот тезис подтверждают и находки, связанные с охотой на пушного зверя. Вот что пишет по этому поводу Н. А. Макаров: «В последние десятилетия на памятниках Севера выявлены и идентифицированы некоторые категории находок, свидетельствующие о широких масштабах пушной охоты и торговли мехами. Речь идет о таких предметах, как роговые наконечники стрел цилиндрической формы с тупым бойком (томаты), употреблявшиеся для охоты на пушного зверя, новгородские цилиндры-бирки, использовавшиеся для опечатывания мешков с меховыми ценностями и новгородские счетные бирки-сорочки, служившие для подсчета пушнины. Возможно, некоторые из этих вещей представлены и на памятниках Юга. Однако именно на Севере находки образуют значительные серии, документирующие существенную роль пушного промысла в накоплении богатств и формировании государственных доходов»^[206].

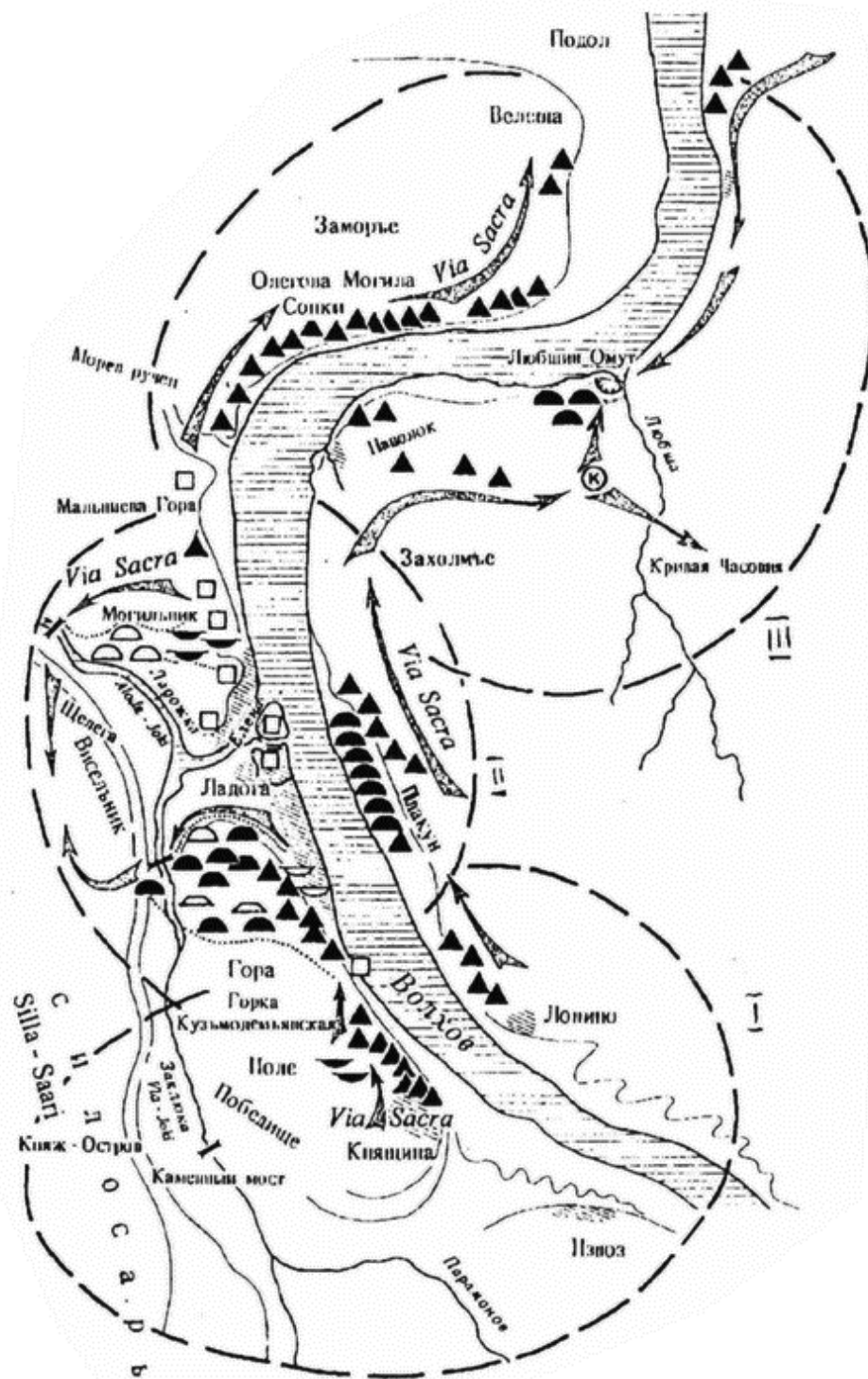

Рис. 57. Средневековая Ладога (по Г. С. Лебедеву)

На примере Ладоги удастся проследить развитие торгово-ремесленного поселения этого региона (рис. 57). Видимо, в конце VII — начале VIII века славяне достигают нижнего Поволховья и заселяют приречные земли, располагая поселения у порогов, переправ, т. е. на ключевых местах водного пути. «С самого начала эти поселения приобрели торгово-ремесленное значение, образовав в юго-восточном Приладожье зону межплеменной торговли. Создаются предпосылки возникновения территориально особой Ладожской земли. Возможности земледельческого возделывания данного региона были ограничены природными условиями. Материальная культура первых поселенцев, с одной стороны, унаследовала изделия их родины и районов странствия (вещи, знакомые по длинным курганам, височные кольца со спиральным завитком), с другой — включала образцы общеевропейских и прибалтийско-финских форм (кузнечные инструменты, мечи, копья, гребни, некоторые типы украшений, литейные формочки)»[\[207\]](#).

И если в первоначальный период времени существования Ладоги там не наблюдаются иностранные поселенцы, то в 800-850-е годы Ладога формируется в достаточно крупное торгово-ремесленное поселение. Ко второй половине этого периода здесь фиксируется проживание жителей Балтики, скандинавов, фриз, поморских славян и чудь. «С развитием евразийской серебряной и пушной торговли внешнеторговое значение Ладоги резко возрастает. В середине IX в. она становится крупнейшим портом и транзитным пунктом Восточной Европы и Западной Балтики. Ее торговые представители, возможно, селятся в поволжских и прибалтийских городах. В Ладоге обосновываются мастерские, перешедшие к работе на вывоз, и рынок международного характера. Возрастает контрольно-

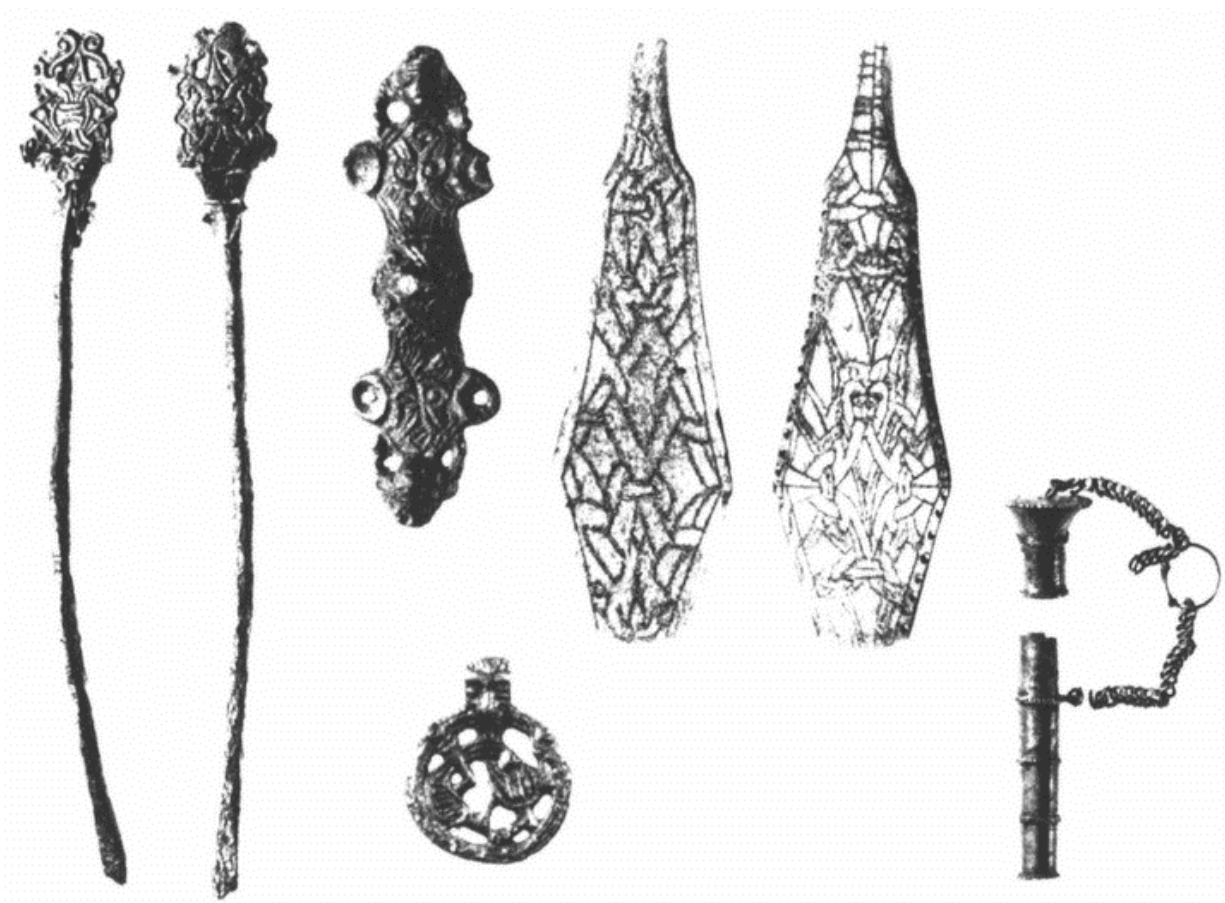
пропускная роль речных станций Ладожского оолоградья»^[208].

О ведущем значении Ладоги в развитии славянской культуры Северо-Запада пишет В.Я. Конецкий: «Возникнув в середине VIII в., она быстро превращается в крупный ремесленно-торговый центр. Собственная продукция ладожан и импорты, поступающие через этот пункт (бусы, ножи, выполненные в технике трехслойного пакета, некоторые другие железные изделия), в существенной мере определили облик культуры сопок последней четверти I тыс. н. э. Соответственно, доладожский период существования славянской культуры на Северо-Западе будет характеризоваться отсутствием вышеупомянутых материалов, что в значительной мере определяет "скромность" материальной культуры этих памятников»^[209].

А. Н. Кирпичников считает, что артефакты, «связанные с первым столетием жизни Ладоги, как и вся культура этого и последующих периодов, полиэтничны. Здесь при раскопках найдены средиземноморские бусы, фризские гребни, скандинавские бронзовые фибулы-застежки, железные гривны с молоточками скандинавского бога-громовержца Тора. С Востока привозились гирьки, стеклянные подвески-лунницы, перстни и бусы из сердолика и горного хрусталя. С южного побережья Балтийского моря в Ладогу поступал янтарь, частью обрабатывающийся на месте. Встречаются здесь и финские украшения (кресала, гребни, копоушки, булавки, подвески)». Кирпичников отмечает также: «Люди того времени охотно пользовались изделиями разных народов и культур». Он замечает, что большое количество славянской глиняной посуды «представлены во всех напластованиях Ладоги. Однако особое внимание обращают на себя женские височные кольца и некоторые украшения женского убора, которые могут служить устойчивым

этноопределяющим признаком. Именно по этим вещам устанавливают присутствие славян в составе первоначальных ладожан. Таково, например, бронзовое серповидное кольцо с семью отверстиями для подвешивания трапецевидных подвесок. Такие кольца характерны для кривичей, пришедших в Ладогу из более южных областей. Аналогичного происхождения круглая бронзовая бляха с выпуклостью в центре и симметричным глазковым орнаментом. К ней приближаются по оформлению и технике отделки своеобразное височное кольцо полулунного очертания.

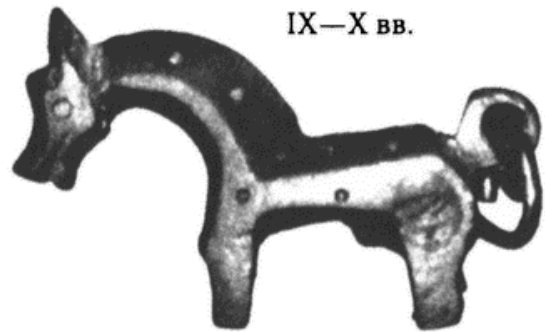
Выделяются также не единичные для Ладоги бронзовые и серебряные провололочные кольца со спиральным завитком. Древнейшие украшения этого рода (VII—VIII вв.) зафиксированы между Балканами и Днестром и попали на Верхний Днепр и в Ладогу вместе с переселившимися на север южными славянами. В X в. подобные провололочные кольца станут общерусским украшением. Таким образом, предметы женского убора помогают вычленить славянское присутствие в первоначальной Ладоге, что поразительным образом соответствует упоминанию в летописном "Сказании о призвании варягов" двух племен — словен и кривичей, по-видимому, принявших вместе с финскими племенами участие в формировании этого центра». Кирпичников исключает норманнов в качестве основателей Ладоги, хотя не исключает их присутствия, которое, как он считает, станет более заметным в середине IX века^[210] (рис. 58, я, б, в, г).

Бронзовые изделия: булавка, игольник, равноплечная фибула, подвеска и костяная копоушка. IX—X вв. Раскопки В.И. Равдоникаса и В.П. Петренко

Поясная накладка с изображением
бегущего зверя. Бронза.
Случайная находка

Конек из бронзы.
IX—X вв.

Рис. 58.а

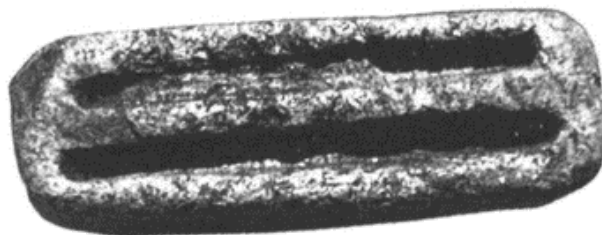
Рис. 58.б. Старая Ладога. Вещи из латуни, олова, золота, стекла, янтаря из мастерской второй половины IX в.

Часть фибулы.
Золоченая бронза. X в.

Железный амулет-молоточек
Тора, серебряная фибула
с длинной иглой и каменная
форма для отливки
платежных слитков. X в.
Раскопки А.Н. Кирпичникова

Пластина с изображением летящей стрелы.
Вторая половина X в.
Раскопки А.Н. Кирпичникова

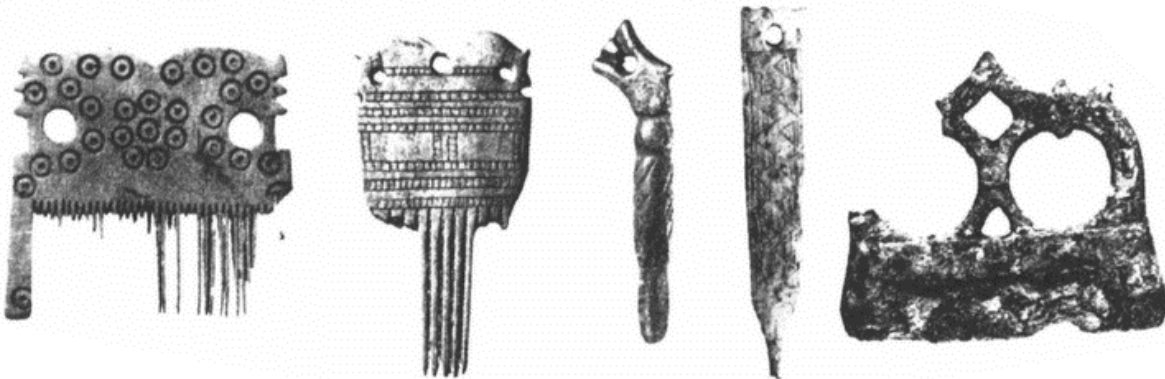

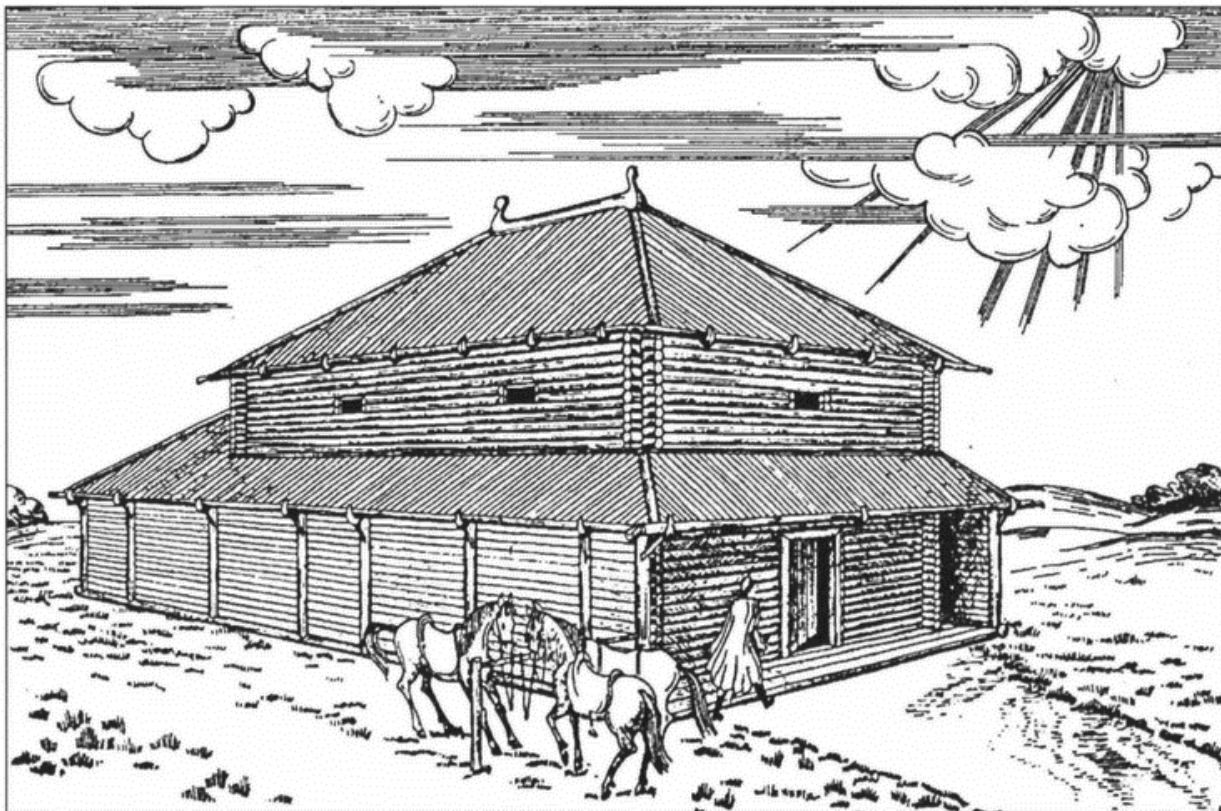
Рис. 58.г. Старая Ладога. Изделия из кости

Интересны и ладожские находки начального этапа существования поселения, где в нижних слоях культурного слоя были обнаружены жилые постройки площадью от 42 до 120 м² с печью посередине помещения, которые принимались и за финские и за шведские традиции. Эти постройки, вместе с тем не имеют, по мнению исследователей, ни Центральноевропейских ни Североевропейских аналогий^[211]. «Остается невыясненным вопрос о происхождении самого типа ладожского крупного дома, некоторое время сохранявшего в своем облике пережиточные черты общеевропейского халле. Это проявляется в таких деталях, как внутренние подпорные столбы, трехнефность, центральное положение отопительного устройства. Ясно однако, что первые поселенцы пришли в Нижнее Поволховье с уже сложившимися навыками домостроительства»^[212] (рис. 59—60).

Вместе с тем, подобные большие дома, аналог которым находят в описании Ибн-Фадлана, известны в г. Щецине и в других городах балтийских славян под именем контин. «Русы, — рассказывал Ибн-Фадлан, — прибывают из своей страны и причаливают свои корабли

на Атиле (...) и строят на ее берегах большие дома из дерева, и собирается их в одном

(таком) доме 10 и (или) 20 — меньше или больше, и у каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ним сидят девушки — восторг для купцов»^[213]. О подобных зданиях поморян свидетельствует Герборд. Описав главную контину Щецина, которая, скорее всего являлась языческим храмом, он пишет и о трех других, имевших явное общественное значение: «Три других контины менее уважались и были менее украшены; внутри их кругом расставлены были скамьи и столы, потому что тут происходили совещания и сходки граждан: в определенные дни и часы они собирались затем, чтобы пить, играть или рассуждать о своих делах»^[214].

**Рис. 59. Опыт архитектурно-археологической реконструкции
«большого дома» горизонта E-1. Общий вид**

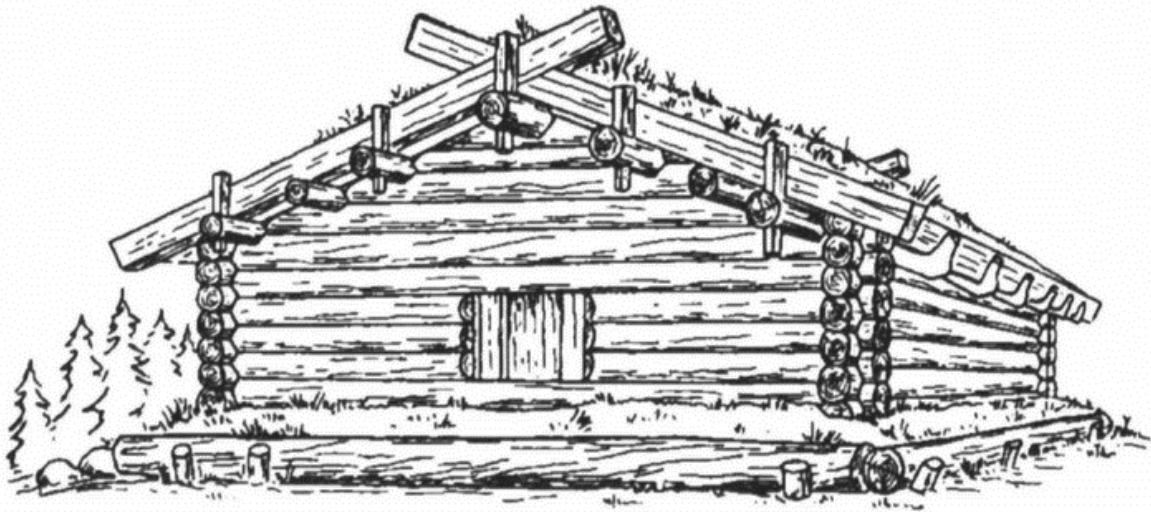
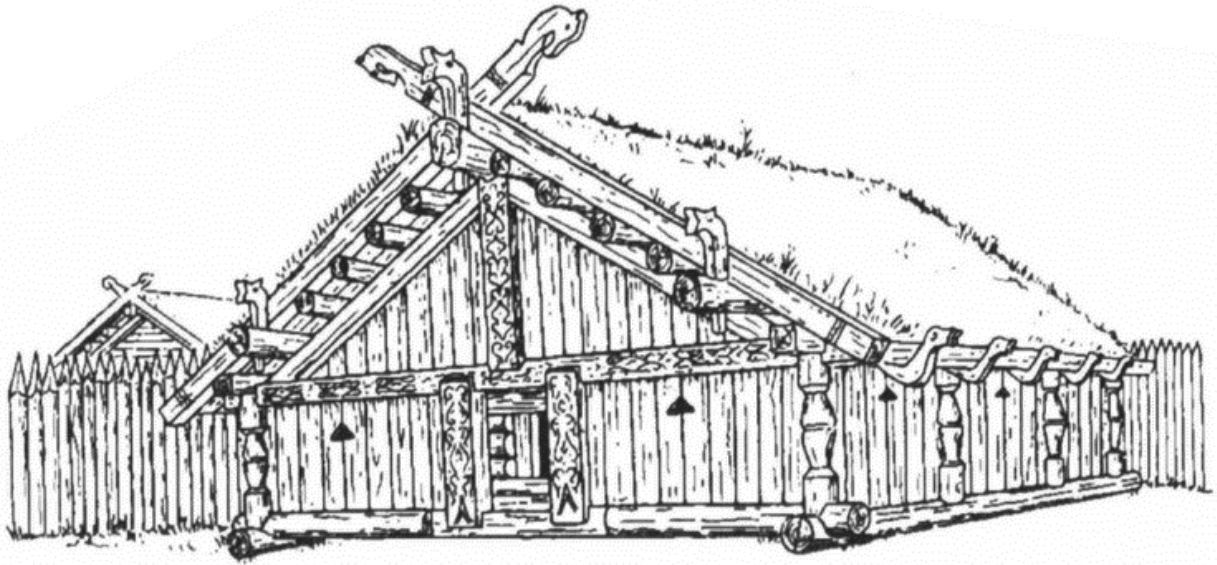

Рис. 60. Старая Ладога. Деревянные дома второй половины VIII—IX вв. Реконструкция Ю. П. Спегальского; угол стены постройки X в.

Эдакий купеческий клуб, не правда ли? Подобные большие дома, служившие корпоративным целям, строились по всему Балтийскому региону, Псковской и Новгородских землях, в Верхнем и Среднем Поволжье, одним словом там, где действовали купцы-русы. Они служили и временным хранилищем товаров, и местом собраний, и, возможно, местом ночлега. Необходимо отметить, что, по моему мнению, эти «большие дома» не имеют никакого отношения к скандинавским «длинным домам». Это и функционально и архитектурно совершенно разные типы строений, не говоря уже о том,

что первые имели скорее общественное, чем жилое значение, в отличие от первых.

Поэтому не случайно, с учетом ее ведущего положения среди других городов Северной Руси, выбрал Рюрик своей начальной резиденцией интернациональную Ладогу. Видимо, и до его прихода Ладога была административным центром союза славянских и финно-угорских племен северо-запада Руси.

Ладога как городище существовало не само по себе. Ладожское Поволховье активно заселялось с середины (если не раньше) VIII века и, как показало сплошное археологическое обследование, в эту эпоху здесь образуется самостоятельная поселенческая область-волость, расположенная, судя по выявленной цепочке сопок и поселений на протяжении 65 км вдоль р. Волхов. «Расположение поселений во многом было обусловлено находившимися здесь гостинопольскими и пчевскими порогами и необходимостью устройства "волоковых" станций, обслуживавших транспортное судоходство. Особенно интенсивно было освоено береговое пространство протяженностью от селения Старые Дубовики до д. Велеши. Примерно в середине этой полосы и помещалась Ладога с окрестными выселками. Возможно, что раннесредневековые поселения данного района возникли одновременно, образуя своеобразную приречную агломерацию. При этом сама Ладога являлась, вероятнее всего, административным, религиозным и территориальным центром округа»^[215].

Одновременная организация инфраструктуры вдоль Волхова говорит о том, что появившееся здесь южнобалтийское славянское население изначально было ориентировано на международную торговлю, что подтверждает и практически синхронное появление на этой территории арабских дирхемов. Выходцев с Балтики интересовала только торговля, на

обслуживание которой работала вся инфраструктура Поволховья.

Многие исследователи производят название города Ладога из угро-финских языков и считают, что изначальное название Ладоги — Альдегьюборг — так назывался этот город в скандинавских сагах. Вместе с тем, есть хорошее славянское слово «лад» (т. е. согласие), «ладить». Учитывая, что изначально Ладога была славянским городом, ориентированным на международную торговлю, ее интернациональному впоследствии населению необходимо было ладить друг с другом. Может быть, не нужны хитроумные лингвистические построения, и истина, как это часто бывает, лежит на поверхности.

К тому же в славянском языческом пантеоне есть богиня Лада (Лад — в мужском варианте), которую особо чествовали многие славянские и балтские племена в день Ивана Купала. Существует огромное количество географических названий по всему славянскому и балтскому миру. Этому богу приносили в жертву белоснежного петуха^[216]. Кстати сказать, подобное жертвоприношение русами петухов описано у Константина Багрянородного. Может быть, не случайно, ближайшее к Ладоге Люб-шанское городище стоит на реке с названием Любша. Любовь и лад всегда — рядом.

Каковы же были языческие божества славян и русов времен Рюрика? Возможность реконструкции языческого пантеона Северной Руси основана на простом и очевидном факте — первые христианские храмы строились на местах языческих храмов, святилищ и почитаемых природных объектов. Эту традицию начал креститель Руси князь Владимир. В качестве примера для подобной реконструкции может служить древнерусский город Ладога (ныне Старая Ладога), основанный в середине VIII века, чей языческий пантеон, возможно, был наиболее архаичен для этого региона. К

тому же многие специалисты вполне оправданно считают этот город первой столицей Северной Руси, где находилась резиденция первых русских князей, в том числе Рюрика и Олега. Вне всякого сомнения, Ладога являлась и языческим сакральным центром на протяжении нескольких столетий.

Пантеон ладожских языческих богов воспроизводится не только по аналогиям функций христианских святых и языческих богов типа Перун — св. Георгий или Илия Пророк, Велес — св. Власий и так далее. Ключом к пониманию служат еще и время их чествования. Так, день рождения Иоанна Предтечи (7 июля) согласуется с Купальскими языческими торжествами, весьма и весьма распутными. А ведь этот суровый святой и был казнен по наущению распутницы Иродиады, жены иудейского царя Ирода. Иоанну отрубили голову и принесли ей на блюде. Хочешь не хочешь, а вспоминаешь культ мертвой головы у кельтов. По иронии судьбы именно в день усекновения главы Иоанна Предтечи жители этих мест начинают собирать урожай капусты.

Попробуем, следуя принципу соответствия: христианский персонаж — языческий бог, восстановить, каким же языческим богам молились в древней Ладоге, если примем за аксиому, что первые христианские храмы строились именно на местах языческих святилищ, и каким святым или христианским праздникам они посвящены, а также какие дни церковного календаря связаны с чествованиями этих святых. Это позволит более конкретно обозначить и самих богов. Известно, что креститель Руси князь Владимир «приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие, где творили жертвоприношения князь и люди»^[217]. Кстати сказать, напротив Староладожской крепости на другом берегу

Волхова находится средневековый храм святого Василия Великого.

Не вызывает сомнения, что культ наиболее важного бога Северной Руси — Велеса связан с урочищем Велеши, где расположен самый древний ладожский некрополь — сопки VIII—XI веков, являющийся северной оконечностью Ладоги. Вполне возможно, что в качестве святилища использовалась самая высокая сопка, известная как легендарная Олегова могила. Итак, с Белесом все понятно — его культ отправлялся, скорее всего, в урочище Велеши. Отсутствие в урочище христианской церкви, возможно, связано с тем, что ее не захотели строить среди языческих захоронений.

Далее, следуя вверх по течению Волхова, мы видим Малышеву гору, одно из самых возвышенных мест Ладоги, на которой возвышается церковь Иоанна Предтечи, с примыкающим к ней небольшим храмом, посвященным Параскеве-Пятницы. Известно, что в XII веке здесь существовал Иоанновский монастырь.

С церковью Параскевы-Пятницы тоже вроде бы все ясно — можно предположить, что здесь было языческое святилище Мокоши — женской богини урожая и земли, богини судьбы и покровительницы брака. Связь Мокоши и Параскевы-Пятницы не вызывает сомнений. Возможно, именно ее именовали «матерью сырой землей». Интересно, что ее день отмечается 28 (10 ноября) октября, то есть за три дня до главного кельтского праздника Самайна, когда духи умерших посещают землю. Мученице Параскеве молились о сохранении полей и скота. Ее образ являлся иногда в реке или колодце и придавал воде особую силу. Она исцеляла так же и от болезней и недугов. К ней обращались молодые девушки как к покровительнице брака. Ей ставили на перепутьях и перекрестках дорог небольшие придорожные часовни или столбы с образами. С этого дня начинали трепать лен и прясть пряжу, первину

которой приносили в церковь и освящали. Очень похожа Параскева-Мокошь на кельтскую языческую богиню Бригитту, также ставшую одноименной святой после принятия христианства — именно она спасла святого Патрика от неминуемой гибели. Кельтское (если не индоевропейское) происхождение Мокоши наиболее вероятно^[218].

С храмом Рождества Иоанна Предтечи тоже все понятно: его строительство связано с культом Купалы! Тем более что Малышева гора традиционно связана с празднованием Купалы в этой местности. Понятно также, почему Купала и Мокошь рядом — на Ивана Купалу дозволены свободные сексуальные связи и происходил своеобразный выбор невест. То есть у Мокоши и Купалы есть общие функции — брак. Не следует забывать, что именно в день Ивана Купалы происходит летнее солнцестояние, когда ночь самая короткая в году, т. е. с 22 на 23 июня (по с. с).

Следующая сакральная точка Ладоги — храм Успения Богородицы. День Успения отмечается 15(28) августа. Именно в этот день нужно было успеть дожать последний сноп озимого урожая. Причем, накануне Успения женщины катались по жнивью и причитали: «Жнивка, жнивка! Отдай мне мою силку: на пест, на колотило, на молотило, на кривое веретено!». Когда, совершив этот ритуал, женщины и девки возвращались домой, их обливали водой.

На Успенье освящали в церкви свежесвеженный хлеб из новой муки и разговлялись им по возвращении из храма. Такой хлеб считался целебным. В этот день было принято устраивать «мирскую складчину», заменившее языческое жертвоприношение — резали барана, пекли пироги, совместно варили пиво и отмечали праздник. После сбора урожая начинались и свадьбы. Вполне возможно, что на месте Успенского

собора находилось капище главной покровительницы Ладоги — богини любви и согласия Лады.

С первого приезда в Ладогу я был уверен, что ее название связано с именем славянской богини любви и согласия Ладой, казалось, это лежит на поверхности. Вместе с тем практически во всей литературе говорится, что это название финнско-скандинавского происхождения и что, мол, русская Ладога происходит от Альдегьюборга: так именовался этот город в исландских сагах. Как бы и русский город Санкт-Петербург назван на заграничный манер. Только больно сложные лингвистические построения делают специалисты, доказывая скандинавское происхождение названия Ладоги. Альдегьюборг более созвучен Альденбургу — немецкому названию Старград, что в переводе означает «Старый город». Ладога могла стать Старым градом после образования Новгорода.

Теперь следующая сакральная точка — стоявшая некогда здесь Спасская церковь (XII в.) на Варяжской улице, построенная недалеко от языческого храма, найденного археологом Петренко. Отмечался на Руси Первый Спас (их всего три) 1(14) августа еще и как память Крещения Руси 1 августа 988 года. Первый Спас называют также «Спасом-на-воде» и «медовым Спасом» — в этот день освящали первый мед и варили медовуху, а также освящали естественные водоемы, купали лошадей в последний раз и купались сами, чтобы смыть грехи и быть здоровее. Отмечали этот день и как «проводы лета». Молодежь выносила за околицу ряженую куклу из соломы, где ее топили в реке или разрывали и бросали по ветру. Интересно, что день Первого Спаса совпадает с одним из четырех сакральных кельтских праздников — Лугназадом, посвященного Лугу, покровителю торговли, соответствующему по своим функциям славянскому четырехголовому Святовиту.

Не следует забывать, что языческий храм Старой Ладogi больше всего соответствует по архитектурному решению знаменитому храму Святовита в Арконе, на острове Рюген (Руяна) — самому кельтскому месту Балтики. Поэтому все это далеко не случайно (рис. 61, 62).

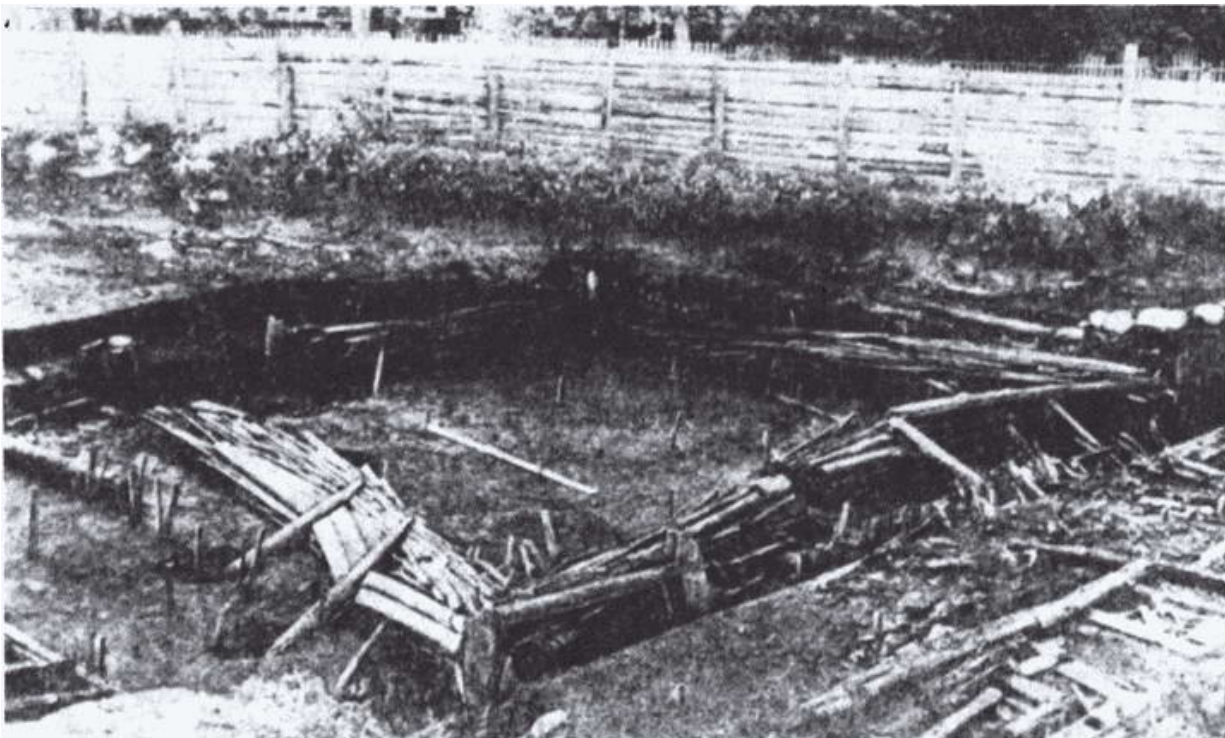

Рис. 61. Большая постройка II-V-5. Нижний ярус. Вид с северо-востока

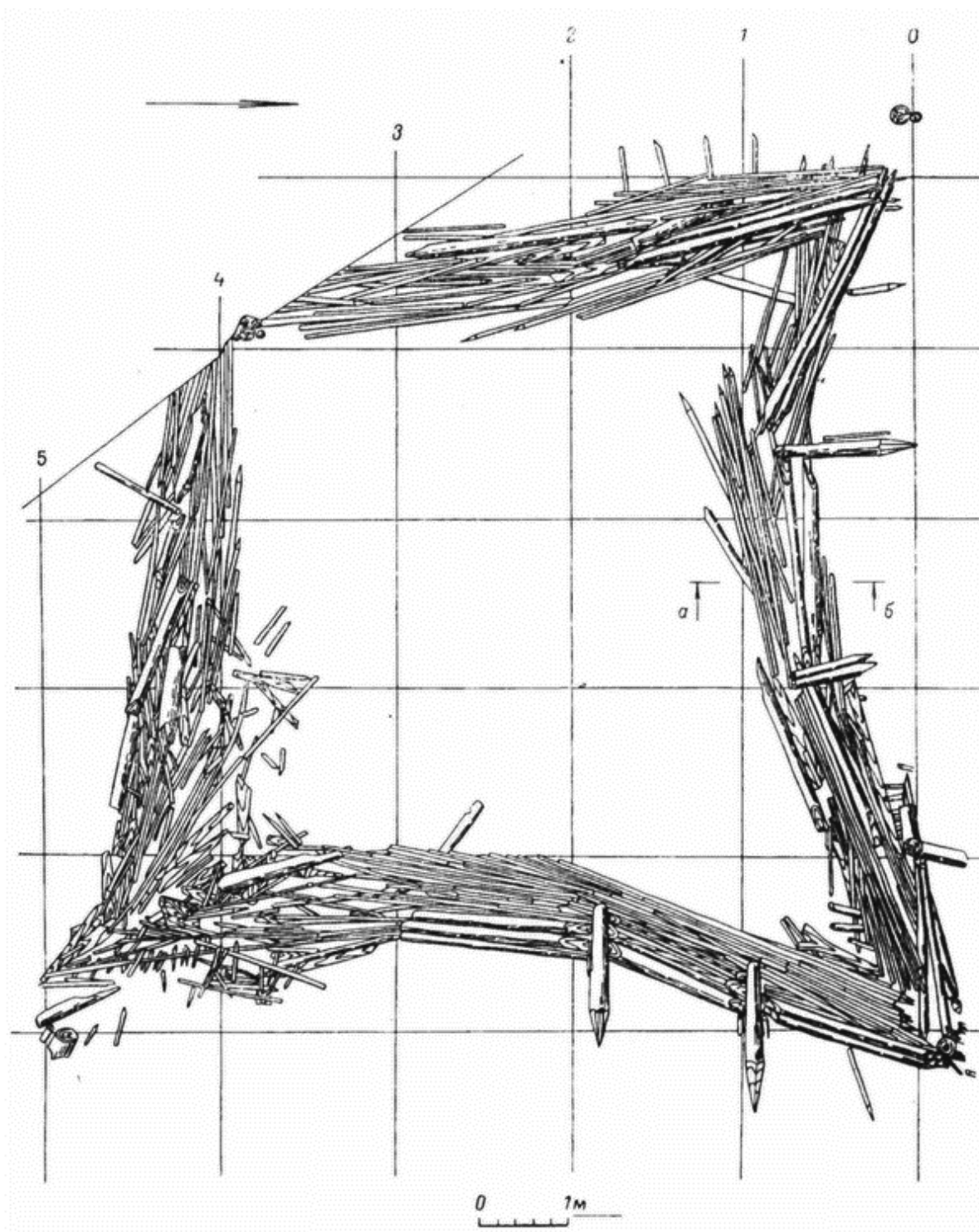

Рис. 62. Большая постройка II-V-5. Нижний ярус. План

На Варяжской улице была еще церковь Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, коим был посвящен день 3(16) февраля, т. е. на следующий день после Сретенья, а ведь именно в Сретенье встретил Симеон Марию с Христом на руках. По народным приметам Сретенье считается границей между зимой и весной, так же как и кельтский праздник Имболк, отмечаемый 1 февраля. Этот день определяет, какая будет весна. В этот день изготавливают и освящают специальную свечу — «Громницу», которой приписывают чудодейственную силу. Придя домой из церкви с такой свечой, ею подпаливали себе волосы, а потом ее разламывали и несли в хлев, к скотине. В этот день начинали готовить семена к посеву и выгонять скотину из хлевов в загоны для разминки. Следует отметить, что у кельтов именно со Сретеньем связано празднование Имболка, тем более что этот праздник совпадает с днем св. Бригитты.

Большой интерес представляет место слияния рек Ладожки и Заклюки, образующих омут, из которого вытекает речка Ладожка (Заклюка считается ее притоком), которая через сто или более метров впадает в Волхов. Если смотреть на место слияния этих рек, то видно, что их русла образуют в плане криволинейную трехлучевую свастику. Перед омутом расположена довольно большая ровная площадка, часто затапливаемая во время половодья. В конце этой площадки расположен останец из белого песчаника с плоской вершиной. Автор этих строк лично обследовал этот останец, дав ему название «Белый камень», и обнаружил под слоем дерна лежащие на плоской вершине останца плоские, явно обработанные камни. Похоже, что на вершине этого «Белого камня» находится каменная вымостка, возможно, служившая языческим алтарем (см. цв. вклейку).

Недалеко от этого камня находилась построенная в XII веке Воскресенская церковь, посвященная

Воскресению Христову, которое соответствует языческому празднованию конца зимы и начала лета. В первое Воскресение после Пасхи празднуется Красная Горка — это девичий праздник, игры которого посещала вся деревенская молодежь, так как на них женихи выбирали себе невест. На севере Руси этот праздник отмечали чаще накануне Егория (5 мая), что сближает его с кельтским Бельтайном.

Дальше, вдоль течения Ладожки стояла и «немецкая» церковь Святого Петра, построенная в XI—XII веках. Вполне возможно, что эта церковь была основана ирландскими монахами для варяжских гостей.

На самом сакральном месте Ладоги на земляном городище стояла самая большая каменная церковь Святого Климента, которого почитают 23 января (5 февраля). Каких-либо особых народных ритуалов в этот день не наблюдается. Но предшествующий ему Тимофей-Полузимник, и следующий за ним день Аксины-полухлебницы, полузимницы определяли перелом зимы, а также срок, к которому съедалась половина запасенного хлеба. С сакральной и житейской точек зрения это был необыкновенно важный день, некий своеобразный репер выживания в суровом Ладожском климате.

Последняя сакральная доминанта Ладоги — Никольский мужской монастырь, основанный по преданию князем Александром Невским. Святой Николай — один из любимых русских святых. Он покровитель торговли и мореплавания. Его покровительство играло не последнюю роль для жителей Древней Руси, одним из главных занятий которых было мореплавание и торговля. Какому водному языческому богу соответствовал св. Николай сказать трудно. Может быть, Стрибогу, внуками которого были ветры, для успешного мореплавания играющие не последнюю роль? Следует помнить, что св. Николая чествуют в апреле и ноябре, то

есть в начале и конце навигации. Не исключено, что здесь находилось святилище местному речному божеству — богу Волхова, например.

Похоже, что языческий пантеон древней Ладogi состоял из Велеса, Мокоши, Лады, варяжского Святовита-Сварожича, Перуна (возможно лишь во времена князя Владимира) и Стрибога (рис. 63). Совершенно очевидно также, что дни празднования святых, которым посвящены четыре ладожских церкви, связаны с четырьмя главными кельтскими праздниками: Имболком, Бельтайном, Лугназадом и Самайном, делившими год на четыре равные части. Две церкви соответствовали двум календарным фазам: весеннему равноденствию и летнему солнцестоянию. Так что все сакральные доминанты Ладogi соответствовали сакральному, еще языческому календарю его жителей.

Необходимо отметить, что сам автор этих строк считает, что славянское, как и кельтское язычество, корнями уходит в прежнее исходное единобожие, известное нам по библейской традиции. Наиболее сохраняемым при любых изменениях религиозных представлений является календарь. Поэтому неудивительно совпадение многих христианских и языческих праздников и сакральных функций^[219].

Следующий регион, освоенный несколько позже и затмивший впоследствии Ладогу, стал Новгород. Археологические исследования, проведенные на протяжении многих десятков лет, показали, что город основан не ранее начала X века. Резиденцией Рюрика после Ладogi становится укрепленное поселение, известное как Рюриково городище, которое на протяжении столетий было резиденцией русских князей.

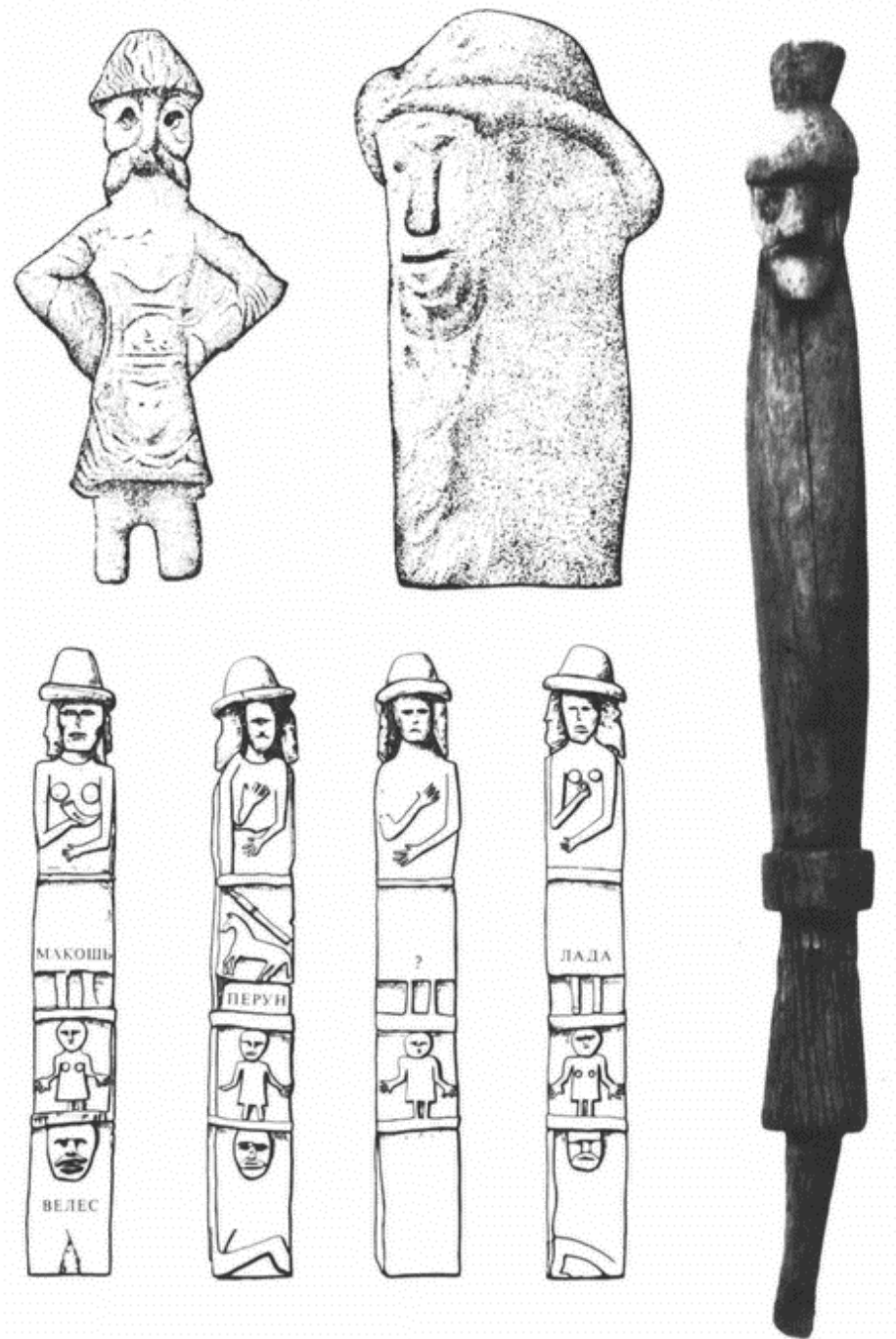

Рис. 63. Идолы восточных славян

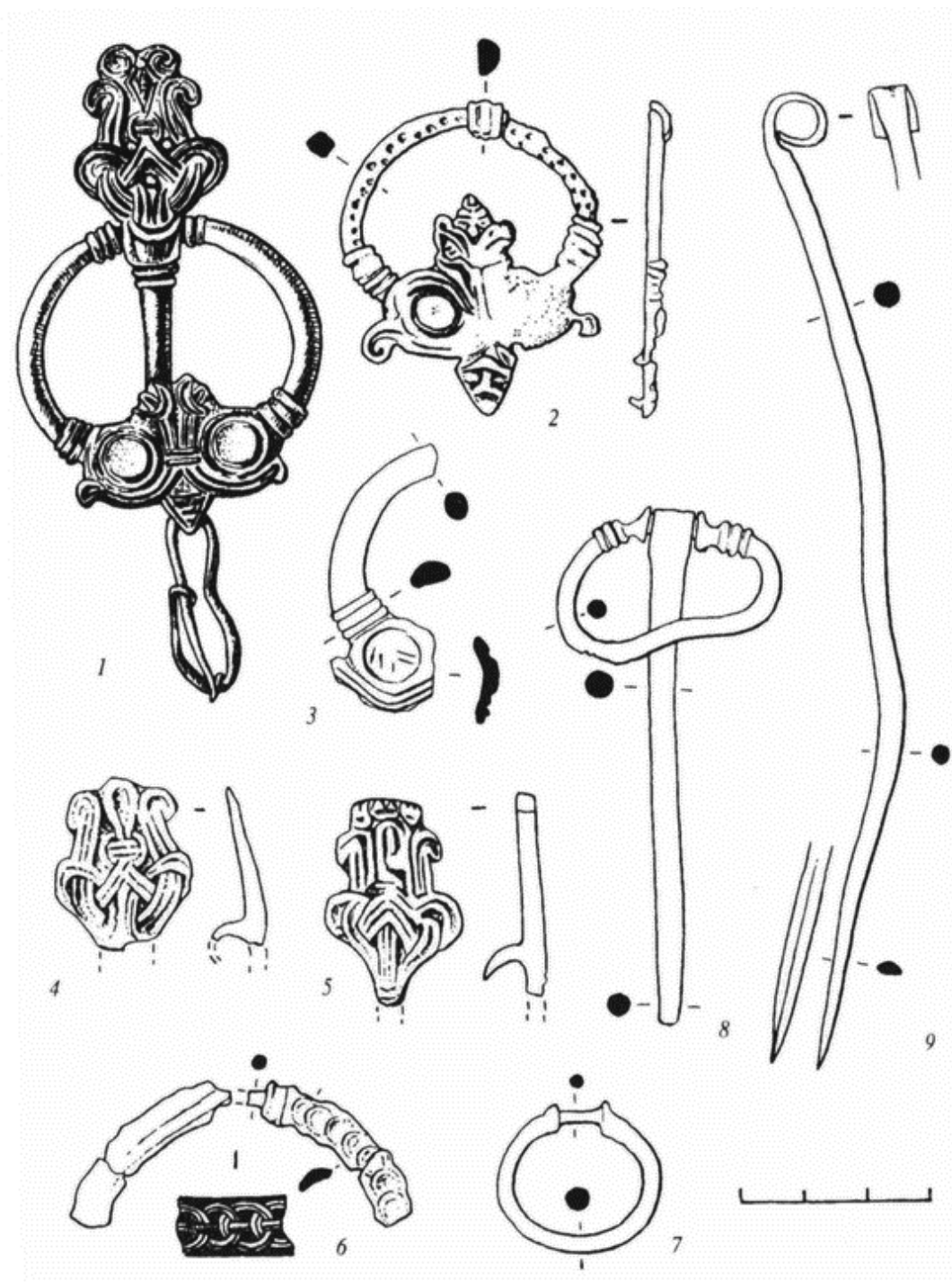

Рис. 64. Кольцевидные булавки с Рюрикова городища

Е. Н. Носов, многие годы исследовавший Рюриково городище, пишет: «Топографическая структура

"Рюрикова" городища сугубо восточноевропейская и отличная от скандинавской (разрядка моя. — С.Ц.) модели. Поселение имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части, которая располагалась как по гребню возвышенности, так и на самом низменном мысу». Вместе с тем он считает, что по количеству скандинавских находок городище — одно из самых богатых на территории Восточной Европы. «Очень рельефно выражен на Рюриковом городище комплекс находок, относящихся к мужскому костюму — 19 кольцевидных булавок с длинной иглой, 26 подковообразных фибул IX—X вв. и другие детали. В целом, материальная культура городища, судя по ее яркому северному компоненту, носит гораздо более выраженный воинский — "дружинный" характер, чем культура Ладоги. Нельзя не отметить и определенную изысканность находок: к примеру, более половины всех обнаруженных кольцевидных булавок украшена звериным или плетеным орнаментом, в то время как даже в Скандинавии на поселениях господствуют простые типы»^[220] (рис. 64).

Интересная картина — здесь мы наблюдаем более совершенные формы изделий, чем на их родине. Не следует ли из этого, что эти формы в самой Скандинавии появились под влиянием восточнославянских (или южнобалтийских?), а не наоборот. Ведь археологам и искусствоведам хорошо известно, что более примитивные формы появляются при копировании более совершенных образцов. К тому же сами вещи еще не говорят о том, что их владелец был скандинавом. Дружинно-торговое сословие Древней Руси носило украшения, имеющие разное происхождение — от восточных (наборные пояса) до фибул и гривн. Звериный стиль и плетеные орнаменты, столь свойственные декоративно-прикладному искусству Новгородской

земли, в большей степени указывают на кельтское влияние, чем на скандинавское^[221].

Многие археологические находки на Рюриковом городище также указывают на южнобалтийскую прародину ее жителей, в частности, керамика. В. М. Горюнова разделяет раннегончарную керамику городища на две группы.

В первую входят находки, повторяющие формы лепных сосудов. Они имеют «широкие аналогии от местных (Старая Ладога, Псков) до северопольских и северогерманских памятников VIII—X вв. (Голаншч, Санток, Гросс-Раден и мн. др.». Особо отмечен уникальной формы фрагмент сосуда, которая характерна «для памятников вильцев и отдельных ярких центров таких, как Магдебург, Мекленбург, Ольденбург. Датировки польских и немецких археологов ограничиваются VIII—IX вв.».

Во вторую — уже более совершенная керамика, относящаяся к X в.^[222] Такой массовый археологический материал как керамика — гораздо более точно маркирует этнический состав населения, чем украшения, поскольку именно они в большей степени могут являться предметами импорта, чем кухонная утварь, которая изготовлялась на месте по привычным южнобалтийским технологиям. Следует обратить внимание и на города Мекленбург (Велиград) и Ольденбург (Старград), тесно связанные с Северной Русью не только торговыми отношениями. Именно эти города связаны с миграцией на север Руси балтийских славян и самим Рюриком.

Исследования Е.Н. Носова также выявили материалы западнославянского происхождения: хлебные печи, двушипные наконечники стрел, типы керамики, имеющие прямые аналогии в материалах польского Поморья^[223].

Е. А. Рыбина считает, что Новгород «основан в регионе, который с VIII в. находился в зоне активных балтийских контактов и прежде всего с южнобалтийским побережьем». Она также пишет: «Поселившись в бассейне озера Ильмень, выходцы из Южной Балтики не утратили связи со своей "прародиной". Тесные контакты Новгорода и Новгородской земли с западнославянскими землями демонстрируют разнообразные нумизматические и археологические материалы»[\[224\]](#).

В чем причина столь быстрого перемещения резиденции-стола Рюрика в это городище, являющимся предшественником расположенного недалеко Новгорода? Скорее всего, дело в более удобном географическом расположении его. На Ладогу было проще напасть с моря — именно с нее начинался речной путь в Византию и на Арабский Восток. Новгород же отделен от Ладоги системой труднопреодолимых порогов, через которые суда переправлялись только волоком, что давало возможность напасть на завоевателей в этом трудном для судоходства месте. Вот что по этому поводу пишет С.Л. Кузьмин: «Естественным препятствием на водном пути являются пороги. В нижнем течении Волхова они начинаются примерно в 9 км от Ладожского поселения. Здесь река, пробив известняковую толщу, имеет крутые, местами отвесные берега, достигающие высоты 16—21 м. Пойма фактически отсутствует. Быстрое и сильное течение затрудняет движение вверх по реке. Но главную опасность представляют пороги, скрытые ныне водами Волховской ГЭС. Статистика кораблекрушений прошлого века свидетельствует о гибели в год десятков судов»[\[225\]](#). Он также подчеркивает беззащитность самой Ладоги, «о чем свидетельствуют следы нескольких тотальных пожаров и известия скандинавских саг»[\[226\]](#). Так что Рюрик, достаточно

быстро осознав слабую естественную защищенность Ладоги, перенес свою столицу на Городище, близ будущего Новгорода. Необходимо отметить, что при появлении самого Новгорода, роль Городища не изменилась — на протяжении многих столетий оно оставалось княжеской резиденцией.

К тому же, если посмотреть на карту этого региона, то видно, как «веером» расходятся от озера Ильмень реки, ведущие к Окскому лесу, откуда, через систему волоков можно было попасть как на Днепр, так и на Волгу.

Надо сказать, об интенсивной новгородской торговле известно гораздо больше, и ей посвящены многочисленные исследования. В доваряжский период основная торговля северных славян и русов больше была связана с Волгой, чем с Днепром. Вместе с тем, не вызывают сомнения южнобалтийские корни и новгородцев.

Все вышесказанное позволяет не только говорить о южнобалтийском происхождении появившегося здесь славянского населения, но и существовании к моменту прихода сюда Рюрика готовой инфраструктуры торгово-ремесленных поселений и крепостей. Северной Руси нужен был лишь толчок, чтобы из протогосударственного образования превратиться в мощное государство. И такой толчок дал Рюрик.

На Южную Балтику, как на родину восточноевропейских русов указывают не только материалы археологии. Теперь обратимся к данным антропологии. «В 1969 г. антрополог В. П. Алексеев сделал вывод о наличии среди населения Северо-Западной Руси выходцев с Балтийского Поморья. Затем Т.И. Алексеева констатировала, что краниологические серии с территории Северо-Запада "тяготеют к Балтийскому ареалу форм в славянском населении..."» Археолог В. В. Седов уточняет это положение:

"Ближайшие аналогии раннесредневековым черепам новгородцев обнаруживаются среди краниологических серий, происходящих из славянских могильников Нижней Вислы и Одера. Таковы, в частности, славянские черепа из могильников Мекленбурга, принадлежащие ободритам". К тому же типу, по его мнению, относятся и черепа из курганов Ярославского и Костромского Поволжья, активно осваиваемого новгородцами... В 1971 г. ученые В.Л. Янин и М.Х. Алешковский уверенно говорили о "балто-славянском контингенте новгородского населения", пришедшем с запада... Сегодня антрополог Н.Н. Гончарова доказала генетическую связь новгородских словен с балтийскими славянами, а ее учитель Т.И. Алексеева видит в них исключительно "переселенцев с южного побережья Балтийского моря..." ...В пользу этой же мысли все более склоняется и В.В. Седов. Одну из ранних староладожских "больших построек" ученые сближают со святилищами балтийских славян в Гросс-Радене (под Шверином, VII—VIII вв.) и в Арконе, что сразу же объясняет, почему в русском язычестве отсутствуют скандинавские божества, но присутствует Перун, бог варяго-русской дружины и чей культ был широко распространен среди южнобалтийских славян.

Генетическая близость населения Северо-Западной Руси и Южной Балтики находит себе подтверждение также в характере металлических, деревянных и костяных изделий, в характере домостроительства и в конструктивных особенностях (решетчатая деревянная конструкция) оборонительного вала, распространенных в конце I тысячелетия н. э. только в указанных регионах. На юге Восточной Европы аналогичные типы домостроительства и фортификационных сооружений появляются позже»[\[227\]](#).

Об устойчивых связях Новгородской земли с южно-балтийским побережьем в раннее время говорит и

состав сплавов изделий из цветных металлов. Металлографический анализ, проведенный А.А. Коноваловым, показал, что сплавы новгородских изделий X — XI вв. тождественны сплавам подобных изделий, имеющих южнобалтийское происхождение^[228]. Рыбина также отмечает: «Черты сходства между Новгородом и западнославянскими землями проявляются также в устройстве валов, домостроительстве, конструктивных особенностях музыкальных инструментов. В частности, гусли, найденные в Новгороде, Гданьске и Ополе, имеют одинаковое устройство и восходят к общим корням»^[229].

Не так давно, благодаря усилиям Д.А. Мачинского, было вновь привлечено внимание к книге, выпущенной известным русским просветителем Н. И. Новиковым «Подробнейшая история государей российских» в 1791 году, и основанной, видимо, на утерянных источниках. Судя по этой книге, славяне происходят от скифов. Два брата Словен и Рус приводят скифов из Причерноморья на озеро Ильмень, которое называют по имени своей сестры, и основывают на реке Мутной, названной впоследствии по имени старшего сына Словена Волховом, город Словенск, ставший впоследствии Новгородом. Князь Рус основал впоследствии город, нынешнюю Старую Руссу^[230]. Несмотря на многие события, напоминающие произведения монастырской литературы XVII—XVIII веков, описанные в этой книге, следует обратить внимание на изначальное разделение русов, получивших название в честь князя Руса и славян, получивших название от князя Словена, так же как и первое название Новгорода. Но ведь город Словенск мы постоянно встречаем в арабских средневековых источниках, и все исследователи идентифицируют его именно с Новгородом.

И во всем этом есть своя непререкаемая логика исторической целесообразности. Не столько давление

немцев, а сколько необходимость развития международной торговли заставила балтийских славян вместе с кельтами двигаться на северо-восток, основывая укрепленные торгово-ремесленные поселения вдоль водных магистралей Севера-Запада Руси. Тем более что это была далеко не первая волна переселения с запада. Достаточно вспомнить миграцию пшеворского населения в сторону Северного Причерноморья и Поволжья и появления с запада кривичей на территории Северо-Запада Руси. Балтийские славяне уже прекрасно знали, в какую сторону и по каким рекам плыть, чтобы попасть к своим сородичам славянам и дальше на юг и юго-восток. На самом деле общая миграция славянских народов привела к тому, что все самые важные водные коммуникации Европы оказались в руках славян. Грех этим было не воспользоваться.

К тому же сами славяне стали наследниками могучей кельтской цивилизации, кельты—русы в раннем средневековье, скорее всего, были правящей верхушкой в славянском обществе, и сама миграция славян охватила в основном бывшие кельтские территории и это, возможно, тоже не случайно. Историческая память этих двух народов все время побуждала их возвращаться туда, где когда-то было хорошо, где были священные могилы предков и, не менее священные водные пути. Не зря вода была для кельтов и славян одной из самых священных субстанций, воде и водным объектам истово поклонялись, а реки зачастую служили не только водными границами, но и сакральными. Говоря о роли и даже некой специализации ильменских словен и кривичей в международной торговле, необходимо отметить, что эти племена не просто специализировались на этой торговле, но и значительная ремесленная деятельность была направлена на ее развитие, в частности кораблестроение, судоремонтное дело, а также

организация очень серьезной и мало исследованной области — волоков. Сами районы этих волоков, позволявшие попадать как на Днепр, так и на Волгу, находились в руках кривичей. Я думаю, что это была хорошо организованная служба, на которой, возможно, специализировались целые деревни, при тех объемах речных и морских перевозок, которые существовали в то время.

Комментируя эти высказывания, хочется напомнить, что выше уже говорилось о возможных кельтских или кельтско-славянских торговых поселениях на территории Швеции и о. Готланд, а также о том, что южнобалтийские славяне совместно с кельтами — русами сами основывали, судя по всему, северорусские города как раз для развития торговых отношений с Византией и Арабским Востоком, создавая, говоря современным языком, единое экономическое пространство Европы и Азии.

Получается очень интересная картина: задолго до эпохи викингов и практически без участия коренного населения Скандинавии, все торговые пути, известные позже как путь «из варяг в греки» и Великий волжский путь, прекрасно функционировали и, говоря об эпохе викингов, потрясшей Западную Европу, мы можем смело утверждать, что она практически не затронула как регион Балтийского моря, так и речные водные пути Древней Руси (рис. 65).

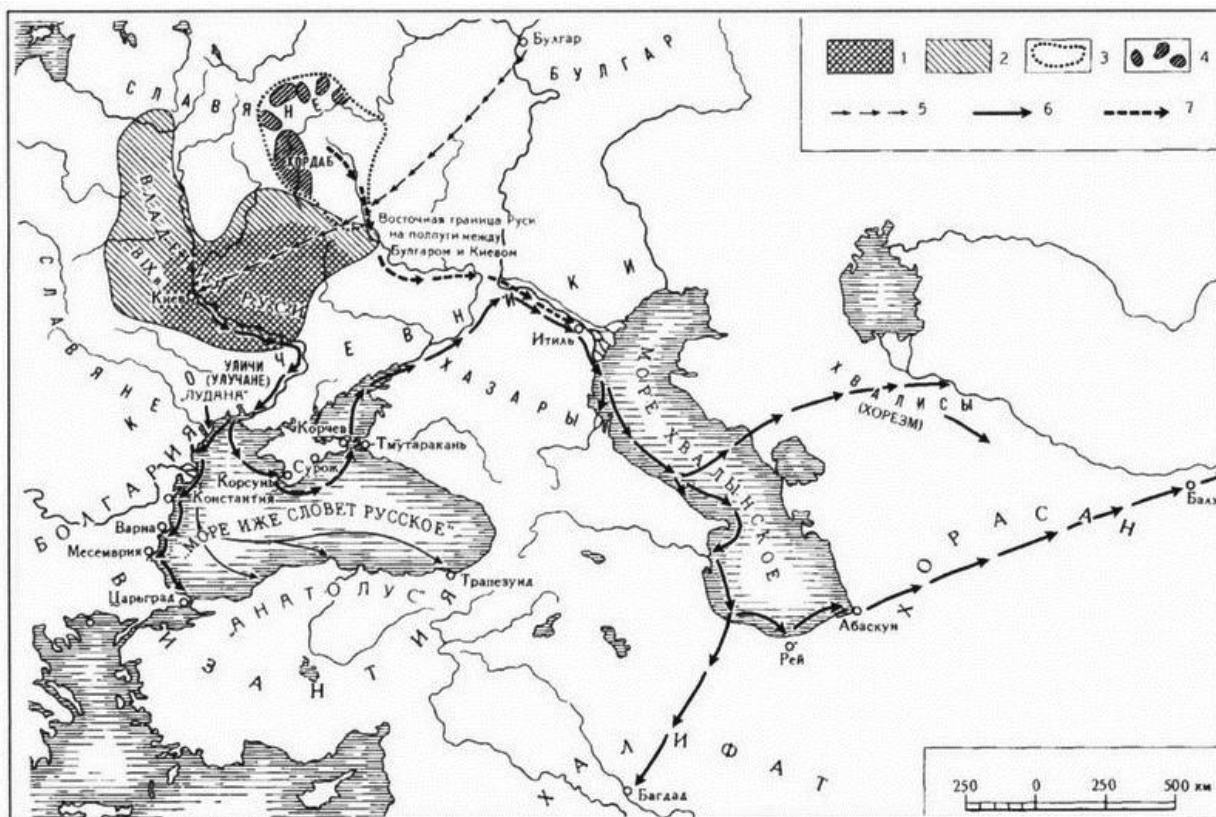

Рис. 65. Русь начала IX в. и ее внешние связи (по Б. А. Рыбакову)

1 — ядро русского союза племен (поляне, русы, север) в VI — VII вв.;

2 — владения Руси начала IX в.;

3 — племенной союз вятичей (по данным курганов X— XIII вв.);

4 — локальные варианты археологических данных у вятичей (племена);

5 — путь восточных купцов из Булгара в Киев в IX в.;

6 — пути сбыта полюдья Киевской Русью в IX—X вв.;

7 — предполагаемый путь сбыта полюдья вятичами в IX в.

Настоящий расцвет торговли на севере Руси связан с основанием Новгорода (X в.), который становится подлинной столицей этого края. Специалистами неоднократно высказывалось мнение о том, что город был основан выходцами с юго-западных земель Балтики, возможно даже представляющими известный торговый город Старград. Отсюда и название новой столицы Северной Руси — Новгород, т. е. новый город.

«Поселившись в бассейне озера Ильмень, выходцы из южной Балтики не утратили связи со своей "прародиной". Тесные контакты Новгорода и Новгородской земли с западнославянскими землями демонстрируют разнообразные нумизматические и археологические материалы», — пишет Е.А. Рыбина^[231]. Анализ торговой деятельности Новгорода приведен этим автором в книге «Торговля средневекового Новгорода», из которого следует, что главными торговыми партнерами Новгорода оставались города балтийских славян, что было вполне естественно — большая часть арабского серебра в IX—X веках оседала в Новгородской земле и на южной Балтике. Отлив восточного серебра на Готланд и в Швецию и Норвегию происходит только в X веке. Скорее всего, поступления арабского серебра в Скандинавию связано не столько с торговлей, сколько с оплатой за помощь в военных действиях князю Владимиру и его сыну Ярославу, которые впервые стали приглашать скандинавов на военную службу, что засвидетельствовано и исландскими сагами.

В XI веке начинается активный ввоз в Новгородскую землю западноевропейских монет, главными поставщиками которых были Германия, Англия и Дания.

Аналогичный состав кладов денариев наблюдается в кладах, обнаруженных на территории Померании и Пруссии. Это свидетельствует о непрекращающихся контактах новгородских славян с сородичами из Южной Балтики^[232]. Интересно при этом, что Новгород усвоил западную весовую систему, на базе которой была создана основа собственного денежного счета еще до того, как Северо-Запад стал получать западноевропейские динарии^[233]. Видимо, эта весовая система также пришла от балтийских славян. Так что можно считать доказанным, что сами варяги, пришедшие с Рюриком, и варяги, бравшие до этого дань с северных племен Древней Руси, — это балтийские славяне, взимавшие дань для «метрополии» со своих северных «колоний», которые, ощутив свою силу, стали бороться за независимость. Не так ли поступили в XVIII веке Северо-Американские Штаты, подняв восстание против Британской империи и, отделившись от которой, они пошли своим и довольно успешным путем развития.

Именно балтийские славяне были государственнообразующей нацией Древней Руси, принеся на эту территорию свои духовные и культурные традиции, ремесла, структуру управления. Осваивая север Древней Руси для развития международной торговли и ощутив ее выгоду, поселенцы в союзе с местными племенами решились на призыв Рюрика и варягов-руси, исходя из желания обрести самостоятельность, не только не прекращая отношений со своими сородичами с берегов Южной Балтики, но еще больше закрепляя их династическими и торговыми связями.

Глава 4.

Русский каганат

В данной работе нельзя обойтись и без описания загадочного Русского каганата, существовавшего еще до призвания Рюрика. Возможной причиной призвания варяжского князя может являться гибель этого государственного образования, в результате чего славянские племена юга Восточной Европы стали данниками хазар.

Уже не одно столетие ведется научный спор о локализации каганата русов и его этническом составе. Впервые о данном государственном образовании мы узнаем из Вертинских анналов, сообщающих о послах каганата русов в Византию, а также из арабских и византийских источниках. Можно сказать со всей определенностью, что русы занимали главенствующее положение по отношению к славянам и находились с ними в союзнических отношениях. На основании данных источников не вызывает сомнения, что главным занятием русов была международная торговля. Что касается этнического состава, то можно с большой дозой уверенности сказать, что в полиэтнической среде междуречий Дона и Волги, Дона и Днепра русы имели изначально кельтское происхождение и имели прямые связи с описанным выше Балтийским регионом. Попробуем определиться с местонахождением, по крайней мере, его восточноевропейского центра, поскольку нет уверенности, что он имел четко обозначенные границы и находился в одном регионе.

Огромный интерес представляет, пожалуй, самое древнее восточное анонимное известие о народах Восточной Европы, составленное, по мнению ряда исследователей между 830-ми и 860-ми годами [\[234\]](#)

«Пределы мира от востока к западу». То есть во времена расцвета международной торговли и появлению упоминания о русах в западноевропейских и византийских источниках (Вертинские анналы, Послание патриарха Фотия). Рюрик еще не появился в это время.

Вот как описывает аноним земли славян и русов:

«Описание страны славян.

На восток от нее — внутренние болгары и некоторые из русов, на юг — часть моря Gurz (скорее всего речь идет о части побережья Черного моря) и часть Рума. На запад и север от нее всюду пустыни и необитаемые земли Севера... (далее описание страны славян очень похоже на описание, сделанное Ибн-Русте) У них два города: 1. Вабнит — первый город на востоке (страны славян), и некоторые из его жителей похожи на русов. Хорбад — большой город и место пребывания царя.

Описание страны русов и их городов.

На восток от страны русов — горы печенегов, на юг — река Ruta, на запад — славяне, на север — необитаемые земли севера. Это огромная страна, и обитатели ее плохого нрава, непристойные, нахальные, склонны к сорам и воинственны. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хакан русов (Rus-khaqan). Страна эта изобилует всеми жизненными благами. Среди них есть группа моровват (muruwat). (Не исключено, что речь идет о моравах, хотя Минорский объясняет это слово как "рыцарство". — С.Ц.) Знахари у них в почете. Ежегодно они платят <<<4W>>> добычи и торговой прибыли государю (sultan). Среди них есть группа славян, которая им служит. Они шьют шаровары приблизительно из 100 гязов хлопка, которые надевают и заворачивают выше колен. Они шьют шапки из шерсти с хвостом, свисающим с затылка. Мертвого хоронят со всем, что ему принадлежало из одежды и украшений. Еще они кладут в могилу с мертвыми еду и питье.

URTAB — город, где любого чужеземца убивают. Там производят очень ценные клинки для мечей и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму»^[235] (рис. 66).

Рис. 66. Русь IX в. по данным арабских источников (по. Б. А. Рыбакову)

Такие клинки могли делать только кельтские мастера в сакральном Артане (Уртабе или Арсе), посвященном священной медведю (art — по-кельтски «медведь»). К тому же секрет изготовления этих мечей, видимо, содержался в такой тайне, что меры безопасности были не менее серьезными, чем в Китае, связанные с производством шелка (там смертная казнь ждала того, кто разгласит иностранцам секрет выращивания шелковичных червей и изготовления шелка). Вместе с тем арабские и персидские средневековые авторы достаточно отчетливо обозначают три региона проживания русов и их три главных города. Может быть, это и есть территория пресловутого Русского каганата, куда входили и регион Новгорода (Славянска) и регион Киева и волжские (донские) территории русов. Может, именно столь обширная область могла отвечать высокому титулу хакана русов, который приравнивался к императорскому? И система взаимоотношений между Северной и Южной Русью, описанная Константином Багрянородным, сложилась еще до Рюрика? Вместе с тем эту территорию постоянно сужают. Следует обратить внимание и на то, что анонимный источник прямо указывает на Киев, как на столицу Русского каганата. Вообще это описание страны русов показывает достаточно объективную картину жизни Русского каганата, северная часть которого торгует с Волжской Булгарией, что подтверждается наиболее древними находками дирхемов, в Киеве находится глава каганата, то есть этот город является в первую очередь административным центром. Вместе с тем, если земли Северной Руси и входили в Русский каганат, мы не знаем

на каких условиях и в каком качестве. И как связано призвание Рюрика союзом северных племен с возможными негативными событиями на Юге тоже загадка.

Ведь не зря именно в Киев сразу же устремляются варяги-русы и в первую очередь стремятся захватить там власть. Через Киев идет и торговля с Византией. Не зря Рюрик посылает туда своих дружинников Аскольда и Дира. Если конечно это не выдумка, поскольку существуют весьма серьезные основания считать Аскольда и Дира представителями местной киевской династии. Не исключено, что Рюрик просто послал в Киев послов или разведчиков, которым впоследствии были приданы имена местных правителей. Не исключено, что в этом заключался довольно хитрый дипломатический ход — ведь тогда князь Олег, убив Аскольда и Дира, не узурпирует власть, а придает ей законный характер, поскольку сами Аскольд и Дир становятся узурпаторами. Не зря же Олег демонстрирует им малолетнего Игоря, как законного наследника. Возможна и другая версия. Не исключено, что еще до призвания Рюрика на север Руси было отправлено посольство от Аскольда и Дира с приглашением к участию в походе на Константинополь, который состоялся в 860 году. Поэтому летописец знает об этом походе, как знает, что возглавлял его Аскольд. Только дата похода была перенесена на 866 год. Чтобы он происходил уже во времена Рюрика? Любопытно, что в 867 году был убит император Михаил и смещен патриарх Фотий, первый креститель Руси. Поэтому дату можно было перенести только на шесть лет, поскольку летописец знал, что поход был в царствование Михаила, он даже подчеркивает, что именно после него Русская земля получила свое название.

Но вернемся к другим главным городам Русского каганата. Сакральный город Арсания (Артания),

расположенный либо в Поволжье, либо в Подонье, скорее всего, был так же и производственным центром, где изготавливались знаменитые булатные мечи — один из важнейших предметов экспорта Русского каганата. Тем более что кузнечное ремесло всегда было сакральным, что у кельтов, что у славян.

Скорее всего, Артания или Арсания был, в первую очередь, религиозным центром русов, куда не допускались чужаки и, возможно, первой сакральной столицей Русского каганата.

Здесь следует вспомнить весьма фантастическое описание славянского храма, стоящего на горе, сделанное Аль-Масуди (X в.), по свидетельству которого часть славян исповедывала христианство, а часть были язычниками и солнцепоклонниками: «В славянских краях были здания, почитаемые ими. Между другими было у них одно здание на горе, о которой писали философы, что она одна из самых высоких гор в мире. Об этом здании существует рассказ о качестве его постройки, о расположении разнородных его камней и различных их цветах, об отверстиях, сделанных в верхней его части, о том, что построено в этих отверстиях для наблюдения над восходом солнца (или: о том, как солнце восходит в этих отверстиях), о положенных туда драгоценных камнях и знаках, отмеченных в нем, которые указывают на будущие события и предостерегают от происшествий пред их осуществлением, о раздающихся в верхней его части звуках и о том, что постигает при слушании этих звуков (или: о действии (впечатлении), производимом этими звуками на слушателей). Другое здание было построено одним из их царей на черной горе; его (или: ее, т. е. гору) окружают чудесные воды, разноцветные и разнообразные, известные своей пользой (своими целительными свойствами). В нем они имели большого идола в образе человека (или: Сатурна), представленного в виде старика с палкою в руке,

которую он двигает кости мертвецов из могил. Под правой его ногой находятся изображения разнородных муравьев, а под левой — изображения пречерных воронов, черных крыльев и других, также изображения странных хабашцев и занджцев (абиссинцев и зангебарцев). Еще другое здание имели они на горе, окруженное (или: окруженной) морским рукавом; оно было построено из красного коралла и зеленого смарагда. В его середине находился большой купол, под которым находится идол, коего члены сделаны из драгоценных камней четырех родов: зеленого хризолита, красного яхонта, желтого сердолика (или агата) и белого хрусталя; голова же его из червонного золота. Напротив его находится другой идол в образе девицы, которая приносит ему жертвы и ладан (или: ему приносили жертвы и ладан (по Шармуа: и просо). Это здание (т. е. его сооружение) приписывают какому-то мудрецу, бывшему у них в древнее время»^[236].

Несмотря на фантастичность описания, в нем угадываются храмы балтийских славян, и даже нечто, напоминающее древний Стоунхендж. Возможно подобный храм посвященный, скорее всего Велесу, скотьему богу (в смысле богу богатства, поскольку скот, как говорилось выше, был денежной единицей у славян и кельтов) стоял в легендарном Арсе или Арте.

Здесь следует обратить внимание на одну из версий нахождения острова русов и легендарной Артанией, соотнесенной с сакральным городом Аркона на о. Рюген (Руяна), тщательно проанализированную А.Н. Азбелевым на основе работ В.Б. Вилинбахова: «Особый интерес представляют произведенные Вилинбаховым сопоставления образов русского фольклора, отобразивших народные представления об "острове Буяне", с реалиями западнославянского острова Руяна, на котором находился религиозный центр прибалтийских славян-язычников вплоть до их

насильственной христианизации во второй половине XII в. Согласно выводу Вилинбахова, "вся атрибуция острова Буяна (священный характер, священный дуб, змеи, янтарь, священные птицы, старцы и старицы) полностью соответствуют описаниям Арконского святилища на острове Руяне". Сравнение некоторых оригинальных пассажей в текстах народных заговоров восточных славян с атрибутами главного божества славян балтийских — Святовита, в частности, с сохранившимися описаниями его идола, находившегося в Арконе, позволило автору заключить, что эти тексты передают в трансформированном виде древние молитвы, обращенные к Святовиту.

В обеих работах В. Б. Вилинбахов использовал преимущественно записи севернорусских заговоров. Отображение представлений о священном острове можно обнаружить и в других жанрах — главным образом в былинах, записанных в пределах владений Великого Новгорода. "Остров Буян" предстает здесь как средоточие сверхъестественных сил, в частности, как место пребывания символизирующих эти силы мифических животных. Былины, повествующие о вражеском нашествии, имеют нередко в качестве преамбулы так называемый "запев о турах", глубокая архаичность которого у исследователей не вызывала сомнений: два тура, переплыв море, оказываются на "острове Буяне", где их встречает мать — турица; они ей рассказывают об увиденном, она истолковывает его как предзнаменование грядущих бедствий. В записях былины о Даниле Ловчанине богатырю, которого хотят погубить, дают поручение отправиться на "остров Буян", дабы поймать или убить диковинного зверя, одолеть которого богатырю удастся обычно только при содействии чудесных сил. На Балтийском острове, по представлениям севернорусских сказителей былин,

находился как бы международный центр былинных богатырей.

Гельмольд, рассказывая о современных ему событиях 1168 г., когда король Дании при поддержке поморян и бодричей, высадившись на острове, подчинил "землю руян", писал, что их князь Яромир "с охотой принял крещение" и "привлек этот дикий и со звериной яростью свирепствующий народ к обращению в новую религию отчасти ревностной проповедью, отчасти же угрозами, будучи от природы жестоким".

Свирепый нрав жителей Руяна, отмечавшийся не только Гельмольдом, в древнерусском языке имел обозначение "буий" и производные от него, что, вероятно, привело к соответствующему прозванию самого места обитания этих буйных людей — по близкому созвучию.

Нахождение же там главного языческого святилища балтийских славян в течение ряда столетий — как раз в то время, когда нарастали побудительные мотивы переселений балтийских славян на восток, — очевидно, и закрепило в восточнославянском фольклоре образ "острова Буяна" как средоточия сверхъестественных сил»^[237].

Эта попытка идентификации острова Буяна и острова Руяна подводит нас к одной из версий знаменитого острова русов. Вместе с тем, нельзя исключать и того факта, что таких сакральных островов было несколько. Остров в славяно-кельтских мифологиях всегда играл особую, сакральную роль. Не зря такое большое количество версий нахождения острова русов существует в современной науке. Не исключено, что они все правильные. Просто этих островов было много.

Далее Азбелев анализирует исследование чешского ученого И. Грбека: «Рассмотрев в четком, компактном изложении мнения и аргументацию своих

предшественников, И. Грбек продемонстрировал уязвимость их построений, констатировал, что им не удалось "прийти к одной общепризнанной точке зрения" и что "предыдущие попытки исходили не из всех фактов, содержащихся в арабском оригинале книги Аль-Истахри". Написанный около 950 г. этот текст послужил источником для почти дословно повторившего его Ибн-Хаукаля и для анонимного автора "Худуд-аль-Алама", который, используя и другие источники, "комбинирует их с первоначальными сведениями Аль-Истахри, что, однако, скорее отрицательно, чем положительно отразилось на ясности текста" (628). Как показал И. Грбек, смущавшие некоторых интерпретаторов противоречивые географические указания, что "Арта" и "Артания" помещаются "между землей хазар и Великим Булгаром" и вместе с тем что за "Артой" находится безлюдная земля, до которой можно дойти до гор, где расположена стена Александра для защиты "от Гога и Магога", и даже, что "Гог и Магог — племена русов", которые "относятся к тюркам" (634), — это индивидуальные добавления некоторых рукописей Аль-Истахри, обязанные в первом случае "ошибке при переписывании" (646), а во втором явившиеся "лишь результатом комбинирования и фантазирования" (648).

Путем скрупулезного текстологического сличения и источниковедческого анализа И. Грбек доказывает не только это. Обратившись к тексту "Худуд-аль-Алам", исследователь констатирует, что указание, будто бы все три центра трех племен руси находятся на "реке Рус", — "результат комбинаций анонимного автора" (632). И. Грбек допускает вначале, что из оригинальных известий этого источника можно было бы "с доверием относиться разве что к сведениям об изготовлении мечей и клинков" именно в "Артабе" (634). Но после сопоставлений с совокупностью аналогичного рода известий арабских предшественников у этого анонима И. Грбек отводит

такое предположение, написав: "Автор «Худуд-аль-Алам» знал о производстве мечей в России, однако точное место их происхождения оставалось для него неизвестным. Поэтому он просто приписал их городу «Артабу», о котором на основании данных Аль-Истахри предполагал, что он находится в России" (644).

Анализируя построения своих предшественников, И. Грбек обращает внимание на то, что если Киев и Новгород как центры соответствующих "племен" Руси идентифицировались довольно убедительно большинством исследователей, то в качестве третьего центра предлагалось много вариантов, ни в одном из которых речь не шла о городе, выдерживающем сравнение по значимости с Киевом или Новгородом.

Этот существенный дефект преодолен автором, который так формулирует условия решения задачи:

1) следует иметь в виду всю территорию славян в первой половине X в.;

2) город (и племя) должен был иметь приблизительно такое же политическое и/или экономическое значение, как Киев и Новгород;

3) название города должно графически (и фонетически) соответствовать арабской форме "Арка (Арфа)";

4) название племени должно соответствовать форме "артания" (или ее вариантам);

5) предметные данные арабских авторов должны соответствовать действительному положению вещей (638).

Обозрев состояние славянских политических образований на юге и западе Европы в сопоставлении со степенью их известности у арабов того времени, И.Грбек приходит к заключению, что речь должна идти именно о прибалтийских славянах — тем более что "на южном побережье Балтийского моря, а также на островах, было найдено много арабских монет (преимущественно

саманидского происхождения), относящихся к VIII—X векам" (десятки тысяч монет в сотнях отдельных находок). Это свидетельствует, что как раз прибалтийские славяне "поддерживали в IX—X веках оживленные торговые связи с восточными частями халифата (640). Отсюда — правомерность попытки искать город "Арка" и племя "артания" именно здесь.

Отметив, что варианты текста в рукописях позволяют читать название города, как Арка, а "произношение могло также звучать "Арко", И. Грбек обращает внимание читателя, насколько близки "засвидетельствованные формы названия Аркона (Archon, Arkon, Arcun, Arcon)" на острове Рюген (640).

Автор указывает, приводя свидетельства источников, что "город Аркона принадлежал к наиболее крупным и значительным торговым центрам на Балтийском море", напоминает, что именно в Арконе "находилось святилище языческого бога Святовита — культовый центр балтийских славян, в который стекались дары и пожертвования со всех славянских земель». Наивысший расцвет Арконы относится к XI—XII вв., а это позволяет полагать, что "она была достаточно знаменита и в X веке", выдерживая сравнение с Киевом и Новгородом (640). Название племени, пишет И. Грбек, "мы можем прочесть как «аруяния»»; славянское племя, населявшее остров Рюген (Rana, Ruiana, Ruyia, Rugia, Roja, Rugiana), имеет у анналистов различные названия: Rugiani, Ruyani, Rujani, Rojani, Ruani, Rani и т. д.". Автор отсылает к работе Милевского, который "доказал, что Ruiana, Ruiani является более древним обозначением острова и его жителей, а Rana, Rani — более поздним", и обращает внимание на то, что именно "древнейшая форма (Ruiani) весьма сходна с формой (А)руяния, засвидетельствованной у Аль-Истахри" (641).

Обратившись к рассмотрению "предметных данных" арабских текстов, И. Грбек констатирует: "Они

соответствуют тому, что мы знаем из других источников об Арконе, Рюгене и их жителях" (641). Географическое положение Рюгена и Арконы "вполне соответствует сообщению о морской торговле, и торговая деятельность жителей острова" достаточно отражена в источниках. "Руяне предпринимали путешествия в различные страны, а в самой Арконе имелся особый квартал, где жило много иностранных купцов", — пишет И. Грбек, ссылаясь на источники (641).

Предшественников И. Грбека особенно смущала фраза арабского текста о том, что жители "Арты" убивают иноземцев. Даже после его работы А.П. Новосильцев счел возможным присоединиться к тем, кто полагал, что это — ложное утверждение, которое "распространяли болгарские купцы". Между тем нет никакой нужды в столь натянутом объяснении, так как арабская информация лишь обобщая гиперболизирует реальные факты. Они, в свою очередь, объяснялись реакцией именно балтийских славян на жестокости насильственной христианизации в ходе военной экспансии Каролингов. Как раз на Рюгене, в Арконе, напоминает И. Грбек, "стоял известный храм языческого бога, где ежегодно приносился в жертву один христианин, то есть иностранец»"(642). Автор подчеркивает, что "источники говорят о жителях Рюгена в довольно сильных выражениях, таких как «*crudentes*», «*gens fortissima*» и т. п.", и христианским миссионерам "было опасно для жизни отправляться к ним" (642). Грбек отмечает, что в непосредственном соседстве с островом Рюген обитали четыре племени велетов, которые принадлежали к наиболее диким и жестоким славянским племенам, причем "неоспоримо, что лютич-велеты были далеко за пределами своей родины известны необычайной жестокостью и дикостью и что их отношение к чужакам было крайне недружелюбным". И. Грбек справедливо объясняет это "длившейся

столетиями враждой с немцами и христианами" (643). Напомнив о предположении, будто бы сведения "о враждебности жителей «Арки» по отношению к чужеземцам" являлись "вымыслом с целью отпугнуть чужих купцов", И. Грбек называет его "совершенно излишним", так как "мы можем согласовать сообщение Аль-Истахри" с тем, "что мы знаем о балтийских славянских племенах из других источников, и нам не требуется прибегать к легенде для объяснения этого явления" (643).

Автор рассматривает перечни товаров, которые, согласно арабским источникам, вывозились из "Арки". Аль-Истахри указывает только свинец и черных соболей, Ибн-Хаукаль добавляет еще черных лис и "зайбак". Проанализировав соотношения рукописей, Грбек приходит к заключению, что "данные Ибн-Хаукаля о вывозе лис и рабов из «Арки» могут восходить к маргиналиям Аль-Истахри", и тогда "мы можем считать их достоверными" (644). "Как важный торговый центр на Балтийском море Аркона сосредоточивала товары из различных соседних стран", — подчеркивает И. Грбек и указывает, что меха, естественно, могли доставляться из Швеции и Восточной Европы, а свинец — из той же Швеции, Польши или Силезии и даже из прибалтийского Поморья. Он приводит данные источников относительно месторождений там свинца, о развитии экспорте мехов из названных земель как раз в то время, о котором идет речь. Что касается работорговли, то И. Грбек отсылает к информации Гельмольда, который "подчеркивает, что Rujani приобретают свое богатство за счет продажи рабов", а кроме того, вообще "имеется много свидетельств о работорговле в балтийских странах" (645).

И. Грбек резюмирует, что "ни один из фактов не свидетельствует против идентификации «Арка» с Арконой, а «аруяния» с жителями Рюгена; описание,

которое содержит первоисточник Аль-Истахри, вполне соответствует этническим и хозяйственным отношениям в Арконе, на Рю-гене и славянском побережье Балтийского моря" (645). Исследовав "все сообщения, которые содержатся в старинных арабских географических трудах о третьем племени русов", автор заключает, что "единственным решением, которое отвечает всем требованиям критического рассмотрения предмета и источника, является идентификация с Арконой и Rujanī (жителями острова Рюген)" (648).

Исследование И.Грбека, к сожалению, учитывалось слишком недостаточно даже авторами, знавшими о нем и позднее специально обращавшимися к вопросу о "трех центрах Руси": сведения арабских географов стремились привлекать, как бы абстрагируясь от результатов текстологических сопоставлений, позволивших Грбеку обоснованно вывести за рамки правомерного использования в качестве источника искаженные тексты позднейших версий и уникальные особенности дефектных списков, порожденные недопониманием исходного текста переписчиками. Это приводило к малооправданному наращиванию географического разброса интерпретаций и к преувеличению значимости поздних распространений основного источника, досконально изученного И. Грбеком.

Между тем важность результатов его исследования особенно очевидна при сопоставлении с другими опытами идентификации этих сведений. Только Аркона и рюане имеют бесспорное ближайшее созвучие с арабскими текстами; только Аркона из всех предлагавшихся соотношений выдерживает сравнение по значимости с Киевом и Новгородом; только рюане действительно убивали иностранцев, принося христиан в жертву своему верховному божеству в эпоху острого противостояния, имевшего место в десятом веке, когда уже велась принудительная христианизация балтийских

славян немцами; соответствуют реалиям Рюгена и сведения арабских текстов о номенклатуре вывозимых товаров.

Ко второй половине предшествовавшего, девятого века восходят сведения других арабских авторов относительно "острова русов". И. Грбек к ним не обращался вследствие ограниченности своей конкретной задачи. Но соотносимость этих сведений с тем же Руяном достаточно очевидна. Соответствующие суждения не раз высказывались и подробно аргументировались с опорой на источники. Главное различие состоит в том, что до середины девятого века еще не было интенсивного натиска Каролин-гов на руян, и соответственно в источниках, отображавших этот период, нет данных о враждебном отношении жителей острова к иноземцам, тем более — об убиении пришельцев»^[238].

Изучению этой версии следует придать самое серьезное значение, поскольку это не только лишнее подтверждение культурного и этнического единства балтийских славян и славян Северо-Западной Руси, основанное на скупом изучении арабских источников, но и восприятие арабским миром того времени Русского каганата, как огромной территории от Южной Балтики до Днепра и Дона. Таким образом, они представляли своеобразную торговую империю русов единым государством, что не лишено оснований. Не такой ли была древняя Финикия? То, что Аркона была сакральным центром всего славянского мира, не вызывает сомнений.

Е.С. Галкина, также обратившись к анонимному источнику, пишет: «В арабо-персидской географии Средневековья древнейшими сведениями (из тех, что сохранились) о русах обладал анонимный автор "Переделов мира". Именно с них начинается и сообщение о русах с хаканом во главе. Этот корпус

известий о Восточно-Европейской степи и лесостепи, который можно считать достоверным. Это доказывают сопоставления с археологическим материалом, который датируется концом VIII — началом IX в. не позднее 830-х гг. (появление мадьяр в Причерноморье и прекращение торговли по "реке Рус"). Русы локализуются в данном сочинении на территории среднего и верхнего течения реки Дон, Северский Донец до правых притоков Днепра, ограничиваясь с востока западной частью Приволжской возвышенности и Средним Доном, с запада восточными славянами и с юга — Донецким кряжем и булгарами Подонья»^[239]. Но где же тогда северо-западная часть и регион Киева? Стоит ли связывать Русский каганат только с одной археологической культурой, как будет видно из дальнейшего, делают многие археологи и историки. Может быть, это связано с наиболее развитым регионом Русского каганата? С его легендарным центром Артанией, который в эпоху Киевской Руси переместился в Киев. Но вместе с тем резиденцию царя, которого аноним называет хаканом русов, он помещает именно в Киев. В.В. Седов считает, что если в Русском каганате был административный центр, то им мог быть только Киев, поскольку древнейшие культурные напластования в этом городе, выявленные на Старокиевской горе, датируются VIII—IX веками. Находки этого периода найдены еще на горах Детинке, Киселевке и Щековицы, а также на Подоле^[240]. Вместе с тем, наиболее крупное ремесленное производство находилось, судя по всему, в ареале салтово-маяцкой культуры.

Е.С. Галкина считает, что если наложить данные арабских источников на этнокультурную археологическую карту Восточной Европы того времени, то оказывается, что эту территорию занимают памятники одного из видов салтово-маяцкой археологической культуры VIII — начала X века,

известной обширными поселениями искусных ремесленников — гончаров и ювелиров, могильниками с захоронениями вооруженных воинов, богатые монетные клады, которую большинство исследователей определяют как государственную культуру Хазарского каганата^[241].

Рассмотрим отличительные черты археологических находок именно этого региона, который известен своим железоделательным производством, причем конструкции сыродутным горнам этого региона аналогичны горнам Северной Моравии, имеющие глубокие исторические корни и связанные еще с кельтским влиянием на территории Моравии^[242]. Может быть, не зря аноним упоминает о моравах (моррават)? Интересно, что подобный, но более ранний горн найден и на описанном выше Пеньковском городище, наряду с характерно славянскими^[243].

Следует обратить внимание, что в Донецко-Оскольском междуречье существовал крупный центр черной металлургии. Объем добычи железа был очень велик, и это естественно: в данном районе отличная сырьевая база, где болотные руды добываются в промышленных масштабах, начиная с XV века и по сей день (в 1990 г. в одном Приосколье насчитывалось 80 металлургических пунктов). И что характерно, металлообработка достигла высокого уровня как у русов, так и у соседей — жителей степи. На всей территории салтово-маяцкой культуры употребляются пакетные технологии сварки, причем для русов — это главный технологический прием¹¹^[244]. Не следует забывать, что эта технология корнями уходит в кельтский мир.

Анализируя обработку железа в Подонье VIII — начала IX века, ученые считают возможным объединить Донецко-Донской регион в единый металлургический центр, поскольку очевидна вторичность праболгарских

мастеров по сравнению с ремесленниками русами (существенно отличается качество сварочных работ — высокое в лесостепи и в основном грубое в степном регионе). «Такой единый центр ремесла с передачей опыта был возможен только в пределах одного государства», — делает вывод Е.С. Галкина. Причем производство было налажено именно оружия^[245].

Интересно, что славяне, жившие севернее русов на Верхнем Дону и в районе Воронежа, пользовались готовыми железными изделиями и полуфабрикатами русов и в свою очередь снабжали русов высокофористым железом^[246].

Из девяти исследованных на данный момент салтовских клинков пять показывают очень высокий технологический уровень: использование высокоуглеродистой стали, вварка, сварка из двух полос, сложные виды термообработки — все это могло применяться только в высокоразвитых центрах производства оружия с давними традициями, что требовало особенно квалифицированных ремесленников с узкой специализацией^[247].

Таковыми кузнецами могли быть только наследники кельтской цивилизации — русы. Видимо, здесь, в междуречье Дона и Волги, находился и центр по производству знаменитых булатных мечей, столь ценимых арабами (рис. 67).

Рис. 67. Русский меч

Не менее интересная ситуация сложилась в этом регионе и с арабскими дирхемами, вернее с подражаниями этим монетам (язык не поворачивается назвать их фальшивыми, поскольку как и арабские монеты делались из чистого серебра), которые широко распространены среди монетных находок только на территории Европейской России. Особый интерес вызвал

у исследователей Девицкий клад, состоящий из 299 монет (самая поздняя датирована 837— 838 г.), найденный в Коротоякском районе Воронежской области. Более четверти монет оказались не просто подражаниями, а были изготовлены из более высококачественного серебра, а сами монеты были большего веса. При этом часто лицевые и оборотные стороны были как бы взяты от разных арабских монет и к тому же некоторые из них имели особый рунический (руны не скандинавские!) знак, встречающийся на салтовской посуде^[248]. Все это говорит о существовании у русов собственного монетного двора, выпускавшего похожие на арабские дирхемы монеты зачастую из более высококачественного серебра. Встает вопрос — где же они его добывали?

Интересно, что рунический знак на монетах очень напоминает трезубец Рюриковичей (хотя по времени — клад доваряжского периода), как, впрочем, и знак, часто встречающийся на монетах Понтийского царства, причем на тех, которые чеканили в Комане, малоазийском сакральном центре, верховными жрецами которого неоднократно бывали кельты-галаты.

Из всего вышесказанного Е.С. Галкина делает вывод: «Очевидно, что данные археологии и нумизматики не только подтверждают существование на территории лесостепного и степного вариантов салтовской культуры самостоятельного торгового государства, через которое шла самостоятельная магистраль, но и вносят любопытные дополнения в локализацию Русского каганата: кроме основной его части, покрывающей эти два варианта, можно определить и периферию — восточнославянские племена левобережья Среднего Днепра (рис. 68, 69).

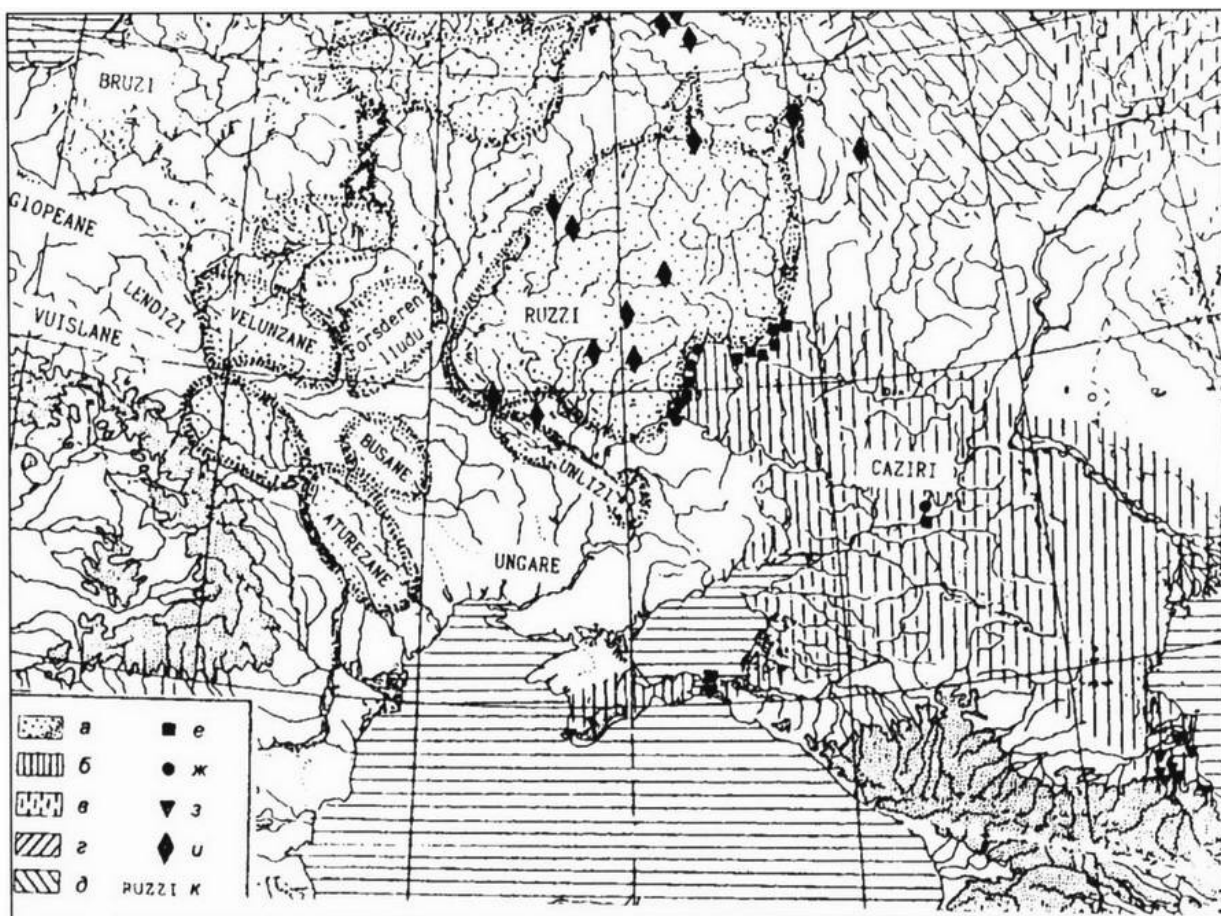

Рис. 68. Историческая ситуация в Юго-Восточной Европе в первой половине IX в.

а — археологические ареалы славян; б — территория салтов-маяцкой культуры; в — ареал волжских болгар; г — муромы; д — мордвы; е — хазарские крепости, выстроенные византийскими мастерами в 830-х гг.; ж — хазарские городища, на которых византийскими строителями в те же годы были воздвигнуты каменные фортификации; з — прочие крепости Хазарского каганата; и — места находок пяти - семилучевых височных колец (четвертой группы по Е.А. Шинакову); к — этнонимы «Баварского географа» (по Седову В. В.)

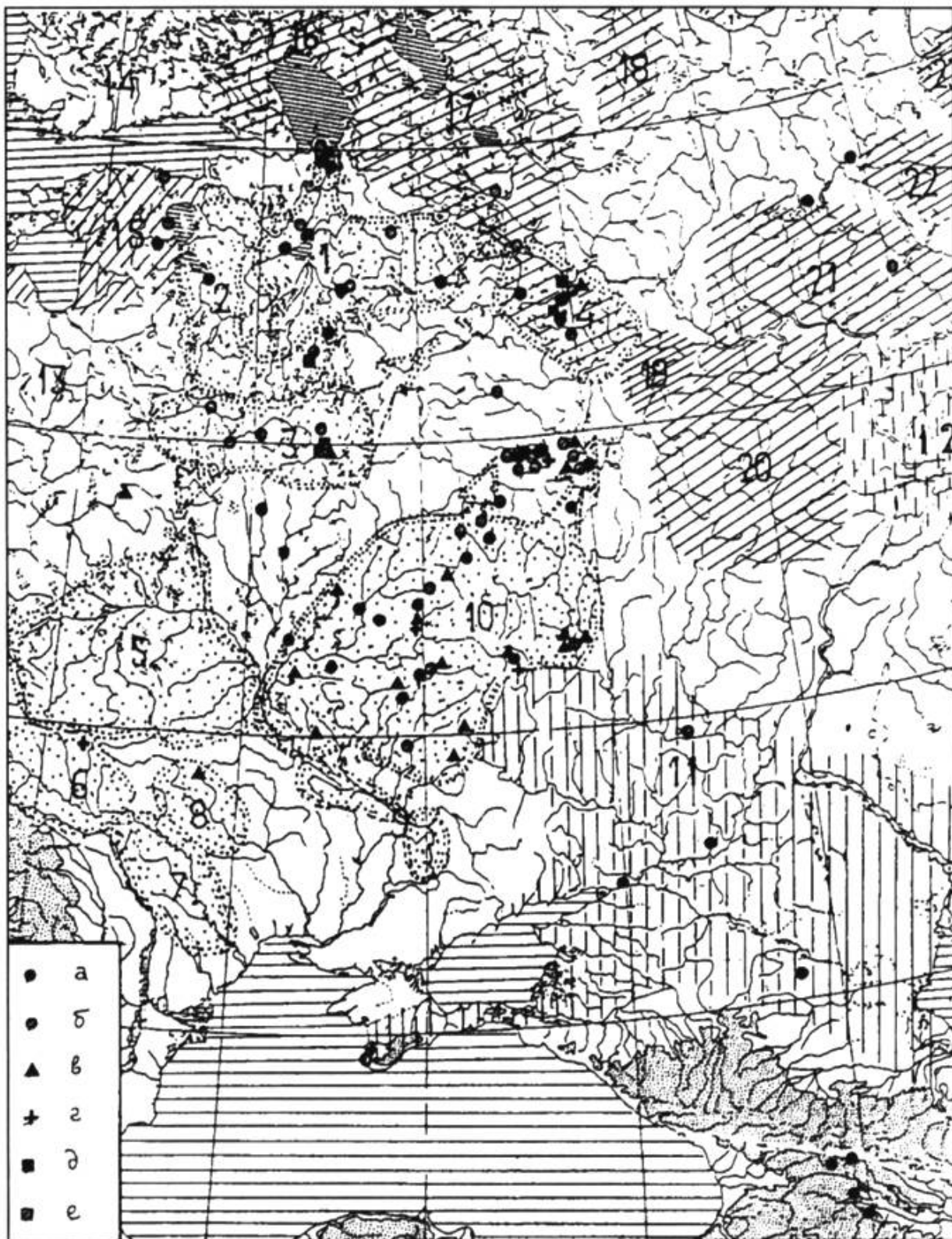

Рис. 69. Распространение кладов арабских монет первого и второго периодов их обращения в Восточной Европе (по Седову В. В.):

1—10 — регионы славянских племенных образований: 1— словен ильменских, 2 — кривичей псковских, 3 — кривичей смоленско-польских, 4 — мери, 5 — булебской группы (волыняне, древляне, поляне, дреговичи), 6 — хорватов, 7—тиверцев, 8 — бужан, 9 — уличей, 10 — русов — носителей волынцевской и эволюционировавших на ее основе культур; 11 — территория салтово-маяцкой культуры (Хазарского каганата); 12 — область волжских болгар; 13 — летто-литовских племен; 14—23 — регионы финно-угорских племен: 14 — суми иеми, 15 — эстов иливов, 16 — корелов, 17 — веси, 18 — заволочской чуди, 19 — муры, 20 — мордвы, 21 — мари, 22 — удмуртов, 23 — коми-пермяков. а — клады арабских монет первого периода (до 830 г.) их обращения (по В.Л. Янину), б — клады арабских монет 830—890-х гг. (по В.Л. Янину, с дополн.), в — находки подражаний арабским дирхемам, г — клады византийских монет IX в., д — памятники первой половины IX в. с находками скандинавских вещей, е — памятники второй половины IX в. со скандинавскими элементами

Кроме того, можно с уверенностью предположить, что в 830-е гг. на рассматриваемых землях произошла какая-то катастрофа. Во второй период по классификации М. Фасмера из обращения дирхема выпадает территория СМК и указанных выше славянских племен, замирает торговый путь по "реке Рус". Также археологически прослеживается резкое сокращение антропоморфных, зооморфных и солярных амулетов. В огне погибают многие поселения лесостепного варианта, в том числе и ремесленные центры»^[249]. Видимо, не случайно, в связи с вышесказанным, что русы

Вертинских анналов появляются именно в этот период времени, в 839 году.

Не менее интересен тот факт, что ни в одном регионе Восточной Европы нет такого большого скопления каменных городищ, как на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. «По верховьям Северского Донца, Оскола и среднему течению Дона насчитывается 25 сохранившихся белокаменных крепостей, не считая не дошедших до нашего времени, но упомянутых в "Книге Большому Чертежу". Из них наибольшее количество находится на Северском Донце — 11 развалин крепостей или замков! К этому же типу относятся Хумаринское и Правобережное Цимлянское городища в низовьях Дона. Характерные отличия этих городищ — это белокаменное строительство из обработанных (лучше или хуже) блоков известняка, облицовочная кладка, отсутствие фундамента под мощными оборонительными стенами.

Все они находятся на высоких мысах правого берега рек. Часто русы использовали как основу для крепости сооружения их далеких предков — скифов. Этот североиранский народ освоил Подонье еще в VII в. до н. э. Скифы укрепили многие мысы мощными валами и рвами, образовали поселения и жили там несколько веков. Культурный слой скифской эпохи на некоторых городищах достигал 25—30 см, а это немало, если помнить, что скифы были кочевниками. Следующий строительный этап начали уже носители салтово-маяцкой культуры, которая не была чисто хазарской культурой, в скорее всего полиэтничной, примерно через тысячу лет»^[250].

Очень показательны среди древностей русов разнообразные амулеты и украшения. «Амулеты у салтовцев были нескольких видов и все уходили корнями в древние индоиранские верования. Очень часто среди бронзовых оберегов встречаются варианты

символической фигуры огня-солнца — "крест в круге". Лучи в нем иногда имеют вид спиральных завитков, обозначающих движущееся солнце. Четыре изогнутых луча — "криволинейная свастика" — тоже символ вращающегося светила. Среди находок имеются и колесообразные фигуры, образованные шестью, семью или восемью лучами. В общепринятой символике, появившейся у индоевропейских народов за три тысячелетия до салтовских русов, обычно было восемь лучей. Но у салтовцев особенно популярным было число "семь"»^[251]. Все это так, но нельзя забывать что подобные изображения «креста в круге», «криволинейной свастики», многолучевые колесообразные фигуры весьма характерны для кельтов на всем временном отрезке их существования.

Необходимо отметить, что, несмотря на то, что многие построения Е.С. Галкиной очень интересны и убедительны, центр Русского каганата не обязательно находился в этом регионе. Не исключено, что их было несколько, а скорее всего — три, на что упорно указывают арабские источники, тем более что все три описываемых ими региона имели ключевое значение для торговли. Вызывает сомнение и главный вывод исследовательницы Галкиной — что русы — это на самом деле аланы. Слишком явен в археологии кельтский след, да и сами аланы постоянно упоминаются в арабских источниках наряду с русами — значит арабы их четко отделяли от русов в отличие, кстати сказать, от славян, считая их «особой джинкастой» славян. Конечно, в том сложном полиэтничном мире, который существовал в Подонье и Поволжье могли существовать самые различные племенные союзы и потомки сарматов — аланы были, конечно же, значительно ближе таким же индоевропейцам славянам, чем турки, к тому же не следует забывать и о кельто-

скифах, об общности иранской и кельтской культур и о том, что они могли говорить на одном языке.

Наиболее интересные и подробные сведения о русах мы получаем из арабских средневековых источников и это не случайно, поскольку именно они были главными торговыми партнерами арабов на Великом волжском пути. Интересно, что арабский географ Ибн Руста (начало X в.) помещает русов западнее славян. Приведем его описание русов и их страны полностью: «Что же касается ар-Руссии, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян.

Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: "Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь ты этим мечом". И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют (ими). У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому

из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего.

Мечи у них сулеймановы. И если какое-либо их племя (род) поднимается (против кого-либо), то вступаются они все. И нет тогда между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока не победят его.

И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами), и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооруженными и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело.

Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их (русов) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву Творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва Богу.

Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победленных истребляют или обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях.

(Русы) носят широкие шаровары, на каждые из которых уходит сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают. Никто из них не испражняется

наедине, но обязательно сопровождают руса трое его товарищей и оберегают его.

Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться его убить или ограбить.

Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении»^[252].

Анализ этого описания дает интересные результаты. Пока мы не будем вдаваться в дискуссию по поводу острова русов — его находят и в Подунавье, и в Поволжье, и в Приладожье, и в Эстонии, и на землях Балтийских славян (о. Рюген, например), и в дельте Кубани. Вполне возможно, даже скорее всего, что таких мест было несколько. Просто место проживания, такой как остров, мог быть традиционным для русов, занимающихся военными набегами и международной торговлей. Остров имеет естественную защиту от посягательств неприятеля. Не исключено, что речь шла о некоем сакральном для русов острове, что тоже возможно. Тогда, скорее всего, им мог быть о. Рюген, известный общеславянским культом Святовита, аналогом галльского Меркурия. Здесь важно отметить другое.

Во-первых, совершенно ясно, в том числе и из других источников, что русы и славяне — не одно и то же, что по

отношению к славянам первые занимали главенствующее положение.

Во-вторых, — главное занятие русов — торговля, причем торговля морская и речная, и русы — типичные представители дружинно-торгового сословия, хорошо знакомого нам в регионе Балтийского моря, и у них много городов (видимо, тех самых ремесленно-торговых городков также известных на Балтике).

В-третьих, — они прекрасно вооружены либо знаменитыми франкскими мечами, либо мечами собственного, не менее качественного производства, о чем речь пойдет несколько ниже, и свои споры они решают с помощью этого, сакрального оружия, что характерно и для кельтов и для славян.

В-четвертых, их знахари (а точнее — жрецы), «повелевают царем», как когда-то повелевали друиды у кельтов и, как это было принято, по крайней мере, на всем южном побережье Балтики и у славян и у балтов. Да и способ жертвоприношения очень похож и на кельтский, и на балтский, и на славянский.

В-пятых, хоронят русов так же, как когда-то хоронили своих вождей кельты и скифы в VII—V веках до н. э. Те же камерные захоронения известны (но уже в раннем средневековье) и в Дании, и в Швеции, и в Прибалтике, и у славян, и в России и связаны все с тем же дружинно-торговым сословием. И кладут в эти могилы столь любимые кельтами золотые браслеты, а также жену. Вообще, описанные Ибн-Руста похороны очень напоминают описание галльского погребального обряда, сделанное Юлием Цезарем.

В-шестых, золотые браслеты, которые носят русы, — не менее любимое украшение кельтов, известное как по многочисленным археологическим находкам, так и из античных источников.

Интересны и способы захоронения русов. «С наследием русов, на мой взгляд, можно связать

дружинные курганы со срубными, камерными гробницами второй половины (или конца) IX—X вв. Одно время их считали исключительно шведскими, теперь же пришли к заключению, что даже в Бирке они не являются местными. Нахождение схожих сооружений в Западной и Северной Европе лишь усиливает интерес к их древнерусским параллелям и загадке их появления»^[253].

Вместе с тем, давно отмечены схожие славянские и кельтские параллели, связанные с захоронениями — в частности обычай ломать или сгибать оружие при похоронах и многое другое, в частности использование курганов как ритуальных площадок. К тому же многие подобные захоронения, как уже писалось выше, имеют котлы — а это один из отличительных признаков кельтских захоронений. Данные археологии подтверждают и восточные источники, в частности описание похорон знатного руса, сделанное Ибн Руста в «Книге драгоценностей»^[254]. Надо сказать, что подобный обычай, как уже отмечал ряд исследователей, зафиксирован и в русском фольклоре — в былине о Михаиле Потоке.

Добровольная смерть жены во время похорон мужа является также кельтским обычаем. Но самое интересное другое. Эти дружинные захоронения русов очень похожи на кельтские «княжеские» курганы. Эти курганы гальштадтского времени встречаются в верховьях Дуная и Рейна, в Южной Германии, Чехии. Их диаметр составляет около 60 м, высоту 6 м и содержат погребальную камеру, сделанную, как правило, из бревен, с богатейшим инвентарем: гривнами, фибулами, браслетами, рогами для питья, оружием, котлами и посудой^[255]. Неоднократно отмечалось, что камерные погребения имеют сходство со скифским погребальным обрядом^[256].

«Кельтское влияние, — как показала польская исследовательница Я. Розен-Пшеворска, — проявляется не только в материальной культуре, но и в духовной жизни славян. Оно было настолько мощным, что следы этого воздействия обнаруживаются даже в языческих культовых сооружениях раннего средневековья. Так, исследованные на славянском поселении в Гросс-Радене в округе Шверина языческая культовая постройка IX-X вв. и храмовое здание VII-VIII вв. в Фельдберге в округе Нейбранденбург находят аналогии в кельтском культовом строительстве. Деревянные стилизованные фигуры, обнаруженные в Гросс-Радене, находят параллели в кельтском искусстве. С храмами кельтов сопоставимо также славянское святилище в Арконе на острове Рюген, известное по описанию Саксона Грамматика. Вполне очевидно, что культовые языческие постройки северо-западных славян раннего средневековья восходят к храмовому строительству кельтов Средней Европы»^[257]. Необходимо отметить, что и в Старой Ладоге было раскопано храмовое сооружение, имеющее западно-славянские, а значит и кельтские аналогии.

А.Г. Кузьмин отмечал: «Интересные параллели отыскиваются как будто уникальному новгородскому институту: "300 золотых поясов" в качестве главного органа республики... Кельтская Галатия в Малой Азии управлялась советом из трехсот членов, собиравшихся в дубовой роще... Территориально ближе другая параллель: на острове Рюген верховная власть принадлежала жрецу, в распоряжении которого было триста всадников — с их помощью жрец осуществлял фактическое управление...»^[258].

Сложная, многоярусная система власти в Древней Ирландии больше всего напоминает нашу удельно-вечевую систему^[259]. Так же как в Древней Руси, объединению кельтских королевств очень мешала

система наследования не по прямой линии от отца к сыну, а старшему в роду. Система наследования великокняжеского трона не по прямой линии, а старшему в роду чисто кельтская традиция, известная в той же Шотландии до середины XII в. [\[260\]](#).

Интересны моменты, связанные с денежными системами. Древнерусское обозначение мехов и монет «куна» имеет кельтские параллели — галльские монеты в Паннонии назывались *cupos*. Нелишним будет заметить, что Норик долго был одним из центров чеканки кельтских монет. До сих пор идут споры о возможном славянстве нориков, хотя та же ПВЛ напрямую говорит о происхождении и славян и славянского языка именно от нориков. Еще одно из обозначений денег на Руси как «скот» также имеет кельтские параллели [\[261\]](#). Кстати сказать, в Ирландии скот, так же, как и на Руси, выполнял функцию денег.

«Следов кельтских религиозных представлений в Древней Руси, возможно, еще больше, чем элементов государственной традиции (на юге, по всей вероятности, большее значение имели традиции, уходящие в Черняховскую и даже скифскую древность). С кельтским влиянием, видимо, связано наличие многоликих божеств у балтийских славян. Кельтские черты проявляются в поклонении русов дубу на острове Хортица, описанном Константином Багрянородным... Не исключено, что боги Перун и Белее, которыми клялись дружинники Олега и Игоря, были общими для славян и славянизированных кельтов. Во всяком случае, поклонение Перуну было широко распространено именно в Прибалтике (Поморье, Литва), причем везде культ его был связан с дубом...» [\[262\]](#). Связь славянского Белеса (Волоса) с галльским богом Веллауносом прекрасно доказал В.П. Калыгин [\[263\]](#). Что касается Перуна, то это древнейшее индоевропейское божество, известное еще хеттам — они его называли Пирве (рис. 70, 71).

Рис. 70

Рис. 71. Жертвоприношение руссов на о. Хортица

В связи с этими кельтско-славянскими аналогиями особый интерес вызывает племя венетов в Арморике, которое было разгромлено войсками Юлия Цезаря. Остатки этого народа, видимо, частично переселились в Уэльс и Ирландию. Не исключено, что какая-то группа ушла к венетам балтийским, на территорию современной Польши, где в то время получила развитие сильно кельтизированная пшеворская археологическая

культура, на базе которой впоследствии образовались собственно западнославянские племена.

Интересно, что родичами англосаксов, захвативших в раннее средневековье власть над Британией, Беда Достопочтенный считает ругинов (ругов)^[264]. Вместе с тем этот народ принимал участие и в завоеваниях этого острова^[265]. А, как уже не вызывает сомнения, лугии, ругии, руги, руяне названия одного и того же славянского племени. «Опираясь на археологические данные, мы можем считать лугиев такими же предками славян, как и венедов...»^[266]. Вместе с тем в III веке н. э. в центре Ирландии проживали племена со схожими названиями — лагины и лугины, а на юге племя вениев. Все это говорит о древнейших связях славян не только с континентальными кельтами, но и островными, в частности, с Ирландией (рис. 72).

Рис. 72. Племена британских островов и Бретани

Кстати, эстонцы и финны до сих пор называют русских *vene*, что также наводит на мысль о кельтских параллелях.

А.А. Шахматов указал на ряд сохраненных славянскими языками кельтских (или общих для славян и кельтов) терминов, которые связаны с формированием классового общества и государственности: бояре, влат,

слуга, тать, отец; с военным делом: щит, вал...^[267] К этому можно добавить слова: конь, шлем, тын, град, гость, волхв.

Где бы мы ни сталкивались с этнонимом русь, идет ли речь о Франции, Британии, западнославянских землях, Волге, Дунае, мы неминуемо видим более древний кельтский след. Вместе с тем никакой Руси на территории Швеции так обнаружено и не было. Зато можно говорить о кельтских колониях или поселениях в Центральной Швеции и на острове Готланд.

Эта тема, конечно, требует отдельного исследования, но этот краткий исторический экскурс показывает, насколько тесными в период раннего средневековья, задолго до эпохи викингов, были связи западных и, впоследствии, восточных славян с традициями островных кельтов, и более того существовало единое культурное пространство, охватывающее, Ирландию, Уэльс, Бретань и славянские земли, особенно прилежащие к Балтийскому морю и пути «из варяг в греки» и Великому волжскому пути. Создатели этих торговых путей ирландцы, валлийцы, бретонцы, фризы, русы и славяне не только обменивались товарами, но и духовными и культурными достижениями.

«Общая судьба варягов-кельтов и поморских славян, — писал А.Г. Кузьмин, — способствовала быстрому взаимопроникновению культур еще на южном побережье Балтики. Теснимые с материка германцами, они уходят на восток уже как относительно цельная этническая группа, в которой преобладают кельтские имена, а средством общения является славянский язык. Именно поэтому носители "варяжских" имен, первые заморские князья, обосновавшиеся на северо-западе Руси, строят чисто славянские города Новгород, Изборск, Белозеро, а на огромной территории от Новгорода до Муром, куда простирается "варяжская"

государственность, быстро распространяется славянский, "русский" язык. Несколько иным, видимо, было положение на юге Руси. Сюда в меньшей степени докатывалась волна естественного прилива населения с южного берега Балтики. Здесь далее зашел процесс классового расслоения, а при оформлении государственности сохранялись традиции Черняховского и скифо-сарматского времени. Не исключено, что пришельцы с севера и здесь нашли славянский язык как общепризнанное средство общения разных этнических групп, издревле населявших Приднепровье и Причерноморье, но и реликты кельтских же по своему конечному происхождению традиций»[\[268\]](#).

Далее А. Г. Кузьмин пишет: «В конце I — начале II тысячелетия по всей Европе проходит процесс становления новых народностей на базе старых этнических общностей. Своего рода "массовой" базой для большинства этих народностей являются остатки некогда почти безграничной кельтской цивилизации. Не последнее место кельтский субстрат занимает и в процессе сложения славянских народов. В литературе указывалось на значение кельтского элемента в формировании этнической общности Центральной Европы. Очевидно, необходимо включить в поле зрения и южнобалтийское побережье, где издревле складывалась специфическая кельтская культура. Варяги на Руси — последний этап слияния этой культуры со славянской»[\[269\]](#).

Нельзя не согласиться с заключениями этого ученого, вместе с тем нельзя и забывать о том, что западные славяне двигались на восток не только потому, что их теснили германцы — основной причиной были общие торговые интересы не только сильно подвергшихся кельтскому влиянию западных славян, но и прямых потомков кельтов: уэльсцев, ирландцев, шотландцев и бретонцев, которые могли не только

участвовать в торговых операциях, но и основывать свои торговые поселения, в частности, на Волге (вспомним двуязычие руси и славян арабских источников и разность их обычаев, а также двуязычие в среде балтийских славян), а также участвовать и в создании русской государственности.

Наиболее последовательный из учеников А.Г. Кузьмина В.В. Фомин пишет: «Поиски истоков руси, завершившей создание государства у восточных славян, привели Кузьмина, как и многих исследователей XVIII — XIX вв., к выводу, что русская история не ограничивается Киевской Русью, и что до нее и параллельно с ней существовали другие русские образования. На то указывают многочисленные иностранные источники, впервые в науке систематизированные ученым, и зафиксировавшие в Восточной и Западной Европе применительно ко второй половине I — началу II тысячелетия более десятка Русий разного этнического происхождения». Здесь примечательно, что, несмотря на такое количество Русий, саги никогда не помещают ни одну из них на территории Скандинавии. Можно выделить четыре Руси на южном и восточном побережье Балтийского моря. Южнее тоже выделяется несколько Русий «Русь Прикарпатская, Приазовская (Тмутаракань), Прикаспийская, Подунайская и Приднепровская (Киевская), которые западные авторы именуют, как и Русь — Ругиланд — Ругия — Руссия — Рутения (иногда Руйя-Руюна), а их население — руги, роги, рутены, руйи, руяны, раны, рены, русь, русы, росомоны, роксоланы. Констатируя факт, что имя русы почти повсюду вытесняет название руги, Кузьмин сосредоточил внимание на этом народе, в начале н. э. проживавшем, по свидетельству Тацита, на островах и южном побережье Балтийского моря, и во главе которого стояли цари».

Остановимся подробнее на истории этого народа. В войне с готами руги потерпели поражение и часть их, вместе с переселяющимися готами, оказалась в III в. в Северном Причерноморье, а часть осталась на месте — например на о. Рюген. Основная же масса этого народа двинулась на Дунай, где расселилась в его верховьях, на территории Верхнего Норика, создав там свое королевство. «В 307 г. руги упоминаются в качестве федератов (союзников) Рима (Рим овладел правобережными дунайскими землями, включенными в область Норик, в 16 г. до н. э., и там жили иллирийские и кельтские племена, в V в. население здесь становится этнически более пестрым). В первой половине V в. Ругиланд, как называли королевство ругов германские авторы (римляне именовали его «Отечеством ругов»), входит в состав державы Атиллы, сохраняя собственных королей («Житие святого Северина», умершего в 482 г., «апостола Нори-ка», дает важные свидетельства по истории Ругиланда). Со смертью Атиллы и началом усобиц руги оказались расколоты: часть их сражалась на стороне гуннов, другая часть на стороне их противников, возглавляемых гепидами, недавними союзниками гуннов (рис. 73).

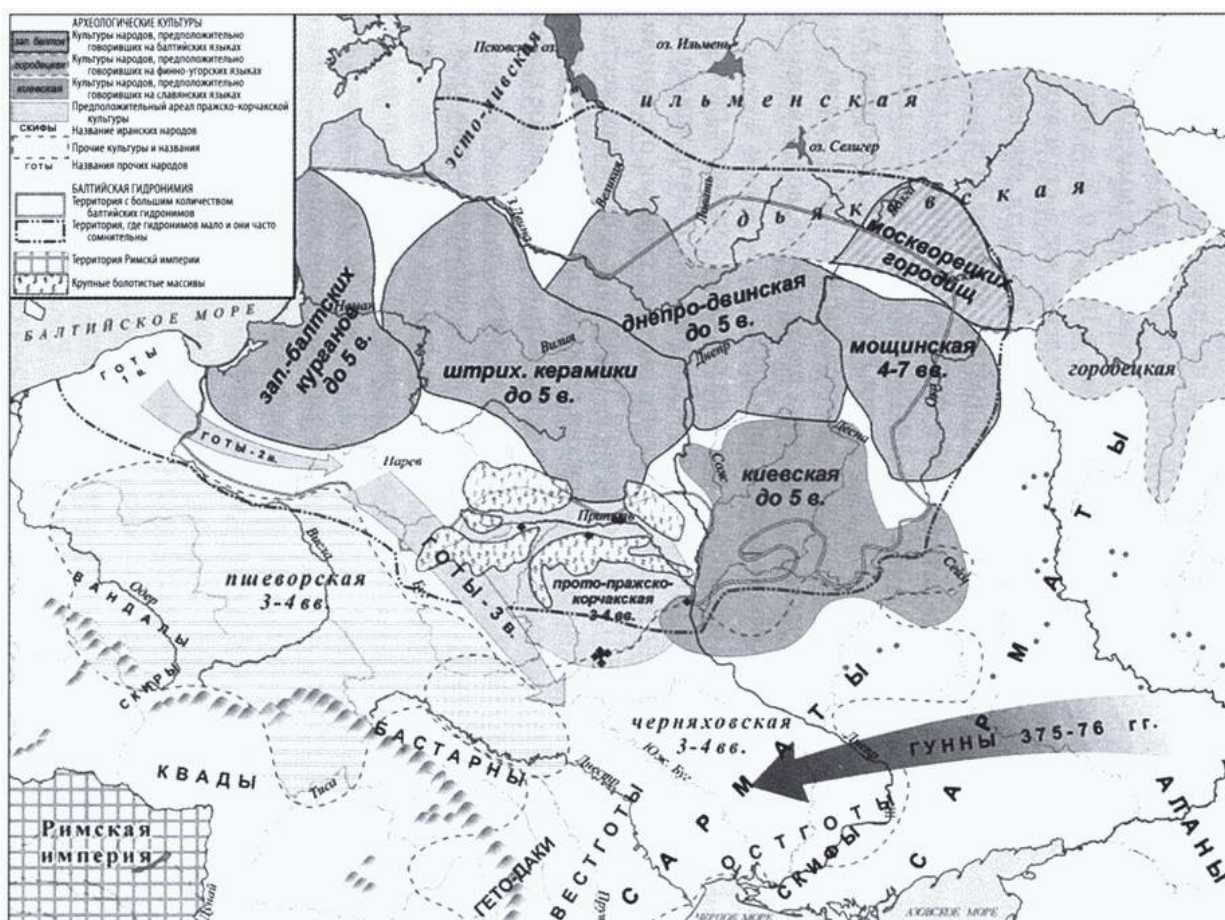

Рис. 73. Восточная Европа в III—IV вв. н. э.

По предположению Кузьмина, с гуннами остались именно те руги, которые пришли с ними из Причерноморья. Данный вывод напрашивается потому, что эти руги, потерпев поражение, вместе с гуннами отступили, как говорит Иордан, к Причерноморью и Днепру, т. е. к прежним местам проживания. Те же руги, что поддержали гепидов, остались в Подунавье и сохранили ранее занимаемые территории, называемые в разное время Ругиланд, Руссия, Ругия, Рутения, Русская марка».

Именно А. Г. Кузьмин сумел примирить две концепции начала Руси — полянославянской и

варяжской. «Согласно ранней полянославянской концепции поляне-русь появились в Среднем Поднепровье выйдя из Норика ("норики — это и есть славяне"), т. е. из области средневекового Ругиланда-Руссии. Более поздняя варяжская концепция настаивает на том, что русь — это варяги, пришедшие из неуточненного «заморья» (этим термином на протяжении многих столетий обозначалось все, что находилось вне пределов Руси, т. е. он абсолютно тождественен понятиям "за рубеж" и "за граница"), а сами новгородцы происходят "от рода варяжского". Противоречия между двумя концепциями начала Руси Кузьмин, считая их достоверными, снимал тем, что в Среднем Поднепровье оказались как выходцы из Норика — Ругиланда (гунны и руги и независимой от них ветви славян), так и с побережья Балтийского моря, только первые появились в Восточной Европе значительно раньше вторых»^[270]. Так что, говоря о русском языке как церковном на Турском соборе, имелся в виду язык ругов Подунавья? Не исключено».

Что же касается присутствия Руси в Причерноморье и Прикаспии, то Фомин вполне обоснованно заключает: «Известия Иордана, Псевдо-Захария, Бал'ами, Ибн-Хордадбега, житий святых Стефана Сурожского, Георгия Амастридского и Кирилла, патриарха Фотия, Аль-Масуди и др., повествующих о присутствии руси в Прикаспийско-Черноморском регионе и пребывании ее представителей в Багдаде в дорюриково время, преимущественно связаны с Русью Прикаспийской и Русью Приазовской (Черноморской). И эти Русии были (как, к примеру, две Болгарии — Дунайская и Волжская) реальными политическими образованиями, оставившими яркий след в памяти византийского и арабо-персидского мира, в археологии и лингвистике»^[271].

И все же русы — это остатки когда-то существовавшей своеобразной торговой «империи»

кельтов, простиравшейся от Атлантики и Северного моря до Северного Причерноморья и Поволжья. Причем, скорее всего, к моменту образования Русского каганата, русы по своему этническому составу представляли смесь различных племен, объединенных кельтской культурой, кельтскими традициями, продержавшимися весь языческий период существования от всего побережья Балтики до окраин Восточной Европы.

Полиэтнический состав русов подтверждают и имена послов и купцов в русских договорах с Византией, о чем уже говорилось выше, среди которых и славянские, и кельтские, и балтские, и угрофинские, и иранские (аланские) имена. Практически отсутствуют только имена скандинавские. Чтобы войти в русскую дружину, нужно было быть умелым воином и торговцем. В ее состав входили представители всех племен, задействованных тем или иным образом в международную торговлю. Без такого объединяющего и во многом сакрального начала (видимо, только представители русов могли быть племенными вождями и жрецами) была бы невозможна торговля на столь больших расстояниях. Русы были по сути своей надплеменной корпорацией, сосредоточившей в своих руках две ветви власти — гражданскую и духовную.

Купцы русы даже к богам обращались с надеждой на благоприятную торговлю и жертвовали огромные материальные ценности в языческие храмы. Как когда-то кельтов вел бог наживы в его римском варианте — Меркурий, так и русов вел скотий бог Велес. Вполне возможно, что именно ему посвящались зарытые в землю клады.

Не менее благоприятной для славянского мира была ситуация и в Средиземноморье. К этому времени от Венеции до дельты Днепра все побережье как Средиземного, так и Черного моря контролировалось славянами, которые именно в этот период

восстанавливают старые и строят новые города-порты, ориентированные на международную торговлю. Тем более что в начале VIII века, после захвата маврами Испании, вся западная часть Средиземного моря была блокирована арабскими пиратами. Вся западноевропейская торговля того времени могла происходить только, я подчеркиваю это слово, при участии и посредничестве славян и русов. Если на западе Европы главными мореходами и торговцами были наследники могучей кельтской морской традиции ирландцы, бретонцы и жители Уэльса, а также фризы — племя тоже если не кельтского происхождения, то кельтской культуры, то в Центральной и Восточной Европе главенствовали наследники той же традиции — славяне и русы. Германский мир осознал это гораздо позже, после прихода викингов, после организации новых скандинавских королевств вне Скандинавии. Основной ценностью средневекового германского мира была земля, как основной производитель материальных благ, и богатство феодала определялось количеством этой земли и прикрепленных к ней крестьян. Совсем другими категориями оперировала торговая элита славян и русов, где главную роль играли не поместья, а торговые города, где сосредоточивались основные богатства, причем в денежном выражении. Все описания славян и русов, как византийские, так и восточные говорят о многочисленных городах славян. Поэтому говорить о каганате русов, как о некой территории, имеющей четко обозначенные границы — бессмысленно.

Торговая империя кельтов и славян раннего средневековья больше всего напоминает подобную торговую империю финикийцев, которая также не имела четких границ и была объединена торговыми городами, разбросанными по всему Средиземному морю. Торговая империя русов охватывала еще большую территорию побережий и эстуарий рек. И если скажем, речная

цивилизация Древнего Египта, растянувшегося вдоль великого Нила, расцветала благодаря плодородию почв, то речная цивилизация Древней Руси расцвела благодаря торговле и ремеслу. Но это уже совсем другая история.

Глава 5.

Деяния Рюрика и его варягов

Рюрик, придя на княжение в Северную Русь, застал достаточно развитую инфраструктуру торгово-ремесленных поселений и крепостей, созданную на международных торговых путях, при активном участии его сородичей — балтийских славян. Надо отдать должное его кипучей энергии. Делая ставку на своих соплеменников и родню, он сразу отправил Трувора в Изборск, а Синеуса в Белозеро и сам, после Ладоги, срубил Новгород (на самом деле место этого города так называемое Рюриково городище). Послал своих бояр Аскольда и Дира установить свою власть в Киеве и основал много новых городов, контролировавших два главных торговых пути: «из варяг в греки» и Великий волжский путь. О всех этих деяниях красноречиво свидетельствует Повесть временных лет.

«И избрались три брата со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли к словенам первым, и срубили город Ладогу, и сел в Ладоге старейший Рюрик, а другой Синеус на Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же, люди новгородские — от рода варяжского, прежде же были словене. Два года спустя, умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и пришел к Ильменю, и срубил городок над Волховом, и назвал его Новгородом, и сел тут княжить, раздавая волости и города рубя — кому Полоцк, другому Ростов, этому Белоозеро. И по тем городам варяги — пришельцы, а изначальное население в Новгороде — словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белозере — весь, в Муроме — мурома, и всеми ими обладал Рюрик»^[272].

Размах деятельности Рюрика в Северном регионе поражает. Установив контроль над этой обширной территорией, превышающей размеры многих европейских государств, новоявленный династ на этом не успокоился (рис. 74). На истории захвата Киева, будущей столицы Древней Руси стоит остановиться особо.

«И было у него два мужа, не племени его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и, проходя мимо, увидели на горе городок. И спросили: "Чей это городок?" И сказали им: "Было три брата: Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и погибли, а мы, их потомки, сидим здесь и платим дань хазарам". Рюрик же в это время правил в Новгороде»^[273].

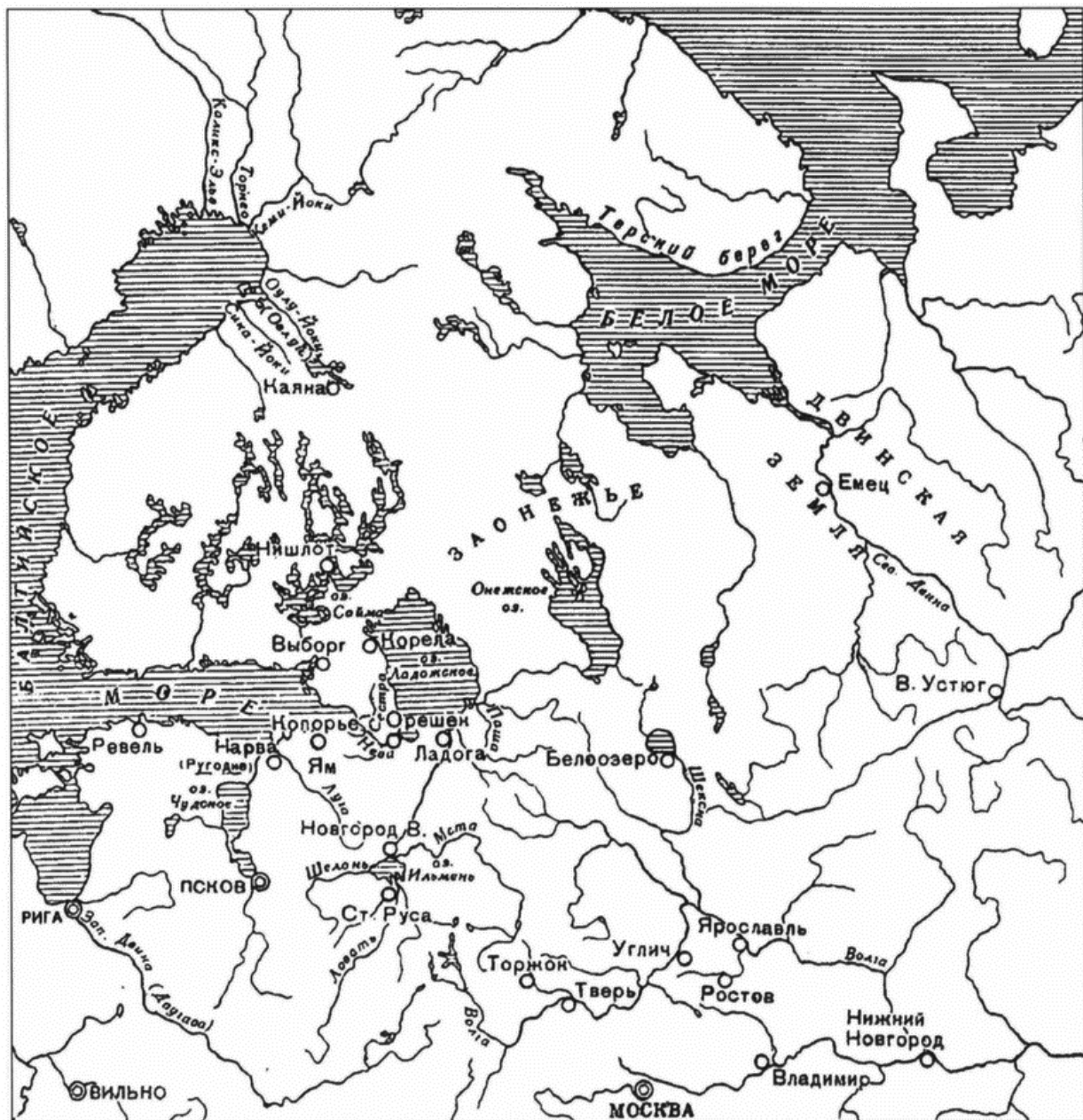

Рис. 74. Карта Новгородской земли и прилегающих к ней территорий

Рис. 75. Карта походов руссов на Константинополь

Необходимо сразу отметить, что столь многочисленные деяния происходят в течение одного года! Или, по крайней мере, до 866 года, с которого в Повести временных лет описывается поход Аскольда и Дира на Константинополь. Получается, что Рюрик не знал о существовании Киева и его бояре нашли его случайно? На самом деле, это мало похоже на правду. Знали, но мало общались с Киевом, который к тому же платил хазарам дань и находился под их протекторатом. Многие специалисты не раз указывали, что главная международная торговля велась в те времена с арабским миром по Великому волжскому пути, в то время как «путь из варяг в греки» был основан позднее, и Византия, если судить по источникам, узнала о русах значительно позже, чем Арабский Восток (рис. 75). Не зря же именно арабский дирхем сделали русы своеобразной международной валютой. К тому же и этнически Южная Русь была иного происхождения, чем северная. Там, в среде славян значительную роль играл иранский компонент. Именно установив протекторат над Киевом, русы стали активно воевать и торговать с Византией. Вот как описывает Повесть временных лет поход Аскольда и Дира:

«В лето 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли туда в 14-е лето царствования Михаила. Царь же был в это лето в походе на агарян и дошел уже до Черной речки, когда епарх прислал весть, что русь идет походом на Царьград. И возвратился царь. И те вошли внутрь Суда (залив Золотой Рог в Константинополе), убили много христиан и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и с патриархом Фотием всю ночь молился Святой Богородице на Влахерне. И вынесли они с песнями

божественную ризу Святой Богородицы, и омочили в море ее полу. Была в это время тишина, и море было спокойно, но внезапно поднялась буря с ветром, и вновь поднявшиеся огромные волны смели корабли безбожных русов, отбросили их к побережью, и избили их, так что мало их избежало такой беды и вернулось восвояси»^[274].

Это, описанное в летописи событие, удивительным образом совпадает с событием 860 года, отраженным в многочисленных источниках, когда флот русов напал на Константинополь.

В 2003 году, в очередном томе «Древнейшие государства Восточной Европы» вышла работа П.В. Кузьменкова «Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках», опубликовавшим в переводе на русский язык практически все имевшиеся источники, посвященные этой военно-морской операции и последовавшее за ней первое крещение Руси.

18 июня 860 года (точную дату сообщает Брюссельская хроника) произошло важнейшее для российской и мировой истории событие, которое смело можно считать первым, засвидетельствованным многочисленными средневековыми источниками, доказательством существования у наших предков достаточно мощного по тем временам военного флота, даже о возможном существовании если не государства, то некоего достаточно мощного предгосударственного образования. Речь идет о нападении флота русов на Константинополь.

Об этом хорошо организованном и, видимо, хорошо спланированном нападении сообщают свидетель этого события константинопольский патриарх Фотий в своем знаменитом «Окружном послании» и современники этого военного похода авторы: архиепископ Никодимский Георгий, Римский папа Николай I, Иосиф Песнописец и многие другие. В Повести временных лет

это событие возможно освещено как поход Аскольда и Дира, правда, произошедшем на шесть лет позже. Может быть, все дело в том, что Аскольд и Дир вовсе не были ставленниками Рюрика, а правили в Киеве до его призвания и были потомками Кия?

В древнерусской истории трудно найти событие, которое освещалось бы столь подробно в многочисленных византийских, западноевропейских и древнерусских источниках, что, несомненно, говорит о том, какое большое значение придавали этому событию народы средневековой Европы. Бесспорно, это свидетельствовало о первом серьезном выходе Руси на международную арену, причем на два года раньше призвания Рюрика, с приходом которого традиционно связывается начало русской государственности. Может быть, поэтому русский летописец сдвинул это событие, приписав его из политических соображений ставленникам Рюрика Аскольду и Диру, или же смешав эти два нападения в одно.

В общих чертах эта информация, почерпнутая из разных источников и проанализированная П.В.Кузьменковым выглядит следующим образом:

18 июня 860 г. к Константинополю подошел вражеский флот.

Число судов флота русов в разных источниках составляет от 200 до 360 кораблей. Это был народ, дотоле малоизвестный и малозначительный, но добившийся крупных побед над своими соседями. Поскольку император Михаил III со своей армией находился в это время в походе против арабов, не встретив сопротивления, русы осадили город, разграбив пригороды Константинополя, захватили в плен и убили множество жителей. Они подвергли разорению также и окрестные области, в том числе Принцевы острова в Мраморном море, в 100 км от столицы империи. В одну из ночей, скорее всего, была предпринята атака на

город со стороны моря, которая посеяла панику среди горожан. Патриарх Фотий всячески успокаивал горожан, призывая уповать на покровительство Богородицы; вокруг городских стен с молебнами была обнесена священная риза Богородицы, вскоре после чего русы сняли осаду и отступили от Константинополя, унося большую добычу. Император Византии, получив известие об этом нападении, прервал свой военный поход и спешно вернулся в Константинополь. Вместе с патриархом он молился во Влахернском храме, и когда в море окунули хранившуюся там святыню — покров Богородицы, внезапно поднялась буря, погубившая вражеский флот. Вскоре после этого события грозный и жестокий народ, недавно причинявший христианам одни беды, добровольно склонился к принятию христианства. В Константинополь прибыло посольство Руси, заключившее с империей договор о мире и просившие о крещении. Фотий отправил к руси епископа, который около 866/867 года сообщил об успехах своей проповеди^[275]. Интересно, что в Повести временных лет это событие не нашло отражения — а ведь это необыкновенно важный момент: первое крещение, произошедшее именно во времена Рюрика, совпадает с временем нападения Аскольда и Дира на Константинополь. Может быть, это второе нападение на Константинополь и было вызвано их нежеланием креститься? Или все гораздо сложнее, и Аскольд и Дир по прибытии в Киев были все же крещены? Или крещены были вовсе не киявяне, а русы загадочного Русского каганата, известного по Вертинским анналам и местоположение которого многие специалисты видят в междуречье Дона и Волги? Это тоже одна из загадок русской истории.

Далее события развивались следующим образом. После убийства Михаила III и низложения патриарха Фотия, новый император Василий I с помощью богатых

даров добился от руси подтверждения мирного соглашения и исполнения договоренности о крещении, однако архиепископ, поставленный патриархом Игнатием, был встречен с недоверием. Тогда он по просьбе вождя русов на собрании старейшин и народа явил чудо — книга Евангелия была брошена в огонь и осталась невредимой^[276].

Необходимо отметить, что, по мнению большинства специалистов, нападавшие на Константинополь корабли русов не были примитивными долблеными лодками-однодревками, а крупными морскими ладьями, снаряжение которых на базе моноксил описывает Константин Багрянородный, вместимость которых составляла от 40 до 100 человек, что не отличалось от вместимости других западноевропейских и даже большинства византийских судов (рис. 76). Так что можно считать, что в нападении русов на Константинополь 860 года участвовали достаточно серьезные военно-морские силы.

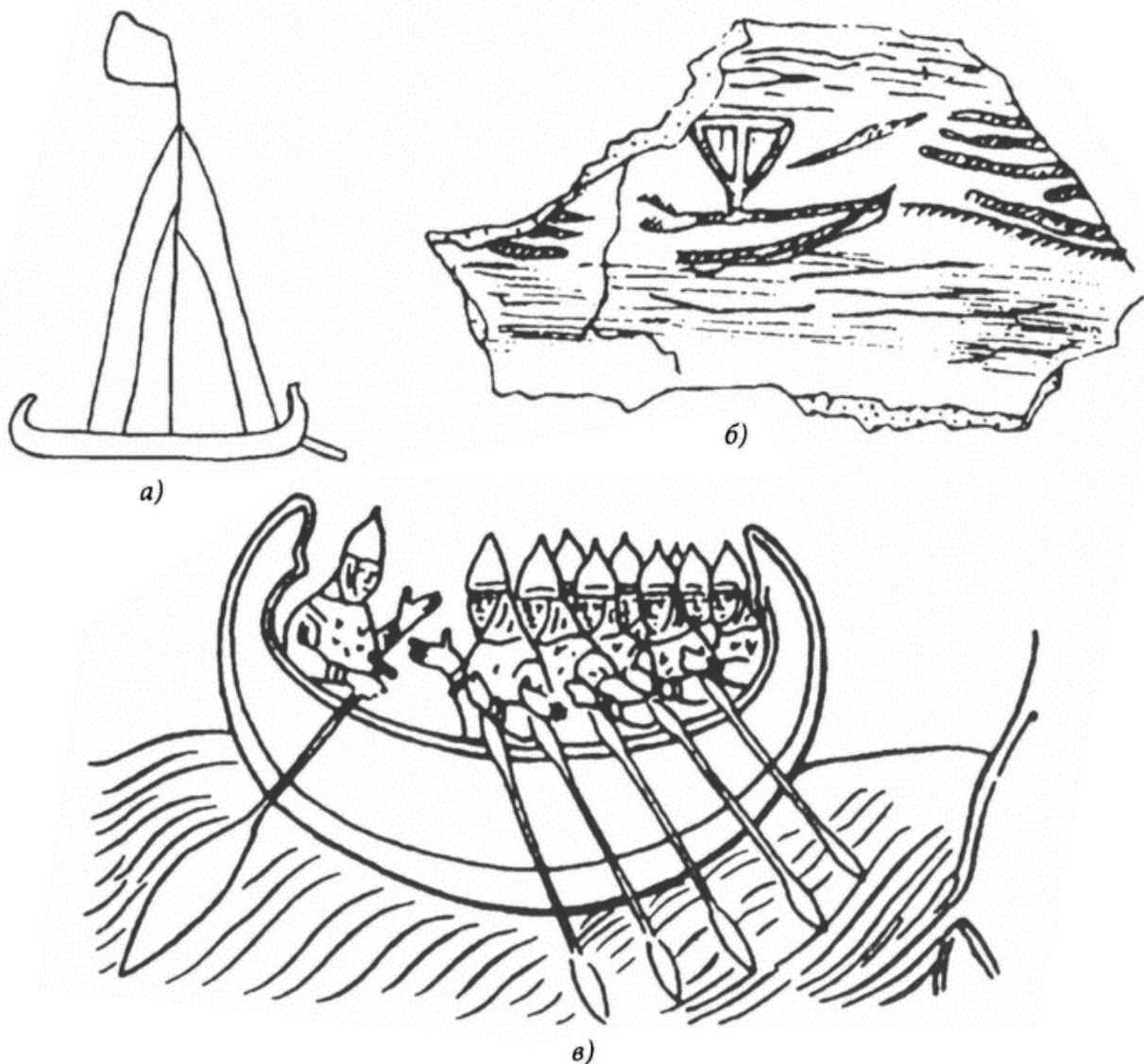

Рис. 76. а — Изображение ладьи на бересте (X в.). Старая Ладога (прорись); б — Изображение ладьи на коровьем ребре (VIII в.); в — русская ладья из рукописи «Сказания о Борисе и Глебе» (по И.И. Срезневскому)

С этим событием историки связывают и возможное существование русской государственности, а именно Русского каганата, существовавшего до прихода Рюрика, о котором более чем за два десятилетия до этого

упоминают Вертинские анналы и арабские средневековые источники, и начало русской дипломатии и даже первое крещение Руси, произошедшее благодаря этому событию через несколько лет.

Необходимо отметить, что этой военной операции предшествовали набег «великой русской рати» во главе с «сильным князем Бравлином» на южнокрымские города, в том числе на Сугдею (Сурож, совр. Судак), случившееся вскоре после кончины епископа этого города св. Стефана (конец VIII в.) о чем повествует «Житие Стефана Сурожского», об активизации русов в конце VIII — начале IX века говорит и греческий текст «Жития Георгия Амастридского», в частности, о нападении «народа Рос» на византийский город Амастриду (Черноморское побережье Малой Азии). Специалисты считают, что это нападение произошло до 863 года^[277].

Однако нападение флота русов на Константинополь в 860 году не идет ни в какое сравнение с вышеописанными событиями по количеству нападавших кораблей и высокой степени организации похода, требовавшей привлечения огромных по тем временам материальных и человеческих ресурсов, что возможно только на стадии существования государственности. К моменту этой военной операции на территории Древней Руси существовали уже такие укрепленные торгово-ремесленные поселения, как Любша (конец VII в.), Ладога (середина VIII в.), Псков (VI в.), Изборск (конец VII в.), Киев (VI в.) и многие менее известные выявленные археологами городища. Сеть этих протогородов занимала ключевые стратегические позиции на пути «из варяг в греки» и Великого волжского пути и создавала материальную базу для создания объединенного флота русов.

Каковы же были причины похода? Г.Г. Литаврин пишет, что русы «испытывали настоящую

необходимость отстоять свое место в системе государств, причем наиболее крупных и сильных, обозначить свои границы и свои интересы, предъявить свои претензии на международной арене. Все это в условиях того времени можно было сделать, только продемонстрировав свой военный потенциал. Чтобы заставить считаться с собой, надо было первому нанести удар и обнаружить готовность его повторить. Иначе не было никаких надежд на то, что такие державы, как Византия, вступят с новым политическим образованием в дипломатические (включая торговые) отношения»^[278]. Не исключено, что были и какие-то дипломатические договоренности. Литаврин допускает, что руководители похода 860 года знали, что послы правителей русов в 838/839 году добились каких-то уступок от императора Феофила, и теперь русы пытались возобновить их. В.В. Седов считает, что поход «русов на Константинополь мог быть подготовлен только в Русском каганате Днепровско-Донского региона. Высказываемые иногда в литературе догадки о том, что нападение на византийскую столицу было осуществлено норманнами из Скандинавии, должны быть отвергнуты и по историческим, и по археологическим соображениям»^[279]. Это предположение было вызвано существованием реального похода викингов, но только не на Константинополь, а на Рим в том же, 860 году. Правда, они приняли за этот город маленький портовый городок Луна, который и разграбили.

Знал ли Рюрик о существовании Русского каганата? Наверняка, поскольку племена, его призвавшие, активно торговали с Арабским Востоком и имели с каганатом торговые и возможно другие связи. Ведь каганат русов был известным раннегосударственным образованием, предшествовавшим Киевской Руси, созданной уже после прихода Рюрика его потомками. Но, вместе с тем, как об этом писалось выше, сам каганат не имел, скорее всего,

той ограниченной территории, как это представляют многие исследователи и, в частности В.В. Седов. Вот что он пишет о территории Русского каганата, которая, по его мнению, «в общих чертах соответствовала области расселения русов как она очерчивается по данным археологии. На западе она почти целиком охватывала бассейн Десны и сравнительно небольшую часть правобережья Днепра (округи Киева и Канева). Южные пределы раннегосударственного образования русов составляли земли верхних течений Суллы, Пела и Воркслы, на юго-востоке граница проходила по рекам Северский Донец и Тихая Сосна. В состав каганата на востоке входили области воронежского и верхнего течения Дона, а на севере — верхнее Поочье и правобережные районы рязанского течения Оки»^[280].

Не следует забывать и о том, что о существовании у славян парусного флота в конце VI века свидетельствуют многочисленные византийские источники, в то время как у скандинавов парус появляется не ранее начала «эпохи викингов», то есть на 200 лет позже. В начале IX века русские моряки уже появляются на византийской службе, причем обслуживают они самые элитные корабли византийского флота, в том числе флагманские. Получали же русские моряки плату, в четыре раза превышающую плату греческим морякам, что свидетельствует о высочайшем уровне профессиональной подготовки русов.

В случае с Аскольдом и Диром, скорее всего, речь могла идти о новом, втором походе русов на Константинополь, предпринятом, может быть, в связи с тем, что Рюрик, взяв под свой контроль огромные территории на севере и юге Древней Руси, дал задание Аскольду и Диру напасть на Константинополь. Если верить летописи и считать их варягами Рюрика, а не представителями местной киевской династии. Возможно, что первое нападение было осуществлено

легендарным Русским каганатом, расположенным ориентировочно в междуречьи Дона и Волги. Этим походом Рюрик хотел подчеркнуть свою значимость и установить свои взаимоотношения с Византийской империей. Возможно, что именно могущество Русского каганата и подстегнуло призвание варягов, стремящихся распространить свое господство на все торговые пути на территории будущего государства^[281]. Аскольд и Дир могли просить помощи в осуществлении похода у новгородцев, и этот факт был интерпретирован летописцем, что они бояре Рюрика.

Кстати сказать, имена Аскольда и Дира, которые считали и скандинавскими и даже славянскими, ближе всего оказались именно кельтскому именослову. К иранским обоснованно относит Кузьмин имена Кий и Олег^[282]. Хотя последние многие исследователи считали их однозначно скандинавскими, как впрочем, и имена Ольга, Игорь, Дир и Аскольд. «Имя Iger, Inger, Ingar упоминаются в числе бретонских святых. Слово "dir" во всех кельтских языках означает "знатный", "сильный", "верный", "крепкий" и так далее. В имени Аскольд произошло смешение двух разных корней кельтского происхождения»^[283]. Хотя нельзя исключать и славянского происхождения имени Аскольд (Осколд).

Необходимо отметить тот факт, что уже до прихода Рюрика на Русь существовала полисная система городов-государств, связанных федеративными отношениями, и это показывает, что почва для создания единого государства уже была. Так что появление Рюрика было закономерно и необходимо, чтобы дать толчок этому объединению.

Надо сказать, что далее, целых тринадцать лет, Повесть временных лет молчит о деяниях Рюрика, сообщая лишь, что в 879 году он умер, не говоря ни от чего произошла его смерть, ни где он был похоронен. Лично я знаю только одну и весьма сомнительную

легенду о том, что Рюрик в золотом гробу (!) был похоронен в подземном ходе, который вел из древнеладожской крепости на другой берег Волхова. Но этот легендарный подземный ход так и не был найден. Может быть, Рюрик пребывал в это время у себя на родине, в Вагрии или на о. Руяна (Рюген)? Или просто занимался укреплением границ и развитием международной торговли, и эти годы просто были настолько спокойными, что не нашли никакого отражения в русских летописях.

Что же мы знаем о событиях между 866 и 879 годами из других источников? Вот несколько скудных известий. Около 874 года ставленник Рима, константинопольский патриарх Игнатий направил архиепископа на Русь. Судьба его неизвестна, но очень похоже, что начавшийся после нападения русов в 860 году на Константинополь, процесс их христианизации продолжался.

Более поздние, чем Повесть временных лет летописи содержат дополнительные сведения о княжении Рюрика в Новгороде. В 864 году он подавляет мятеж в Новгороде, а зачинщика мятежа, некоего Вадима Храброго, и его советников казнит. В 867 году, опасаясь преследований Рюрика, новгородские мужи бегут от него в Киев. Согласно летописи, князь Рюрик умирает в 879 году, оставив после себя малолетнего сына Игоря.

Более подробно эти сведения отражены в Никоновской летописи, которая датой изгнания варягов считает 867 год, а датой призвания Рюрика — 870-й. Под 872 годом содержится интересная информация, что «Убиен бысть от болгар Осколдов сын». Не связано ли это с возможным военным походом против Волжской Булгарии, который возглавлял сын Аскольда? Может быть, неудача этого похода против давних соперников в международной торговле и вызвали волнения в

Новгороде, которые описаны все в той же Никоновской летописи:

«Того же лета (872 г.) оскорбишася новгородци, глаголющее: "яко бытии нам рабом и многа зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его".

Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его»^[284].

Согласно цитируемой ранее Иоакимовской летописи, Вадим Храбрый — сын одной из дочерей Гостомысла. Вполне возможно, что он считал себя таким же претендентом на престол, что и Рюрик, тем более что он был не пришлым варягом, а представителем местной славянской знати. Это могло и явиться предлогом для восстания новгородцев против Рюрика и его варяжской дружины.

Согласно Никоновской летописи Рюрик, после подавления новгородского восстания, в 873 году раздает города Полоцк, Ростов, Белозеро своим ставленникам. Видимо, полочанам это не очень понравилось, поскольку, как говорит летопись:

«Того же лета воеваша Асколд и Дир Полонам и много зла сътвориша».

Интересно, что эта информация подтверждается археологическими данными. Вот что по этому поводу пишет Л.В.Алексеев: «Впервые о путях с севера через Смоленск на запад и юг мы читаем в летописях, относящихся к событиям 860-х годов, когда Аскольд и Дир не решились взять Смоленск, "велик и мног людьми", и якобы сразу двинулись к Киеву. Однако Никоновская летопись по своим источникам добавляет, что Аскольд и Дир "воева полочан и много зла сътвориша". Зло, как удастся выяснить благодаря археологии, действительно от Смоленской земли перекинулось к Полоцкой, о чем свидетельствуют четыре зарытых клада IX в. с очень близкими датами младших монет: 1) у д. Кислая Демидовского р-на

Смоленской обл. с 600 диргемами, несколькими Сасанидскими драхмами и единственным в нашей стране полубрактеатом с изображением на одной стороне ладьи, на другой — оленя, чеканенным в Хедебю (Дания) около 825 г.; 2) у д. Соболево Дубровенского р-на Витебской обл. (138 целых диргемов, 168 обрезков с младшей монетой 857 г.; 3) д. Лучесы Витебского р-на с младшей монетой 862/863 г. Четвертый клад найден у д. Добрино Лиозненского р-на с младшей монетой 841/842 г. Близкие даты этих кладов заставляют предполагать, что они зарыты были при нападении Аскольда и Дира (863 г.). Воеводы не взяли Смоленска, не взяли, видимо, и Полоцка — там нет кладов монет IX в. Однако они причинили "зло" волости Полоцкой. Где же они прошли? Они двигались по рекам между Днепром и Западной Двиной видимо, через Добрино на север к "городку" на Витьбе, где найдены 2 диргема 786— 908 гг. и 823/824 г. Далее, можно думать, они действительно рассеялись по земле полoman, причиняя "зло"...»^[285]. Касаясь Смоленска времен эпохи Рюрика, нам не обойтись без описания знаменитого Гнездовского поселения, известного своими многочисленными курганами. «Этот главнейший памятник кривичей, — как пишет Л.В. Алексеев, — состоял, как мы теперь знаем, из двух городищ, ряда огромных курганных могильников и селища. Главнейшим памятником было так называемое Центральное городище на левом берегу р. Свинки, на мысу, представлявшее в плане неправильную четырехугольную форму с площадкой 115х95 м. С северной и восточной стороны ее ограждал мощный земляной вал высотой до 2,5 м и ров глубиной до 2,5 м». Это городище было укреплено еще в IX веке. Вокруг городища самое крупное курганное захоронение в мире, включающее в себя около 5000 курганных насыпей. Анализ погребений показал, что население Гнездово

было полиэтничным. Найдены здесь и единичные скандинавские вещи. «В Гнездово жило в основном оседлое население, которому приходилось заниматься земледелием и ремеслом. На селище изобилуют остатки шлаков, тиглей, литейных форм и, конечно, орудия земледелия. Было развито кузнечное и слесарное дело, ювелирное производство, стеклоделие, керамическое производство и т. д. Ювелиры Гнездова создавали изделия, как думает Т. А. Пушкина, всего вероятнее на местный рынок: спектральный анализ их продукции выявил даже ряд местных особенностей их сплавов — они часто, правда, напоминают скандинавские и прибалтийские сплавы, что, возможно, указывает на единый источник сырья, попадавшего в Гнездово путем торговли... По материалам селища можно говорить и о домашнем производстве. Есть следы рыболовства и т. д. Есть данные о домашнем строительстве, о ткачестве, обработке кости, производстве средств передвижения по воде — ладей. Делали, конечно, и "колы" (для передвижения по земле на волоках). Несомненно, занимались массовой добычей смолы для смоления проезжающих судов. Делали "однодревки"»^[286]. Становится понятным, почему Аскольд и Дир не смогли взять столь мощное укрепление, которое к тому же защищало немало воинов. Смоленск возьмет, впоследствии, преемник Рюрика, князь Вещий Олег. Уж больно важную роль играл этот город для развития международной торговли.

Согласно Никоновской летописи в 874 г. «Иде Асколд и Дир на Греки», после чего, так и не взяв Константинополь в следующем году:

«Възратишася Асколд и Дир от Царяграда в мале дружине и бысть в Киеве плачь велий...

Того же лета избита множество печенег Осколд и Дир.

Того же лета избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много новгородских мужей»^[287].

Посмотрите, насколько богаче событиями Никоновская летопись относительно Повести временных лет. Первая показывает необыкновенно агрессивную политику Рюрика, вторая ее сглаживает. В первой описаны, вместе с неудачной войной с Константинополем, походы Аскольда и Дира на полочан и печенегов, во второй они полностью отсутствуют, кроме похода на Царьград. В первой описано новгородское восстание и его кровавое подавление, повлекшее побег многих новгородцев в Киев, во второй эти события попросту отсутствуют. Видимо, автор (или редактор, коим был Изяслав, сын Владимира Мономаха) не хотел представлять основоположника своей династии эдаким зверем. И тогда историю переписывали, как это делают и сейчас.

С Аскольдом и Диром вообще много непонятного. Знаменитый исследователь русских летописей А.А. Шахматов не считал их варягами, пришедшими вместе с Рюриком, а потомками основателя киевской династии Кия и даже последними ее представителями, павшими от руки Вещего Олега. В самой Повести временных лет они названы боярами Рюрика, но «не племени его». Не исключено, что это может говорить как раз о том, что Аскольд и Дир не были варягами, пришедшими с Рюриком. Они могли быть вождями киевлян, пришедшими к Рюрику для установления союзнических отношений. Автор Повести временных лет мог желаемое выдать за действительное — назвать боярами Рюрика реальных правителей Киева.

Польский историк Ян Длугош (ум. 1480 г.), видимо хорошо знавший русские источники писал:

«После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет

господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Аскольду и Диру»^[288].

Многие исследователи, начиная с Шахматова и кончая Рыбаковым, считали этих князей не варяжскими ставленниками Рюрика, а «последними звеньями династической цепи Киевичей». Интересно, что Аскольда византийский император Василий I (867—886) называл «прегордым каганом северных скифов», а титул кагана был в византийской иерархии приравненным к титулу императора^[289].

Так что, вполне возможно, что Аскольд и Дир не имели к Рюрику прямого отношения, иначе, зачем бы князь Олег стал их убивать? Будь они варягами, то признали бы князя Игоря, сына Рюрика, законного, с точки зрения варягов правителя. Из всего вышесказанного понятно также, какую стратегически важную роль играл сам Киев, контролировавший путь «из варяг в греки». Что же он представлял из себя во времена Рюрика, Аскольда и Дира?

По данным археологии, около пятисотого года строится первое городище на месте современного Киева. Вот как это отражено в Повести временных лет:

«И быша 3 брата: единому имя — Кый, а другому Щек, а третьему Хориву а сестра их Лыбедь. И сидяше Кый на горе, идеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозъвася Хоревица.

И сътвориша градък въ имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему — Киев. И бяша около града лес и бор велик и бяху ловяще зверь. И бяху мужи мудри и съмысльни и нарицахусе Поляне. От них же суть поляне Кыеве и до сего дьне»^[290] (рис. 77).

Так начинается сказание об основании Киева традиционно для европейской мифологии тремя братьями в Повести временных лет. Из нее же мы

узнаем, что Кий вполне мирно посещал Константинополь и даже встречался с Цезарем.

«Но се Кый кѣняжаше в роде своемъ и приходившую ему к цесарю, которого не съвемы, но тъкмо о семь вемы, якоже съказаютъ, яко велику честь принялъ есть от цесаря, при которомъ приходивъ цесари. Идущю же ему вспять, приде к Дунаеву и възлюбилъ место и сруби градъкъ малъ и хотѣше сести сродѣмъ своимъ и не дата ему ту близъ живущий. Еже и доныне нарекутъ дунаити "городище Киявецъ". Кияви же пришедъшю в свой градъ Киевъ, ту животъ свой съконъча; и брата его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту съконънашася. И по сихъ братьяхъ держати по-чаша родъ ихъ княженъе в Поляхъ»^[291].

Интересно, что существует армянский вариант легенды об основании Киева у Зенобы Глака (VII—VIII вв.) тремя братьями, происходящими от богов Деметра и Гисанея.

«Куар построил город Куары и назван он был Куарами по его имени. А Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтей. А Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан... И по прошествии времени, посоветовавшись, Куар и Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место с благорастворением воздуха, так как были там простор для охоты и прохлады, а также обилие травы и деревьев. И построили они там селение и поставили двух идолов: одного по имени Гисанея, другого по имени Деметра»^[292].

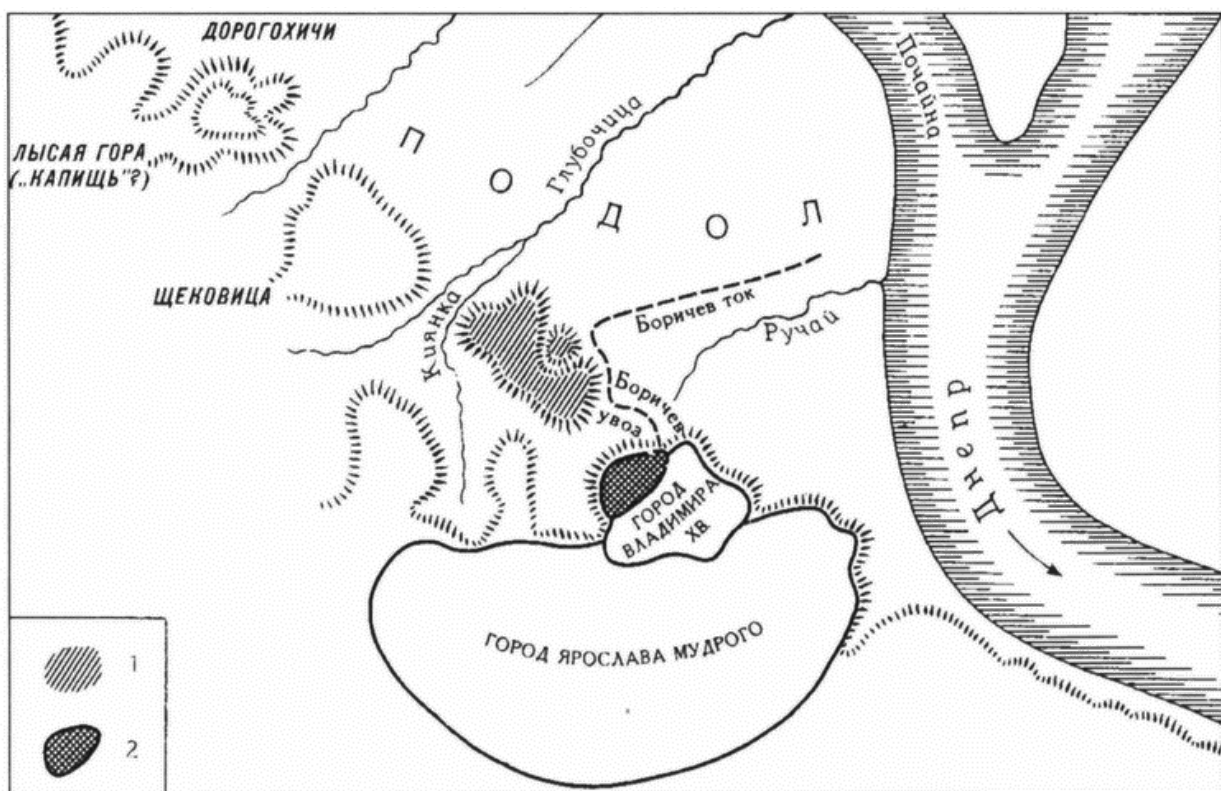

Рис. 77. Схема киевских высот

1 — древнейшее местоположение княжеской резиденции в V—VI вв. («Гора Кия» — Замковая Гора, Кисеясвка); 2 — крепость князя Кия конца V — начала VI в. у Андреевского спуска

Вот что пишет академик Рыбаков по этому поводу: «К отмеченным Марром совпадениям (три брата, три города, лес и охотничьи угодья на новом месте) можно добавить еще одно: Зеноб Глак говорит о постановке на новом месте двух идолов, а мы знаем благодаря раскопкам В.В. Хвойко, что именно в городке Кия на Андреевской горе в его средней части были обнаружены еще в 1908 г. два языческих жертвенника; один из них простой, цилиндрический, а другой, расположенный рядом, сложной эллиптической формы с четырьмя

выступами по странам света»^[293]. Судя по форме второго жертвенника, он мог принадлежать четырехголовой статуе славянского Святовита или кельтскому «Меркурию» — Лугу. Не следует забывать, что в Поднепровье археологами найдено немало кельтских поселений латенского периода.

Первые укрепления были построены на высокой Старокиевской горе в V—VI веках, среди древностей которой есть византийские монеты конца V — начала VI в. Киевские высоты запирали обширные бассейны таких рек, как Припять, Березина, Верхний Днепр, Сож, Десна, Тетерев, общей площадью около 250 миллионов квадратных километров^[294]. То есть стратегическое положение Киева для торговли с севером, югом, западом и востоком было самым оптимальным для этого региона (рис. 78).

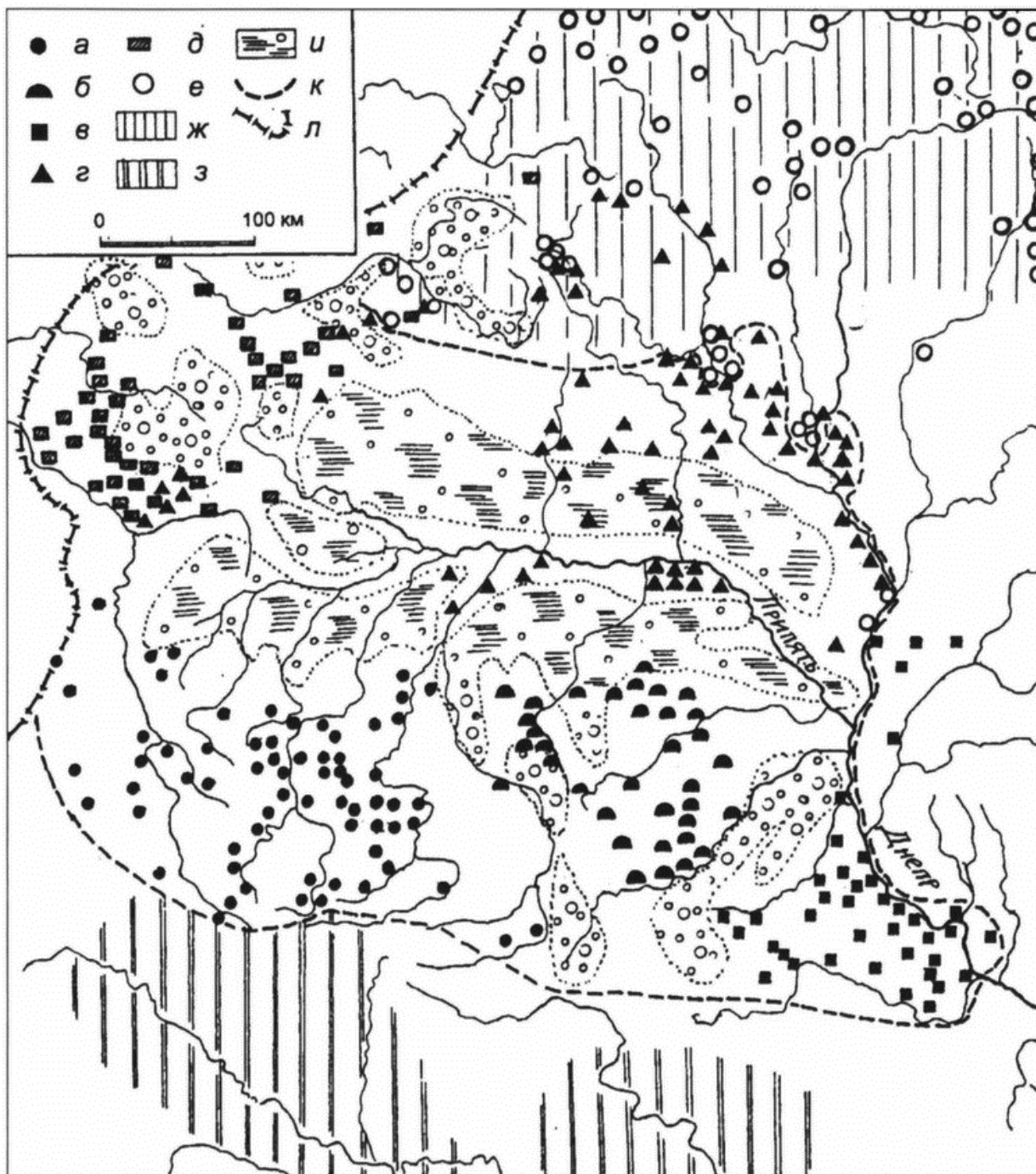

Рис. 78. Киевская земля

а — памятники волынян; б — древлян; в — полян; г — дреговичей; д — могильники с каменными курганами; е — памятники с находками

браслетообразных височных колец (завязанных и незавязанных); ж — ареал тушемлинской культуры; з — области расселения славян, вышедших из антской среды; и — крупные лесные и болотистые регионы; к — реконструируемая граница Киевской земли; л — западная граница Древнерусского государства

Необходимо отметить, что, как уже говорилось выше, время создания псковского городища (Крома) и первых киевских укреплений совпадает по времени. Это дает возможность предположить, что знаменитый путь «из варяг в греки» к этому моменту уже мог функционировать. Иначе непонятно столь активное развитие торговых городов не только на этой территории, но и на севере Западной Европы. Параллельно с этим в Южной Швеции и на о. Готланд возникают поселения вендельской культуры, которая, как говорилось выше, имеет кельтские корни.

Если север Древней Руси осваивался выходцами из Южной Балтики, то на Киевщине дело обстояло иначе. «В VIII—IX вв., когда земли Восточной Европы были уже в значительной степени освоены разноплеменным славянским населением, наблюдается инфильтрация новых, сравнительно многочисленных групп славянских переселенцев из Подунавья. Важнейшим показателем этого переселенческого процесса являются, прежде всего, появление и распространение различных вещевых находок дунайского происхождения.

Первые дунайские переселенцы появились в южных землях Восточной Европы на рубеже VII—VIII вв. Наиболее ярким отражением этого являются находки изделий из цветных металлов на Пастырском городище, художественный стиль которых обнаруживает явные дунайские истоки. Как показали исследования О.М. Приходнюка, первые мастера-ювелиры, работавшие на этом поселении, несомненно, пришли из Дунайского

ареала. Только дунайские ремесленники могли принести в Среднее Поднепровье передовые для того времени технологии провинциально-византийского мастерства. Следы подобных переселений небольших групп дунайского населения фиксируются также в материалах производственных комплексов, выявленных археологами на городище Зимно на Волыни и на поселении Бернашевка на среднем Днестре, при анализе находок, обнаруженных на селищах в Гайвороне и острове Мытковском на Южном Буге, в Малых Будках на Сумщине. К изделиям дунайских ремесленников, переселившихся в южнорусские земли, относятся и многие вещи, находившиеся в составе кладов Днепровского левобережья»^[295].

Судя по археологическим данным, наиболее крупная волна миграции, исходившей из Среднего Подунавья, происходила в IX—X веках^[296]. То есть во времена Рюрика и Олега.

Целый ряд находок круга дунайских древностей выявлен в знаменитом Гнездовском археологическом комплексе, в том числе и знаменитая надпись глаголицей на глиняном сосуде «гороушна»^[297].

Показателем расселения разрозненных групп дунайских славян являются и находки на восточнославянской территории железных ножей с рукоятками, оформленными волютообразным навершием. Они имеют довольно крупные размеры — от 9 до 19 см, плоскую железную рукоятку, иногда украшенную насечками, составляющими геометрические узоры.

Эти ножи неоднократно привлекали внимание исследователей. В результате можно утверждать, что первые ножи с волотообразными рукоятками появились в Дунайско-Прикарпатском регионе возможно уже с IV века.

1

2

3

4

5

8

6

7

9

a

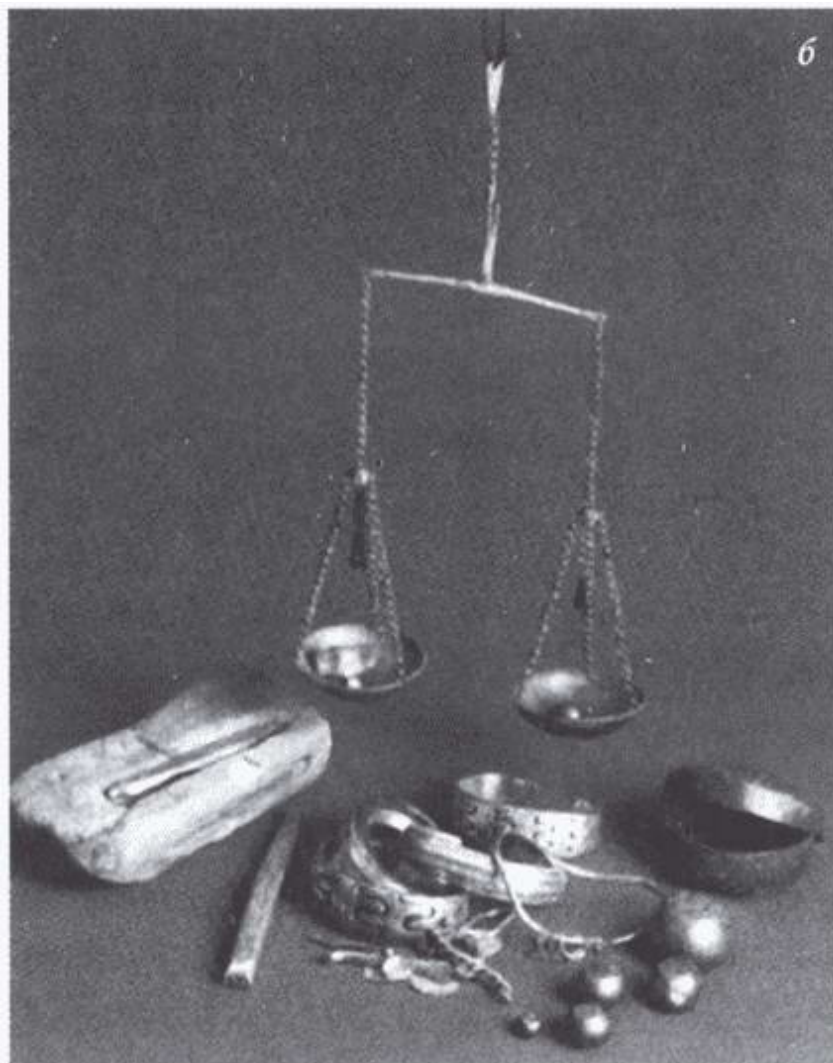

Рис. 79а. Серьги и височные кольца дунайских типов:

***1,4 — Харьевка; 2,3 — Екимауцы; 5,8 — Новотроицкое; 5 — Семенки;
7 — Хотомель; 9 — Пастырскоеб. Весы для взвешивания монет и
скандинавские женские украшения, найденные в Гнездове под
Смоленском***

В VI—VIII веках подобные ножи получают распространение в Дунайско-Карпатской области. Найденны они также в Словакии, Польше, Молдавии и

Югославии и соотносятся они со славянским этносом, причем связаны они, по мнению многих исследователей, с языческим культом. В погребениях они встречаются среди богатого инвентаря.

В нижнедунайском регионе такие ножи бытовали и в VIII—X веках, при этом исчезнув из Среднего Подунавья, зато в изобилии появляются практически по всей Восточно-Европейской равнине^[298].

В VI—VII веках в Среднем и Нижнем Подунавье доминировали славяне. Они составляли значительную часть жителей Аварского каганата. Это была та сила, которая способствовала оседлости номадов, приобщению их к земледелию и ремесленной деятельности. Выше уже говорилось о славяно-аварском симбиозе, где помимо всего прочего славяне играли роль морского народа и отвечали за действия флота в совместных военных операциях.

«Дунайские славяне вынуждены были терпеть грабежи, гнет и унижения со стороны аваров. Это зафиксировано как Хроникой Фредегара, так и другими историческими документами. Естественно, что в такой ситуации из Дунайского региона уходили отдельные группы славян. В конце VIII в. Аварский каганат был разгромлен Карлом Великим и его сыном Пипином. Франкские войны существенным образом затронули и славян-земледельцев Среднего Подунавья. По-видимому, значительные массы славян в этих условиях отдельными группами оставили Дунайские земли и продвинулись в Восточноевропейские области. Письменные документы IX в. именуют центральные области бывшего Аварского каганата "пустыней".

В V—VII вв. земли к северу от нижнего течения Дуная были весьма плотно заселены славянами. В VII—VIII вв. здесь наблюдается активизация романского населения, известного в источниках под именем волохи (в русских летописях — влахи). К началу VIII в. большая часть

могильников перестала функционировать. Очевидно, значительные массы славянского населения в этой ситуации вынуждены были покинуть этот регион»^[299]. Немало переселенцев появилось в южно-русских землях и после разгрома Великоморавской державы.

Естественно, что вместе со славянами на восток двинулись и волохи, о которых уже говорилось выше, как о носителях древних друидических традиций, от имени которых стали называться волхвами и наши языческие жрецы. Столь широкое распространение описанных выше ритуальных ножей с волюнтообразной рукояткой (которая, кстати сказать, очень напоминает древние гальштадтские бронзовые мечи) на территории Древней Руси может быть вызвано распространением новых языческих веяний, вылившихся в своеобразную религиозную революцию, приведших к созданию единого для всей Руси языческого пантеона князем Владимиром.

Особый интерес представляет возникновение на Руси дружинного сословия, корнями ушедшего еще в антский период и достигшего своего апогея после прихода на русское княжение Рюрика.

«Основными памятниками древнерусской дружины Руси являются курганные некрополи второй половины IX — начала XI в., в которых преимущественно по языческому обряду хоронились как рядовые воины, так и представители воинской верхушки и княжеской знати. Эти могильники тесным образом связаны с международными торговыми путями, с протогородскими торгово-ремесленными поселениями (Шестовицы, Тимерево-Михайловское под Ярославлем, Новоселки близ Смоленска) или зарождающимися раннесредневековыми городами (Киев, Чернигов, Гнездово-Смоленск)»^[300].

Мы не будем подробно рассматривать эти дружинные комплексы, в данном случае важнее понять

их связь с торговыми путями и ролью дружинного сословия в самой торговле. О кельтском компоненте в ее многонациональном составе мы уже говорили. Интересно, что в самых богатых и престижных захоронениях часто встречаются весы и весовые гирьки, что, как мне кажется, говорит не столько о престиже торговли в те времена, сколько о том, в чьих руках эта торговля находилась. Ни в одном государстве Европы, пожалуй, не придавалось такое значение международной торговле, как в Древней Руси. Она и возникла как государство вдоль этих путей и благодаря этим путям. Нигде торговля не осуществлялась с таким государственным размахом и под строжайшим государственным контролем. Это хорошо видно по описанию полюдья у Константина Багрянородного, которое во многом служило сбору предметов для будущего экспорта и, в первую очередь, мехов. «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия, что именуются "кружением", а именно — в Славинии вервианов, дреговичей, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киаву. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноksилы, они оснащают (их) и отправляются в Романию»^[301]. Интересно, что именно подобным образом собиралась в Ирландии дань верховным королем Кормаком, резиденция которого была в Таре, с подчиненных ему королевств: «Вот как шел путь короля Тары: из Тары в королевство Лейнстер, затем в два королевства Мунстера, потом в королевство Коннахта и Улад, а затем в Альбу (Шотландию)»^[302]. Нетрудно увидеть практически полное подобие принципов сбора налогов в древней Ирландии и в Киевской Руси.

Специализация русов на войне и торговле видна и из сообщений арабских источников. «Русы не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян" (Ибн-Руста). "Всегда 100—200 из них (русов) ходят к славянам и насильно берут у них свое содержание, пока там находятся" (Гардизи)»^[303].

Из недошедшей до нас Иоакимовской летописи, пересказанной В. Н. Татищевым, известно, что Рюрик имел жену Ефанду (Енвинду), княжну норманнского происхождения и владелицу г. Ижора с прилегающими землями (по левому берегу Невы и Юго-Западное Приладожье), которая умерла раньше мужа. Кроме сына Игоря, князь Рюрик имел еще двух сыновей или дочерей. Но источник этих сведений малонадежен^[304].

Интересно, что в год смерти Рюрика в 879 году есть первое упоминание в византийских источниках о Росской епархии Константинопольского патриаршества, находившейся, скорее всего, по мнению А.Г. Кузьмина, в городе Россия в Восточном Крыму, которая просуществовала до XII века. О том, что происходило в это время на землях балтийских славян, источников еще меньше. По данным археологии мы лишь знаем, что со второй половины IX века ведется на их территории интенсивное строительство новых и укрепление старых городов. Отмечено также большое количество арабских монет в кладах, что говорит об усилении международной торговли как раз во времена правления Рюрика. То есть его появление в Северной Руси резко повлияло на развитие международной торговли. Естественно, что в первую очередь резко увеличилось поступление арабского серебра по всей Восточной Европе, где главенство занимала Древняя Русь. Если всего 7 кладов, содержащих 1156 диргемов относится к VIII веку, то к IX веку относится содержимое уже 75 кладов, где находилось 22 551 диргем. Самым обильным на такие клады (121) был X век, что говорит о том, что

импульс международной торговли, данный Рюриком и его варягами, дал блестящий результат. Как отмечает американский исследователь Т. Нуннан, находки кладов иллюстрируют рост торговой активности в 780—810 годы, последующее ее снижение в 820—850 годы, и резкий подъем в последующие три десятилетия в 860-е, 870-е и 890-е. То есть на первые два десятилетия и приходятся годы правления Рюрика. Так вот основная причина его прихода — расширение и укрепление международной торговли, упавшей в первой половине IX века, видимо из-за тех междоусобиц, что нашли отражения в летописях — «и встал род на род». Так что после первых лет правления, когда нужно было укрепиться политически и установить протекторат над водными путями Руси, Рюрик был озабочен больше делами экономическими, то есть развитием торговли. Возможно, именно поэтому летописцы молчали — мирные годы правления меньше освещались древними хрониками, зато данные археологии свидетельствуют, как сегодня бы сказали, об экономическом росте и повышении благостояния общества.

Эту ситуацию проанализировал археолог А. Н. Кирпичников. После 1025 г. наступает снижение поступления куфических монет. Приведенные сопоставления чутко отражают реальные обстоятельства, в частности, показывают знаковое увеличение монетных поступлений на Русь в 860—880 гг. Этот период совпадает с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика. Здесь угадываются энергичные действия нового династа, направленные на расширение международной торговли, достигшей расцвета в 925—950-е гг., что примерно соответствует времени правления Ольги и Игоря»[\[305\]](#).

В. Н. Седых считает, основываясь все на тех же данных Т. Нуннана, что во времена Рюрика происходит как раз падение торговли с Арабским Востоком. «Это

следует из анализа композиции кладов этого периода. Многие из дирхемов, импортированных в Восточную Европу до времени правления Рюрика, еще долго оставались в обращении»^[306]. Так что не исключено, что появление нового князя с варягами на время затормозило международную торговлю.

Многие исследователи видят основную причину сокрытия кладов в земле в изменении политической и военной ситуаций. Вместе с тем причины чаще могут быть религиозного характера — их зарывали, чтобы воспользоваться ими после смерти. Не зря многие клады содержат обломки дирхемов. Может быть, монеты сознательно «убивали», как сгибали или ломали оружие погибших во время их похорон. Тогда количество сокрытых кладов может говорить о росте благосостояния и вовсе не обязательно о напряженной политической ситуации. Сотни невостребованных владельцами кладов, скорее, говорит о том, что их попросту не собирались доставать, а не о том, что их владельцы были убиты.

Вместе с тем при этом анализе нельзя не учитывать политическую и экономическую ситуацию не только в Центральной, но и в Западной Европе. Рост торговой активности в 780—810 гг. совпадает с ростом торговли балтийских славян с франками, урегулированной, как было сказано выше, специальными актами Карла Великого, и развитием городского строительства славянами не только на побережье Балтийского моря, но и строительством мигрантами с этих территорий городов и торговых пунктов на Руси. Снижение активности торговли в 820-850 годах не может не быть связанным с новым наступлением франков на западных славян, разрушением их городов и активностью датских викингов, стремящихся захватить торговые города балтийских славян. Приход новой династии с запада укрепил не только позиции Руси, но и балтийского

славянства, связанного с ней подобно сообщающимся сосудам. В этот период учащаются набеги викингов на Западную Европу и франкам долго становится не до славян, так же как и викингам, которые скорее видят в балтийских славянах своих союзников для нападения на христианские западноевропейские страны. Так что данные нумизматики вполне коррелируются с историческими событиями на всем европейском пространстве.

И не только европейском. «Начало дирхемной торговли относится к 70-80 годам VIII в. Ныне накапливается все больше данных отодвинуть начальный период этого глобального явления к 50—60 годам VIII в. (если не раньше). В тот период сложились благоприятные для развития экономики Восточной Европы обстоятельства. После 737 г. прекратилась арабо-хазарская война. В отношениях между двумя государствами наступил преобладающе мирный период... Военное противостояние уменьшилось и благодаря тому, что в упомянутом году часть хазар приняла ислам. Уже в 730-х годах купцы из Хазарии и Дербента стали расширять торговые контакты. Обнаружилась необходимость в поисках мехов и других ценностей двигаться на север. В зоне ВВП возникла новая урбанистическая ситуация. На северном и южном полюсах системы ВВП появились: после 723 г. Итиль, не позже 753 г. Ладога (в Подонье в 830-х гг. Саркел). В 762 г. утвердившиеся у власти в 749 г. аббасиды перенесли столицу из Дамаска в Багдад (официально названного "Городом благоденствия"...), в котором на новозаведенном монетном дворе во все возрастающей мере была развернута чеканка полноценной серебряной монеты»^[307]. Несомненно, пик торговли с Арабским Востоком приходится на VIII—IX века, но нельзя забывать, что ее главный репер — арабское серебро начинает активно функционировать в торговле именно с

VIII века, когда самому арабско-исламскому миру еще не было и ста лет.

В результате активной торговой деятельности славян и русов, арабское серебро не только становится основной денежной единицей Северной и Восточной Европы, оно становится основой бурно развивающейся экономики этих регионов. Объем оборота дирхемов поражает воображение. «Анализ монетных кладов позволяет утверждать, что общее количество денежных средств, поступивших из арабских стран в обмен на северо- и восточноевропейские товары, достигало 1 млрд. дирхемов. Почти две трети этой суммы оставалось в обращении Древней Руси, примерно треть поступила на Балтику»^[308] (рис. 80, 81).

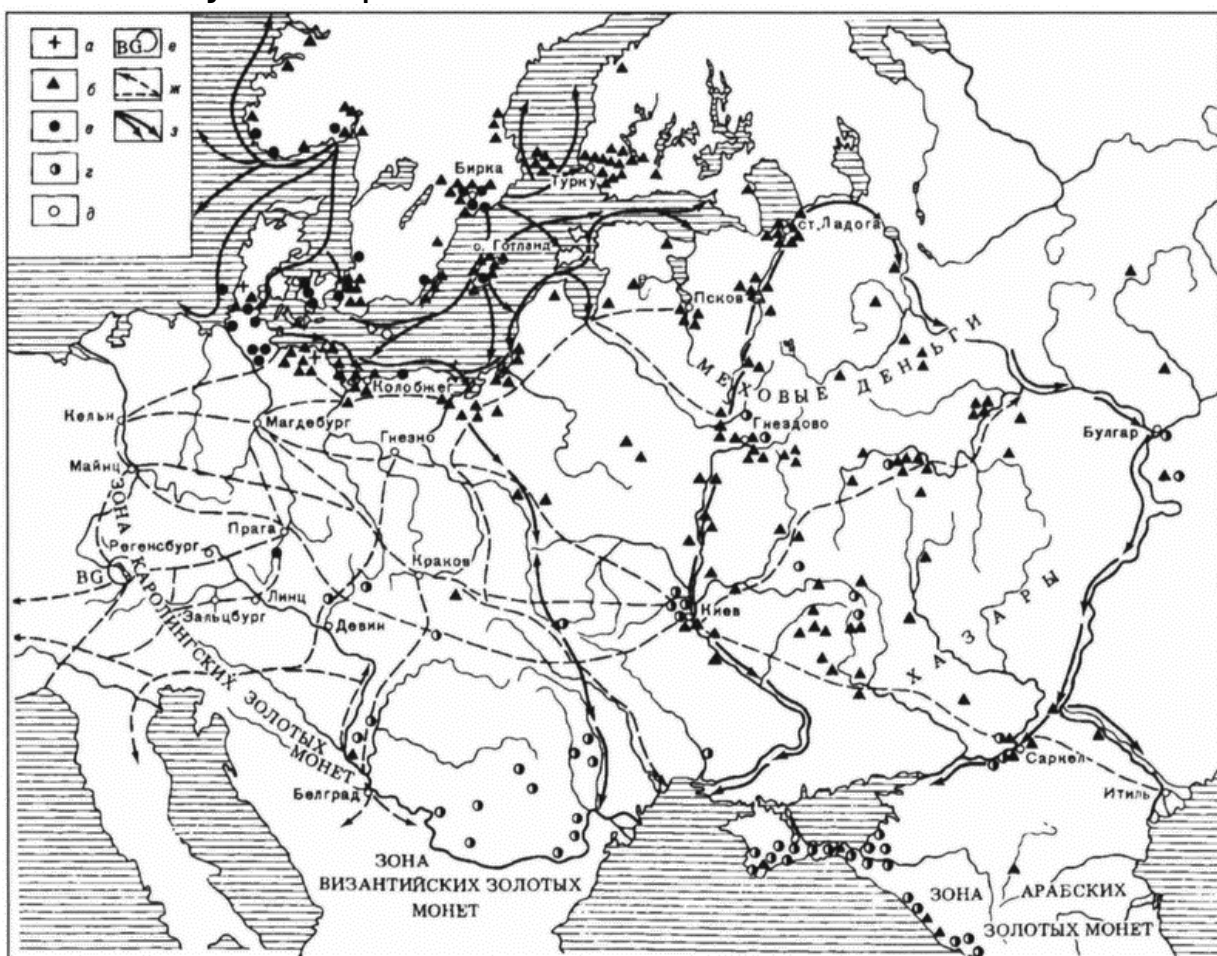

Рис. 80. Обращение арабского серебра в Европе (по И. Херрману)

а, б, в, г, д, е — находки различных денег; ж — сухопутные пути; з — водные пути

Если учесть, что один дирхем весил около трех граммов, то получается, что русы выкачали из арабских стран 3000 тонн серебра! Фантастическая для средневековья сумма. Западной Европе того времени такие деньги и не снились. Необходимо отметить, что из доли арабского серебра, попавшего на берега Балтийского моря, большая часть оседала в землях балтийских славян. Все это говорит о приоритете торговли в славянских землях, благодаря которой возникла сама Русь, главный поставщик и потребитель арабского серебра, страна, где в эпоху раннего средневековья торговля была делом первостепенной государственной важности и основой государственной внешней и внутренней политики. Одним из важнейших вопросов является то, насколько предгосударственное объединение, созданное Рюриком на севере Восточной Европы, контактировало с Русским каганатом, расположенным юго-восточней территорий, объединенных усилиями нового варяжского князя. Необходимо учитывать, что без этого взаимодействия и, скорее всего, очень тесного, вряд ли могла столь успешно, как это показано выше, развиваться международная торговля.

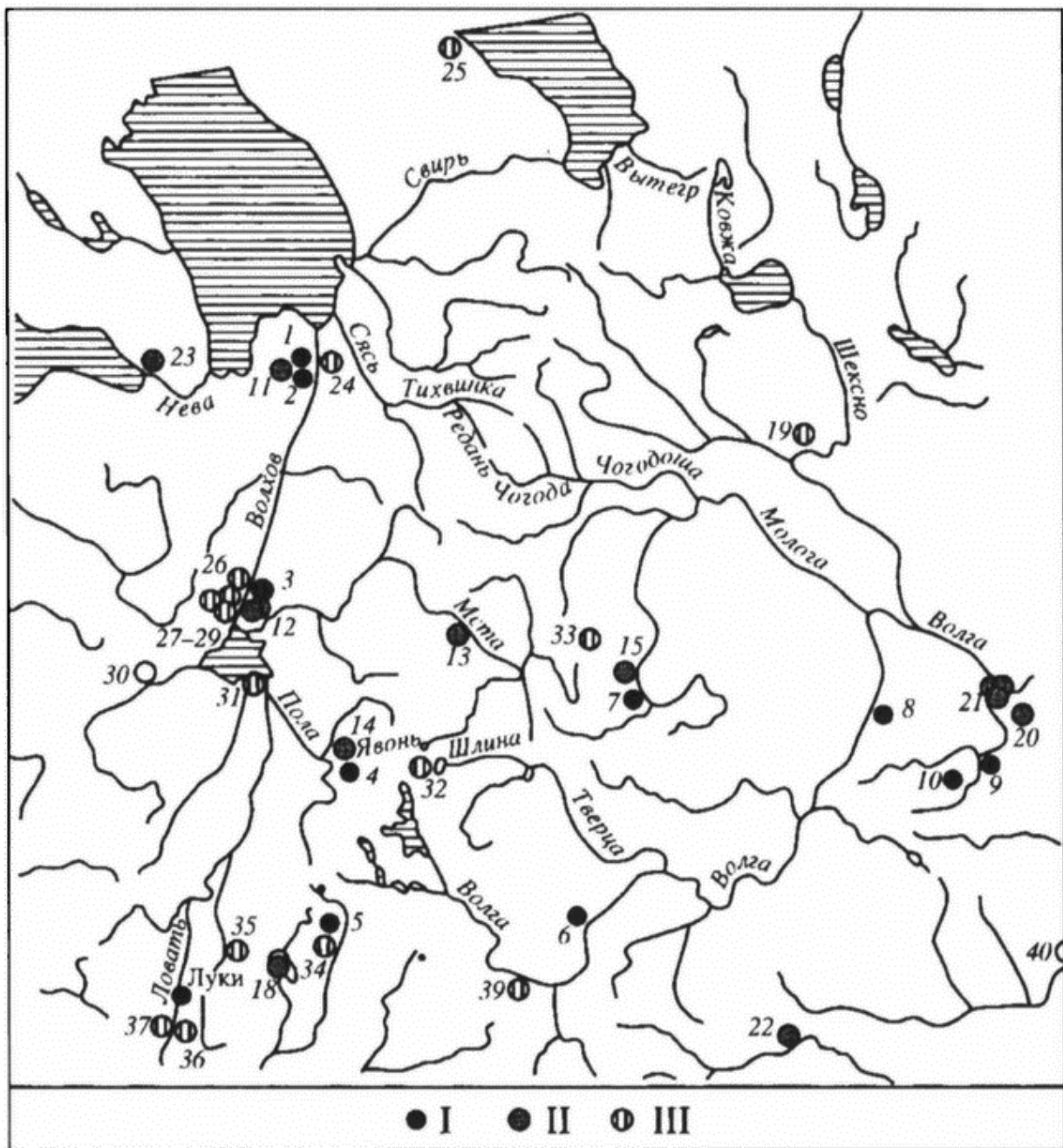

Рис. 81. Карта кладов арабских и других монет IX-XI вв. в Северо-Западной Руси (Е.Н. Носов, 1976)

1 — Старая Ладога; 2 — Княжчино; 3 — Вылеги; 4 — Демянск; 5 — Набатово; 6 — Семенов Городок; 7 — Загородье; 8 — Углич; 9 —

Угодици; 10 — Сарское городище; 11 — Старая Ладога; 12 — Новгород (Кириллов монастырь); 13 — Потерпилицы; 14 — Шумилово; 15 — Кузнецкое; 16 — Лучесы; 17 — Витебская губерния; 18 — оз. Зеликовье; 19 — Панкино; 20, 21 — Тимерево; 22 — Москва; 23 — С.-Петербург; 24 — Старая Ладога; 25 — Петрозаводск; 26 — Новая Мельница; 27—29 — Новгород; 30 — Любыни; 31 — Подборовка; 32 — оз. Шлино; 33 — Иловец; 34 — Пальцево; 35 — Торопецкий уезд, р. Кунья; 36 — Великолукский уезд; 37 — Великие Луки; 38 — Витебск; 39 — Ржев; 40 — Владимир. Условные обозначения: I — конец VIII в. — 833 г.; II — 833-900 гг.; III — 900-970 гг.

Можно констатировать, что во времена Рюрика существовало три политических объединения восточных славян — на северо-западе небезызвестный союз пяти племен, призвавший варяжского князя с центром в Ладоге и, позднее, в Новгороде (Рюриково городище) (рис. 82), на юго-западе Полянский союз с центром в Киеве и на юго-востоке — Русский каганат, о его локализации до сих пор идут споры, сакральным центром которого была загадочная Артания. Все вышесказанное вполне сопоставляется как с данными археологии, так и с сообщениями западноевропейских и арабских источников. Новая княжеская династия сразу показала своими действиями свои главные политические интересы, которые лежали на берегах Днепра, поскольку именно оттуда были возможны торговые и политические контакты с Византийской империей. Завоевания земель разваливавшегося под ударами Хазарии Русского каганата предстояло уже сделать князю Олегу.

Вот как определяет деятельность Рюрика В. Н. Седых: «Призванный князь укрепляет Ладогу, затем, вскоре, переносит столицу зарождающегося государства к истокам Волхова, на городище.

Одновременно ведется борьба за обладание торговыми путями, строительство крупных военно-торговых поселений. При этом, очевидно, была разрушена установившаяся в предшествующий период система даней и торговли». При этом он считает, опираясь на нумизматический материал, что его деяния «сопровождались дестабилизацией обстановки в государстве». Он также утверждает, что представление о том, что период 860—879 гг. был периодом интенсивной торговли Руси с Востоком «является ошибочным»^[309]. Этот тезис во многом спорен.

Так что появление Рюрика и его дружины на берегах Волхова было явлением вполне закономерным — этого требовало интенсивное развитие международной торговли, которая ко времени его прихода стала затихать из-за вражды во вновь образованных балтийскими славянами колоний на территории Северной Руси. Обеспокоенные прекращением поступления дани и отсутствием легитимного представителя на этих территориях правители вагров (самого могучего племени балтийских славян) совместно с русами о. Руяна (Рюгена на немецкий манер), духовного центра славян, отправили князя Рюрика, возможно, по просьбе союза пяти северных племен Руси дабы принести туда мир, прекратить междоусобные войны и восстановить упавшую было международную торговлю, что было с успехом и выполнено Рюриком вместе с варягами. Более того, благодаря его энергичным действиям, он не только выполнил намеченные задачи, но и заложил основы для создания Древнерусского государства, известного впоследствии как Киевская Русь. Рюрик сыграл изначальную роль в начале объединения всех русских земель и более широком развитии международной торговли, продолженной его великими потомками. Вместе с тем появление новой языческой династии сыграло и свою

отрицательную роль в плане распространения на Руси христианства, первые ростки которого были уничтожены князем Олегом.

Заключение

Основные выводы, которые можно сделать, несмотря на скудость источников о Рюрике, следующие:

1. Группы племен балтийских славян, постепенно заселяя северо-запад Древней Руси, расширяя международную торговлю, в первую очередь с Арабским Востоком, основали такие поселения, как Любшанское городище, Ладогу, Рюриково городище (предшественник Новгорода), Псков, Изборск, Полоцк, Смоленск и многие другие, ставшие базой для расцвета международной торговли, явившейся экономической базой для образования Древнерусского государства.

2. Именно представители этих племен, в частности русы, совместно с другими племенами Восточной Европы, образовали первое Древнерусское государство — Русский каганат, получившее международное признание и принявшее христианство в результате похода на Константинополь в 860 году.

3. Не исключено, что призвание Рюрика с варягами-ваграми было вызвано гибелью Русского каганата, вызвавшее ослабление международной торговли, без которой Северо-Западная Русь лишалась своего основного дохода — арабского серебра.

4. Необходимо признать наиболее вероятным южнобалтийское происхождение Рюрика и его братьев Трувора и Синеуса. Версия его идентификации с Рориком Ютландским не находит никаких подтверждений, как и другие гипотезы о его скандинавском происхождении и обширном скандинавском присутствии на территории Древней Руси. Вместе с тем, это современное историческое мифотворчество широко охватило историческую науку.

Рис. 83. Изображение Рюрика в «Титулярнике». 1672 г.

Рис. 84. Призвание варягов на миниатюре Радзивилловской летописи

5. Призвание Рюрика на княжение было вызвано, вероятно, пресечением княжеской династии, последним представителем которой был, скорее всего, Гостомысл. Не исключено, что Гостомысл новгородских источников и южнобалтийский князь Гостомысл — одно и то же лицо. Тогда события могли развиваться следующим образом: на севере Руси находился представитель (посадник) южнобалтийского князя Гостомысла, после смерти которого, его представитель (посадник) попытался захватить власть, после чего вместе с варягами был изгнан, а на его место приглашен Рюрик.

6. Придя к власти, Рюрик изначально обосновался в Ладоге и только потом перенес свою резиденцию в Рюриково городище, ставшее предшественником

Великого Новгорода. Вероятней всего свое название этот город получил от Велиграда (Мекленбурга). 7. Деятельность нового династа не всегда имела положительные результаты, в частности благодаря захвата Киева и Южной Руси князем Олегом, на долгие годы было восстановлено язычество, что остановило процесс вхождения Руси в мировую христианскую цивилизацию (рис. 84).

Приложение 1.

Хроника событий

Ок. 500 г. — Основание Киева (появление городищ на Замковой и Старокиевских горах).

Ок. 500 г. — Основание Пскова.

VI в. — Сирийский автор Псевдо-Захарий упоминает народ рос в Причерноморье.

VI в. — Историк начала XI в. ас-Са'алиби в рассказе о постройке Хосровом I (531—579) Дербентской стены называет наряду с турками и хазарами русов.

591 г. — Послы балтийских славян посещают Константинополь.

Ок. 650—700 гг. — Строительство славянами городища на р. Любша.

629 г. — Нападение русов совместно с арабами и персами на Константинополь.

643 г. — Арабский автор ар-Табари (839—923) дважды называет русов как врагов мира, в особенности арабов.

692 г. — Мецкие анналы упоминают посольство славян (скорее всего балтийских) к Пипину II.

Ок. 700 г. — Строительство кривичами Изборска.

Ок. 723 г. — Основание в низовьях Волги Итиля — столицы Хазарского каганата.

748 г. — В хронике Фредегара упомянуты виниды (балтийские славяне).

Ок. 753 г. — Основание Ладоги.

789 г. — Ободриты впервые упомянуты во Франкских анналах.

Ок. 790 г. — Нападение русов на Сурож (Житие Стефана Сурожского).

808 г. — Разрушение датчанами Велиграда (Рерика).

Ок. 825-830 гг. — Образование Русского каганата.

Ок. 830 г. — Строительство при помощи Византии крепости Саркел.

838—839 гг. — Посольство русов (представителей Русского каганата) в Византию и Францию (Вертинские анналы).

До 842 г. — Нападение русов на Амастриду (Житие Георгия Амастридского).

Между 836-847 гг. — Ал-Хорезми упоминает Русскую гору, с которой берет начало река Друс (Днепр?).

844 г. — Ал-Якуби сообщает о нападении русов на Севилью.

846 г. — Ибн-Хордадбех называет русов видом или родом славян.

850 г. — Рорик Ютландский получил в лен от Лотаря I Дорестада и другие земли (хотя еще при жизни Людовика Немецкого, то есть до 840 года, он держал Дорестада в качестве бенефиция, а потом служил Лотарю I и Людовику Немецкому).

855 г. — Рорик Ютландский предпринял неудачную попытку закрепиться в Дании и вернулся в Дорестада.

857 г. — Рорик Ютландский, будучи вассалом Лотаря II, отвоевал некоторую часть Ютландии у Хорика II.

859 г. — Первое упоминание в летописи о существовании двух политических объединений: ильменских словен, кривичей, веси, муромы, мери под управлением варягов (балтийских славян) и полян, вятичей и северян как данников хазар. (Повесть временных лет).

860 г. — Поход русов на Константинополь. (Брюссельская хроника).

860—861 гг. — Хазарская миссия Кирилла и Мефодия. Открытие в Херсонесе (Корсуни) Евангелия и Псалтыри, написанных «руськими письменами».

862 г. — Летописное известие об изгнании варягов и отказа платить им дань. Призвание Рюрика с братьями Трувором и Синеусом. Княжеский стол — в Ладоге.

Отправление на княжение Трувора — в Изборск, Синеуса — в Белозеро.

863 г. — Рорик Ютландский стал вассалом Карла Лысого и получил от него владения во Фрисландии.

864 г. — Захват Киева Аскольдом и Диром, боярами Рюрика. (Повесть временных лет). Подавление мятежа в Новгороде и казнь зачинщика мятежа Вадима Храброго. (Никоновская летопись).

Ок. 864—866 гг. — Патриарх Фотий отправляет к руси епископа.

866 г. — Поход Аскольда и Дира на Константинополь (Повесть временных лет).

867 г. — Новгородские мужи, опасаясь преследования Рюрика, бегут в Киев. (Никоновская летопись).

867 г. — Рорик Ютландский, будучи изгнанным из Фрисландии, угрожает войной Лотарю II.

870 г. — Рорик Ютландский заключил «союз» с Карлом Лысым в Нимвегене.

872 г. — Рорик Ютландский дважды встречался с Карлом Лысым и стал его вассалом.

873 г. — Рорик Ютландский стал вассалом Людовика Немецкого.

874 г. — Поход Аскольда и Дира на греков. (Никоновская летопись). Патриарх Игнатий отправляет на Русь архиепископа. (Константин Багрянородный).

875 г. — Возвращение Аскольда и Дира в Киев после неудачного похода в Византию. Победный поход на печенегов. (Никоновская летопись).

879 г. — Смерть Рюрика. Вещий Олег становится регентом при малолетнем Игоре. (Повесть временных лет). Первое упоминание о русской епархии (предположительно на Таманском полуострове).

882 г. — Бенефиций Рорика во Фрисландии был отдан Карлом Толстым другому конунгу — Готфриду. Следовательно, Рорика, вероятно, уже не было в живых.

882 г. — Захват князем Олегом Киева и объявление его «матерью городов русских».

До 886 г. — Крещение росов императором Василием (сообщение Иоанна Скилицы).

Приложение 2. Резолюция Первой Международной научной конференции «Начала Русского мира»

Участники Международной научной конференции «Начала Русского мира», проводимой в г. Санкт-Петербурге при поддержке ЮНЕСКО, заслушав и обсудив доклады коллег из России, Украины, Беларуси, Греции, Франции и Швеции, пришли к единому мнению, что начало становления Руси как независимого государства необходимо выводить не от появления или отсутствия в стране той или иной правящей династии, а от первого известного дипломатического признания Руси на международном уровне. Такое событие в истории Древнерусского государства имело место 1150 лет назад, когда в июне 860 г., после недельной осады флотом русов столицы Византийской империи — Константинополя, между двумя странами был заключен мирный договор, впервые связавший Русь и Византию узами дружбы и межгосударственных отношений.

В условия мирного договора 860 г., как видно из более чем двух десятков зарубежных источников, входили пункты об установлении дипломатических отношений между двумя государствами, о выплате Византией дани русам, разрешение им вступать на службу в византийскую армию, вести торговлю на территории империи, посылать в Византию дипломатические миссии, а также пункт о крещении Руси. Подобные условия договора свидетельствуют о том, что Русь задолго до появления династии Рюрика

сформировалась как полноценное самостоятельное государство, с которым не только вынуждены были считаться соседние сверхдержавы, но и устанавливать равноправные международные дипломатические и экономические отношения. Немаловажным пунктом данного двухстороннего договора был пункт о крещении Руси, благодаря чему на Руси со времен князя Аскольда не только начался постепенный процесс проникновения христианских ценностей и культуры, но и приобщение Руси к мировой византийско-христианской цивилизации.

Общеизвестно, что именно с похода Руси на Царьград в 860 г. древнерусский летописец выводит начало Руси и ее государственности. Повесть временных лет отмечает, что именно с этого времени «напаса прозывати Руська земля». И именно с этого события древнерусские летописцы вели хронографический отсчет в своих летописях: «Отсель начнем и числа положим». Это свидетельство отечественной летописи является веским подтверждением исторической и политической важности похода 860 г. и достигнутых дипломатических договоренностей для международного утверждения Руси как полноправного независимого государства.

В связи с вышесказанным участники конференции единогласно постановили:

I. Учитывая важное историческое, политическое и культурное значение похода русов на Константинополь в 860 г. для братских русского, украинского и белорусского народов, последовавшее за ним международное дипломатическое признание Руси как самостоятельного государства и начало ее христианизации, предложить Правительствам России, Украины и Беларуси объявить 25 июня (день снятия русами недельной осады Константинополя и подписания мирного договора с Византией) памятной датой нашей

общей истории, послужившей началом международного признания государственности Древней Руси.

II. Поручить оргкомитету Международной научной конференции «Начала Русского мира» направить обращение к руководителям государств России, Украины и Беларуси, а также к Межпарламентской ассамблее стран-участниц СНГ с предложением объявить 25 июня всенародным государственным праздником: «Днем Древней Руси», поскольку этот день по праву является днем государственности российского, украинского и белорусского народов.

Участники конференции 29 октября 2010 г.

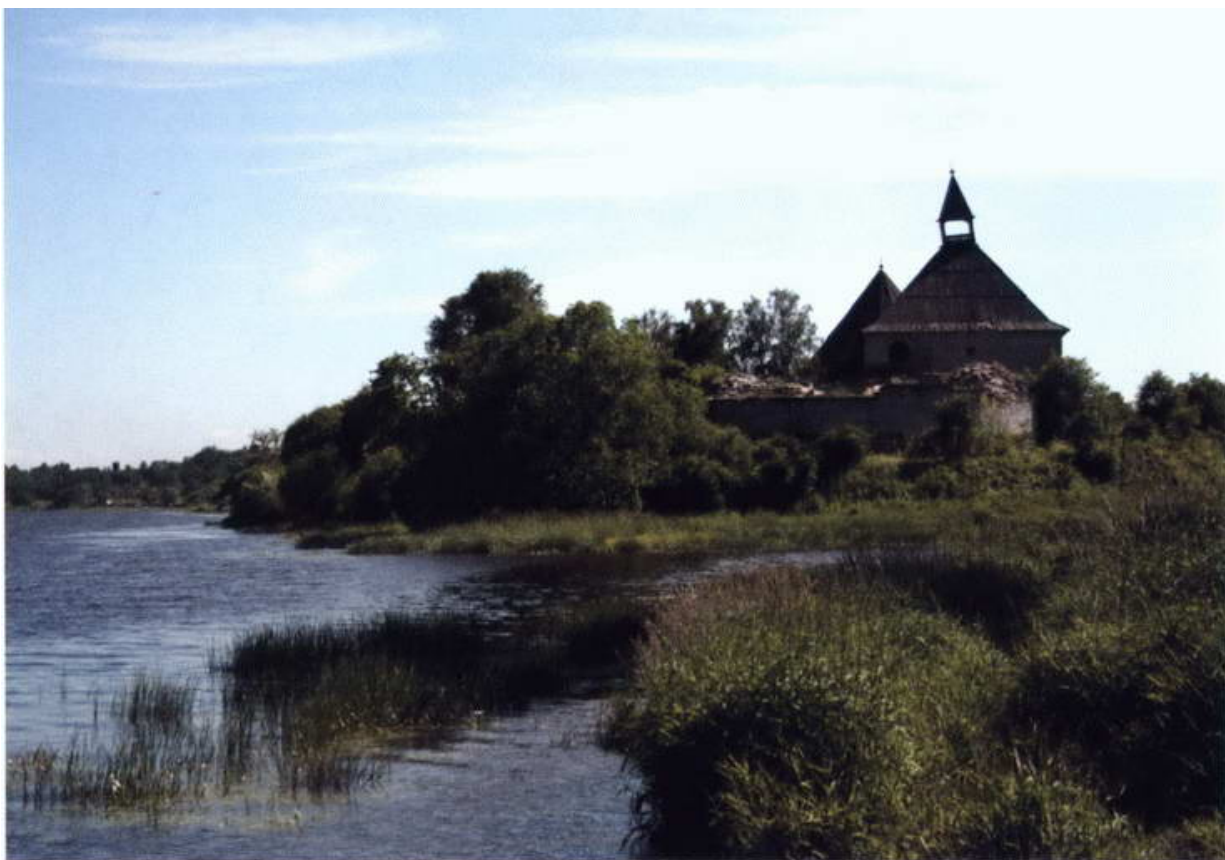
Иллюстрации

Великий Новгород. Памятник Тысячелетия России. Статуя Рюрика

Рюрик. Историческая реконструкция (М. Багаев)

Старая Ладога. Крепость

Старая Ладога. Крепость

Старая Ладога. Крепостная лестница, ведущая к Волхову

Старая Ладога. Арка крепости

Старая Ладога. Стекланные бусы

Старая Ладога. Опегова могила

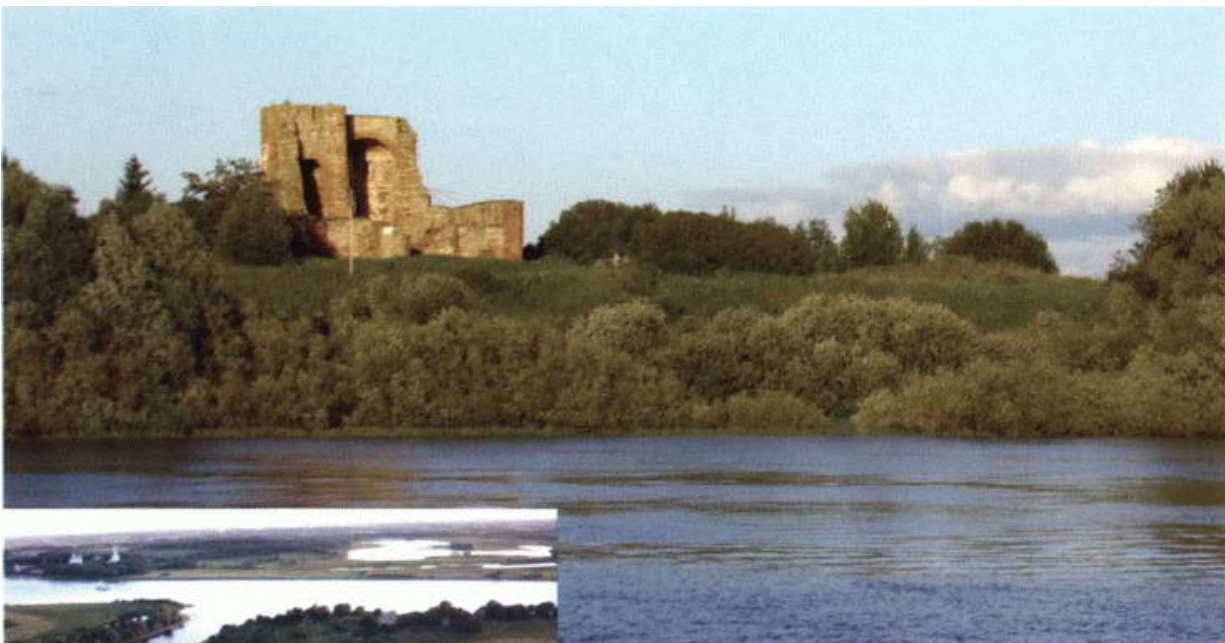
Старая Ладога. Раскопки на Земляном городище

Старая Ладога. Древнерусское оружие

Старая Ладога. Стекланные бусы

Вверху: Рюриково городище и руины церкви Благовещения. Вид с Волхова

Слева: Рюриково городище. Вид с высоты птичьего полета

Рюриково городище. Раскопки

Рюриково городище. Раскопки

Рюриково городище. Раскопки

Великий Новгород. Волотово поле. Рождественская церковь

Вид на Новгород со стороны Рюрикова городища

Великий Новгород. Вид на Торговую сторону

Великий Новгород. Торговые ряды

Изборск. Труворов крест

Изборск. Плита у Труворова креста

Изборск. Труворово городище

Изборск. Труворово городище. Крепостные ворота

Изборск. Труворово городище. Вал

Изборск. Труворово городище. Никольская церковь

Изборск. Крепость на Жеравьей горе

Изборск. Славянские ключи

Псков. Кром

Белозерск. Памятный камень и ладья

Сергей Васильевич Цветков (1952–2012) – русский писатель, историк, популяризатор исторической науки. В 1992 г. он основал издательство «БЛИЦ», был членом Русского ПЕН-центра и директором Санкт-Петербургского Русского ПЕН-клуба, членом Санкт-Петербургского союза литераторов, президентом Экспериментального театрального общества. С.В.Цветков выступил инициатором проведения и талантливым организатором международных конференций «Начала Русского мира» (2010 и 2011). Он автор книг «Кельты и славяне» (2005), «В поисках Славянской прародины» (2007), «Торговые пути и корабли кельтов и славян» (в соавторстве с И.И.Черниковым, 2008), «Благоверный князь православной Руси – Святой воин Александр Невский» (в соавторстве с Н.В.Регинской, 2010), «Поход Русов на Константинополь» (2010). «Князь Рюрик и его время» стала последней книгой Сергея Васильевича. Изложив и проанализировав все версии происхождения князя-основателя династии, он убедительно показывает его южно-балтийские славянские корни, рисует «портрет на фоне эпохи».

notes

На эту тему подробнее см. работы последних лет: Цветков С.В. Поход русов на Константинополь и начало Руси. СПб., 2010; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980; Фомин В. В. Варяги и Варяжская Русь. М., 2007.

Шайкин А.А. Повесть временных лет. История и поэтика. М., 2011. С. 8.

Пчелов Е. Рюрик. М., 2010. С. 143.

4

Там же. С. 152.

Там же. С. 153.

Древняя Русь в свете зарубежных источников:
Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники. М.,
2010. С. 19—21.

Тацит К. Сочинения в двух томах. М., 1993. С. 351—355.

Цветков С.В., Черников И.И. Торговые пути и корабли кельтов и славян. СПб., 2008. С. 191.

Брайневский М.Ю. Русские названия порогов у Константина Багрянородного // Варяго-Русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 577—578.

Гедеонов С.А. Варяги и русь. М., 2004. С. 138.

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 3—4.

Фомин В.В. Начальная история Руси. М., 2008. С. 184—185.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 14.

Кулаков В.И. Эстии, венеды и германцы на Самбии // Восточная Европа в средневековье. М., 2004. С. 102.

Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 185.

Коваленко Г., Смирнов В. Легенды и загадки земли Новгородской. М., 2007. С. 11.

Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 248.

Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб., 2002. С. 310—311.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. 2-е изд., дополн. М., 1993. С. 289.

Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. С. 28—29.

Коваленко Г., Смирнов В. Указ. соч. С. 14; Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 66—67.

Коваленко Г., Смирнов В. С. 15—16.

Там же. С. 16.

Азбелев А.Н. Гостомысл // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С. 600—601.

Там же. С. 602.

Коваленко Г., Смирнов В. Указ. соч. С. 17.

Фомин В.В. Начальная история... С. 190.

Там же. С. 191.

Там же. С. 196—197.

Там же. С. 10—11.

Грот Л.П. Утопические истоки норманизма: мифы о гипербореях и рудбекианизм // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010. С. 322-323.

Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 188.

Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010. С. 317.

Древняя Русь в свете зарубежных источников:
Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники. М., 2009. С. 114.

Рыбаков Б.А. Русь и страна Андалус в IX—X вв. // Советское востоковедение. 1958. №4. С. 116—119.

Древняя Русь в свете... С. 117.

Там же. С. 120—121.

Там же.

Там же. С. 123.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967. С. 59—67.

Шахматов А.А. Повесть временных лет. С. 6.

Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. М., 2004. С. 200.

Шахматов А.А. Указ. соч. С. 19.

Шахматов А.А. Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 611—612.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 298—299.

Пчелов Е. Указ. соч. С. 230.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 67.

Фомин В.В. Начальная история... С. 239.

Гильфердинг Л.Ф. Собр. соч. в 4-х томах. Т. IV.
История балтийских славян. С. 58—59.

Из «Датской истории» Саксона Грамматика // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. М., 2004. С. 83.

Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. М., 2004. С. 40.

Нуннан Т.С. Зачем викинги в первый раз прибыли в Россию // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Самара, 2001. С. 29—30.

Кулаков В.К. История Пруссии до 1283 г. М., 2003. С. 133.

Давидян О.И. Янтарь Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 25.,
Л., 1984. С. 125.

Кузьмин А.Г. Примечания. Раздел II // Славяне и Русь.
М., 2001. С. 415.

Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Гедеонов С. А. Варяги и русь. М., 2004. С. 608.

Росс А. Повседневная жизнь кельтов в языческую эпоху. СПб., 2004. С. 57.

Ершова Т.Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из каменного погребения в Пскове // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. М., 2010. С. 288.

Цветков С.В. Кельты и славяне. СПб., 2005. С. 98.

Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов. С. 609.

Кузьмин А.Г. С. Тайны рождения русского народа // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010. С. 247—248.

Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов. С. 609.

Диллон М., Чедвик Н. К. Кельтские королевства. СПб., 2002. С. 112.

Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов. С. 609.

Там же. С. 611.

Пчелов Е. Указ. соч. С. 225.

Хрестоматия по истории России...

Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010. С. 371 — 372.

Хрестоматия по истории России... С. 147—148.

Василевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 2001. С. 276—284.

Там же. С. 284.

Там же. С. 288.

Там же. С. 289.

Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов. С. 598—599.

Shore T.W. Origin of Anglo-Saxon race — a study of the settlement of England and the tribal origin of the old English people. London., 1906.

Грот Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос и пути его разрешения. М., 2010. С. 186—187.

Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Русский каганат и остров русов // Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 2001. С. 473.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 330.

Нидерле Л. Славянские древности. 2-е изд. М., 2001.
С. 108.

Свод древнейших письменных известий о славянах.
Т. П. М., 1995. С. 15—17.

Там же. С. 48—49.

Там же. С. 48.

Седов В. В. Указ. соч. С. 331—333.

Свод... Указ. соч. Т. I. С. 467.

Там же. Т. II. С. 471.

Седов В. В. С. 334.

Гильфердинг А. Ф. Собр. соч. Т. 4. История
балтийских славян XVI в.

Там же. С. 248.

Свод... Т. II. С. 411.

Там же. С. 411— 412.

Там же. С. 419.

Седов В.В. С. 334.

Гильфердинг А. Ф. Указ. соч. С. 99.

Фаминцин А. С. Язычество древних славян. СПб., 1995. С. 27—28.

Гильфердинг А. Ф. LXI.

Там же. С. 28—29.

Там же. С. 62.

Седов В.В. С. 343—344.

Трухачев Н.С. Попытка локализации прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X—XIII вв. Славяне и Русь: проблемы и идеи. 4-е изд. М., 2001. С. 324.

Там же. С. 325.

Там же. С. 326.

Там же.

Там же. С. 336—337.

Там же. С. 339.

Седов В.В. С. 344.

Хрестоматия по истории средних веков. Т. I. М., 1949.
С. 42-43.

Фомин В.В. Комментарии // Геденов С. А. Варяги и русь. М., 2004. С. 549.

Гильфердинг А.Ф. С. 58—59.

Там же. С. 60.

110

Там же.

Там же. С. 246.

Седов В.В. С. 438.

Фаминцин А. С. Указ. соч. С. 30—31.

Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. СПб., 1985. С. 111.

Фомин В.В. С. 519.

Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 18.

Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010. С. 382— 384.

Янин В.Л. Археология и исследования русского Средневековья //Вестник Российской Академии наук. М., 2000. № 10. С. 923.

Цветков С.В., Черников И.И. Торговые пути и корабли кельтов и славян. СПб., 2008.

Фомин В. В. Начальная история Руси. Приложения. Повесть временных лет. М., 2008. С. 239.

Там же. С. 239.

Шавли И. Венеты: наши давние предки. М., 2003. С. 64.

Фомин В.В. Указ. соч. С. 234.

Там же. С. 237.

Там же. С. 235.

Там же. С. 236.

Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 197.

Фомин В. В. С. 236.

Там же. С. 237.

130

Там же.

Там же. С. 234.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 49.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 525.

Седов В.В. Древнерусская народность. Указ. соч. С. 233.

Седов В.В. Славяне. Указ. соч. С. 352—353.

Там же. С. 324.

Каргопопъцев С.Ю., Щукин М.Б. Новая находка оружия позднеримского времени // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 86.

Казанский М.М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов. АВ. № 6. СПб., 1999. С. 404—419.

Седов В.В. Славяне. С. 364.

Там же. С. 364—365.

Там же. С. 368.

Молчанова А.А. Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем средневековье / Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. — М., 2008. См. также: Лосинский В. К генезису курганной погребальной обрядности у прибалтийских славян // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. П. СПб.-Псков, 1997. С. 13—16.

Олейников О.М. Климат в районе верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 69—82.

Фурасъев А.Г. Климат Северо-Запада России в период славянской колонизации VIII—X вв. // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 72.

Седов В.В. Древнерусская народность. С. 233—234.

Конецкий В.Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — начала II тысячелетия н. э. // Новгородский исторический сборник 4 (14). СПб. — Новгород, 1993. С. 21.

Цветков С.В., Черников И.И. Торговые пути и корабли кельтов и славян. СПб., 2008. С. 169.

Концевкий В.Я. Указ. соч. С. 23.

Рябинин Е.А. У истоков Северной Руси. СПб., 2003. С. 16—17.

Цезарь Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне. М., 2001. С. 141.

Рябинин Е.А. Указ. соч. С. 17.

Цветков С.В., Черников И.И. Указ. соч. С. 171.

Паул С.К. Некоторые закономерности распространения древнего населения в свете изучения могильников I тыс. н. э. в Восточной Эстонии // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 92.

Плоткин К.М. К вопросу о хронологии городища Камно в Псковской обл. КСИА, 139, 1974. С. 13—16.

Смолицкая Г.П. Некоторые лексические материалы. По данным гидронимики // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 171 —179.

Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 153—185.

Там же. С. 158—160, 182—184.

Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000. С. 76; Цветков С.В. Кельты и славяне. СПб., 2005. С. 28.

Мжелъская О.С. О лексических связях псковских говоров с западными славянскими языками // Вестник Ленинградского государственного университета. 1963. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 89—100.

Седов В.В. Изборск и проблема становления Древнерусского города // Изборск и его округа. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции (6—7 сентября 2001). Псков, 2002. С. 15—16.

Белецкий С.В. Происхождение Пскова. 1990. С. 9.

Седов В.В. Изборск... Указ. соч. С. 17.

Там же С. 17—19.

Там же. С. 19.

Там же. С 19—20.

Плоткин К.М. Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 28.

Перу Ф. Друиды. СПб., 2000. С. 105—106.

Плоткин К.М. Начало Пскова. Указ. соч. С. 24.

Там же. С. 26.

Там же. С. 34—36.

Псковские летописи под редакцией А.Н. Насонова. Т. II. М., 1955, С. 73.

Там же. С. 38.

Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 149.

Там же.

Горский А.А. Кривичи и полочане в IX—X вв. (вопросы политической истории) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 58.

Лабутина И.К. Открытие псковского некрополя // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 76.

Седов В.В. Славяне. С. 372—373.

Там же. С. 374.

Там же. С. 382.

Там же. С. 384.

Там же. С. 385.

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры: В двух книгах. Кн. 1-я. М., 2006. С. 6—7.

Куза А.В. Указ. соч. С. 149—151.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белозеро. М., 2004. С. 108.

Там же. С. 127.

Пчелов Е. Рюрик. М., 2010. С. 225.

Седов В.В. Славяне. С. 390.

Калыгин В.П. Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006. С. 121 — 122.

Седов В.В. Славяне. С. 391.

Пчелов Е. Указ. соч. С. 219.

Седов В.В. Славяне. С. 393.

Там же. С. 395.

Там же. С. 397.

Там же.

Там же. С. 398—399.

Фомин В.В.С. 179.

Фомин В.В. Комментарии // Гедеонов С. А. Варяги и русь. М., 2004. С. 471.

Там же. С. 472.

Там же. С. 528.

Там же. С. 528—529.

Фомин В.В. Ломонософобия российских норманистов
// Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010. С.
210.

Там же. С. 211.

Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 202—203.

Там же. С. 200.

Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 21—22.

Макаров Н.А. Север и Юг Древней Руси в X — первой половине XIII века: факторы консолидации и обобщения // Русь в IX—XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 7.

Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 24.

Там же. С. 25.

Конецкий В.Я. Раннеславянская культура Северо-Запада: опыт построения теоретической модели // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции). Новгород, 26—28 января 1999. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 219—220.

Кирпичников А.Н. Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 54—57.

Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 7—8.

Там же. С. 16.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Л., 1939. С. 79.

Фаминцин А.С. Божества древних славян. СПб., 1995.
С. 31.

Кирпичников А.Н. С. 5.

Фаминцин А.С. Указ. соч. С. 262—265.

Хрестоматия по истории России с древнейших времен по 1618 г. М., 2004. С. 300.

Калыгин В.П. Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006. С. 181.

Цветков С.В. В поисках славянской прародины. СПб., 2007. С. 44.

Носов Е. Н. Типология городов Поволховья //Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции). Новгород, 25—27 января 2000. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 280—281.

Цветков С.В. Ирландский раннехристианский орнамент и древнерусское декоративно-прикладное искусство // Кроуфорд Д.С. Резной орнамент ирландских памятников христианского периода. СПб., 2007. С. 163.

Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 24—26 января 1995). Вып. 9. Новгород, 1995. С. 99.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 164—166.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород., 2001. С. 92—93.

Кузьмин С.П. Волховские пороги в эпоху Средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции.) Новгород, 27—29 января 1998. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 260.

Там же. С. 259.

Фомин В.В. Ломонософобия... Указ. соч. С. 529—530.

Коновалов А.А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв. / Автореферат кандидатской диссертации. М., 1974.

Рыбина Е.А. Указ. соч. С. 94.

Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни //Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003. С. 256—258.

Рыбина Е.Л. С. 93.

Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968. С. 47, 63.

Янин В.Л. Неревский клад куфических монет X в. МИ
А, № 117. М., 1956.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1993. С. 197.

Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002. С. 111—112.

Фаминцин А.С. Указ. соч. С. 32—33.

Азбелев С.Н. Указ. соч. С. 603—604.

Там же. С. 609—612. Цифры в скобках указывают номера страниц книги: Hrbek I. Der dritter Stamm der Rus nach arabishen Quellen // Archiv orientalni. T. 25. Praha, 1957. S. 628—652.

Галкина Е.С. Указ. соч. С. 137.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 293.

Галкина Е.С. С. 139.

Там же. С. 175.

Колода В.В. К вопросу об этнической интерпретации салтовских железоплавилен // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 45—46.

Галкина Е.С. С. 218.

Там же. С. 220—221.

Там же. С. 222.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И.,
Толмачева М.М. Очерки по истории древней
железообработки в Восточной Европе. М., 1997. С. 183.

Галкина Е.С. С. 223—224.

Там же. С. 226.

Там же. С. 192—193.

Там же. С. 210.

Там же. С. 97—99.

Кирпичников А.Н. Великий волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 44.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества.
Черновцы, 2002. С. 16-17.

Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 598.

256

Русанова И.П. Указ. соч. С. 45.

257

Там же. С. 36.

258

Кузьмин А.Г. С. 598.

Смирнов А.А. Древнеирландский эпос / Библиотека всемирной литературы. Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 553.

Шотландская старина. СПб., 2004. С. 75.

Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Гедеонов А.С. Варяги и русь. М., 2005. С617.

Пецеевич Л. Балтийские славяне и Северная Русь в раннем средневековье: Несколько дискуссионных замечаний // Славяне и Русь: проблемы и идеи. М., 2001. С. 145.

Калыгин В.П. Указ. соч. С. 153—154.

Беда Достопочтенный. Указ. соч. С. 161.

265

Там же. С. 247.

Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // КСИИМК. Вып. VI. 1940. С. 5.

Кузьмин А.Г. Указ . соч. С. 619.

Там же. С. 619—620.

Там же. С. 621.

Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 175—176.

Там же. С. 160.

Фомин В.В. Начальная история Руси. Указ. соч. С. 239.

273

Там же.

Там же. С. 239—240.

Кузьменков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы 2000 г. Проблемы источниковедения М., 2003. С. 8—9.

Там же. С. 9.

Там же. С. 4.

Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX—XII в.). СПб., 2000. С. 56.

Седов В.В. Славяне. С. 286.

Там же. С. 287—288.

Подробнее о походе 860 г. см.: Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб., 2010.

Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // Гedeонов С.А. Варяги и русь. М., 2004. С. 606.

Там же. С. 612—613.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. Изд. 2-е, дополн. М., 1993. С. 306.

Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры: В 2-х книгах. Кн. 1. М., 2006. С. 46—47.

Там же. С. 53—54.

Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 306.

Там же. С. 307.

289

Там же.

Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916, С. 8—9.

Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. II. С. 9.

Рыбаков Б. А. С. 105.

Там же. С. 106.

Там же. С. 96—98.

Седов В. В. Указ. соч. С. 531—534.

Там же. С. 535.

Там же. С. 542.

Там же. С. 542—545.

Там же. С. 547—548.

Там же. С. 551.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 51.

Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
С. 206.

Новосильцев А. П. Указ. соч. С. 397, 400.

Донской Д.В. Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008. С. 551.

Кирпичников А.Н. Великий волжский путь... Указ. соч.
С. 48—49.

Седых В.Н. Русь эпохи Рюрика: археолого-нумизматический аспект // Ладога—первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003. С. 71.

Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 50.

Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под редакцией А.С. Герда и Г.С. Лебедева. СПб., 1999. С. 176.

Седых В.Н. Указ. соч. С. 69, 71.